

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2687-1262

ЖУРНАЛ ИНТЕГРАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF INTEGRATIVE CULTURAL STUDIES

T. 7 № 4 2025

VOL. 7 No. 4 2025

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

ISSN 2687-1262 (online)
iik-journal.ru
<https://doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4>
2025. Том 7, № 4
2025. Vol. 7, no. 4

Журнал интегративных исследований культуры Journal of Integrative Cultural Studies

Регистрационный номер СМИ ЭЛ № ФС 77 - 74249,
выдан Роскомнадзором 09.11.2018
Рецензируемое научное издание
Журнал открытого доступа
Учрежден в 2018 году
Выходит 4 раза в год
16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 - 74249,
issued by Roskomnadzor on 9 November 2018
Peer-reviewed journal
Open Access
Published since 2018
4 issues per year
16+

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Телефон: +7 (812) 312-17-41

Publishing house of Herzen State Pedagogical
University of Russia
48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Phone: +7 (812) 312-17-41

Объем 13,3 Мб
Подписано к использованию 30.12.2025

Published at 30.12.2025

При использовании любых фрагментов ссылка
на «Журнал интегративных исследований культуры»
и на авторов материала обязательна.

The contents of this journal may not be used in any way
without a reference to the “Journal of Integrative Cultural
Studies” and the author(s) of the material in question.

Редактор *Н. А. Синеникольская*
Редактор английского текста *М. В. Городиский*
Корректор *А. Г. Савельева*
Оформление обложки *О. В. Рудневой*
Верстка *Д. В. Романовой*

Санкт-Петербург, 2025
© Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, 2025

Редакционная коллегия

Главный редактор

А. М. Мосолова (Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

А. В. Бондарев (Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

А. Л. Вольский (Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

О. С. Сапанжа (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

Е. С. Корвацкая (Санкт-Петербург, Россия)

В. Г. Ананьев (Санкт-Петербург, Россия)

Е. И. Балакина (Барнаул, Россия)

Н. В. Беломестнова (Санкт-Петербург, Россия)

А. В. Венкова (Санкт-Петербург, Россия)

И. Н. Вольнов (Москва, Россия)

Л. В. Дмитриева (Санкт-Петербург, Россия)

А. И. Жеребин (Санкт-Петербург, Россия)

А.-К. И. Забулионите (Санкт-Петербург, Россия)

Я. С. Ивашченко (Санкт-Петербург, Россия)

Т. В. Игошева (Санкт-Петербург, Россия)

Е. Ю. Липец (Ростов-на-Дону, Россия)

М. Л. Магидович (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. Мартынов (Омск, Россия)

В. Л. Мельников (Нижний Новгород, Россия)

Н. Г. Михновец (Санкт-Петербург, Россия)

Л. А. Прыткова (Бишкек, Кыргызстан)

С. А. Савицкий (Санкт-Петербург, Россия)

А. А. Суворова (Санкт-Петербург, Россия)

А. У. Уланова (Санкт-Петербург, Россия)

С. Л. Фокин (Санкт-Петербург, Россия)

С. О. Шведова (Санкт-Петербург, Россия)

А. В. Яковлев (Санкт-Петербург, Россия)

М. Н. Яковлева (Санкт-Петербург, Россия)

О. А. Янутш (Санкт-Петербург, Россия)

Editorial Board

Editor-in-chief

Lubov M. Mosolova (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Alexei V. Bondarev (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Alexei L. Volsky (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Olga S. Sapanzha (St Petersburg, Russia)

Executive Editor

Elena S. Korvatskaya (St Petersburg, Russia)

Vitaly G. Ananiev (St Petersburg, Russia)

Elena I. Balakina (Barnaul, Russia)

Nina V. Belomestnova (St Petersburg, Russia)

Alina V. Venkova (St Petersburg, Russia)

Ilya N. Volnov (Moscow, Russia)

Larisa V. Dmitrieva (St Petersburg, Russia)

Aleksey I. Zherebin (St Petersburg, Russia)

Audra-Christina I. Zabulionite (St Petersburg, Russia)

Yana S. Ivashchenko (St Petersburg, Russia)

Tatiana V. Igosheva (St Petersburg, Russia)

Ekaterina Yu. Lipets (Rostov-on-Don, Russia)

Marina L. Magidovich (St Petersburg, Russia)

Vladimir A. Martynov (Omsk, Russia)

Vladimir L. Melnikov (Nizhny Novgorod, Russia)

Nadezhda G. Mikhnovets (St Petersburg, Russia)

Lyudmila A. Prytkova (Bishkek, Kyrgyzstan)

Stanislav A. Savitsky (St Petersburg, Russia)

Anna A. Suvorova (St Petersburg, Russia)

Alina U. Ulanova (St Petersburg, Russia)

Sergey L. Fokin (St Petersburg, Russia)

Svetlana O. Shvedova (St Petersburg, Russia)

Alexey V. Yakovlev (St Petersburg, Russia)

Maria N. Yakovleva (St Petersburg, Russia)

Olga A. Yanutsh (St Petersburg, Russia)

Редакционный совет

Председатель ред. совета

Г. Г. Малинецкий (Москва, Россия)

И. М. Быховская (Москва, Россия)

А. Л. Вассоевич (Санкт-Петербург, Россия)

В. Э. Войцехович (Тверь, Россия)

А. А. Воскресенский (Санкт-Петербург, Россия)

Ж. Долгурсүрэн (Улан-Батор, Монголия)

Г. В. Драч (Ростов-на-Дону, Россия)

Е. Ю. Ендольцева (Москва, Россия)

А. В. Колесников (Санкт-Петербург, Россия)

И. В. Кондаков (Москва, Россия)

Т. А. Кошемчук (Санкт-Петербург, Россия)

Л. К. Круглова (Санкт-Петербург, Россия)

С. В. Лаврова (Санкт-Петербург, Россия)

Л. Н. Лetyagin (Санкт-Петербург, Россия)

И. В. Леонов (Санкт-Петербург, Россия)

А. А. Лисенкова (Санкт-Петербург, Россия)

Е. В. Листвина (Саратов, Россия)

М. Яхьяпур (Тегеран, Иран)

Л. В. Никифорова (Санкт-Петербург, Россия)

А. А. Павильч (Минск, Республика Беларусь)

И. Б. Романенко (Санкт-Петербург, Россия)

А. А. Смирнова (Санкт-Петербург, Россия)

Д. Е. Фесенко (Москва, Россия)

А. А. Хлевов (Севастополь, Россия)

Н. А. Хренов (Москва, Россия)

Editorial Council

Chairman of the Council

Georgiy G. Malinetskiy (Moscow, Russia)

Irina M. Bykhovskaya (Moscow, Russia)

Andrey L. Vassoyevich (St Petersburg, Russia)

Vyacheslav E. Wojciechowicz (Tver, Russia)

Alexey A. Voskresensky (St Petersburg, Russia)

Zhamyan Dolgorsuren (Ulan Bator, Mongolia)

Gennadiy V. Drach (Rostov-on-Don, Russia)

Ekaterina Yu. Endoltseva (Moscow, Russia)

Andrey V. Kolesnikov (St Petersburg, Russia)

Igor V. Kondakov (Moscow, Russia)

Tatyana A. Koshemchuk (St Petersburg, Russia)

Larisa K. Kruglova (St Petersburg, Russia)

Svetlana V. Lavrova (St Petersburg, Russia)

Lev N. Letyagin (St Petersburg, Russia)

Ivan V. Leonov (St Petersburg, Russia)

Anastasiya A. Lisenkova (St Petersburg, Russia)

Evgenia V. Listvina (Saratov, Russia)

Marzieh Yahyapour (Tehran, Iran)

Larisa V. Nikiforova (St Petersburg, Russia)

Alexandr A. Pavilch (Minsk, Belarus)

Inna B. Romanenko (St Petersburg, Russia)

Alla A. Smirnova (St Petersburg, Russia)

Dmitry E. Fesenko (Moscow, Russia)

Alexander A. Khlevov (Sevastopol, Russia)

Nikolai A. Khrenov (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья редакции	317
Теория и история культуры, искусства	318
Леонов И. В. Исследовательские ракурсы и теоретические модели истории культуры России ...	318
Дмитриева Л. В. Монастырь как поликультурный концепт ландшафта Русского Севера	331
Суворова А. А. Культурологические подходы к анализу пермской деревянной скульптуры ...	340
Никифорова С. В. Борис Попов: у истоков философии культуры саха	348
Воскресенский А. А., Иванов Д. А., Чистова А. Д. Гибридный герой: эволюция ценностных ориентаций современного студенчества в условиях цифровой трансформации.	360
Литература народов мира	368
Орлов Ю. Н. Исследование возможного авторства произведений Шекспира методом биграмм	368
Русская литература и литературы народов Российской Федерации	379
Анненкова Е. И., Косачева И. А. Цирк в повести Д. В. Григоровича «Гуттаперчевый мальчик» (1883) как антипод народного театра.	379
Виды искусства	389
Филимонова Ю. А. Искусство, власть и вода: Грот Тетис как вершина французской традиции садово-парковых гротов	389
Фесенко Д. Е. Становление самоидентификационного вектора в архитектуре России в 2010-е — середине 2020-х годов (тенденции и предпосылки)	399

CONTENTS

Introductory article by the Editorial	317
Theory and History of Culture and Art.....	318
<i>Leonov I. V.</i> Cultural history of Russia: Research perspectives and theoretical models.....	318
<i>Dmitrieva L. V.</i> Monastery as a multicultural concept in the landscape of the Russian North	331
<i>Suvorova A. A.</i> Culturological approaches to analyzing Perm wooden sculpture	340
<i>Nikiforova S. V.</i> Boris Popov: At the origins of the Sakha philosophy of culture	348
<i>Voskresenskiy A. A., Ivanov D. A., Chistova A. D.</i> The hybrid hero: The evolution of value orientations among modern students in the context of digital transformation.....	360
Literatures of the peoples of the world	368
<i>Orlov Yu. N.</i> Authorship attribution of Shakespeare's works using the bigram method.....	368
Russian literature and Literatures of the peoples of the Russian Federation	379
<i>Annenkova E. I., Kosacheva I. A.</i> Circus in the novella <i>The Gutta-Percha Boy</i> (1883) by D. V. Grigorovich as the antipode of folk theater	379
Types of Art.....	389
<i>Filimonova Yu. A.</i> Art, power and water: The Grotto of Tethys as the pinnacle of the French landscape grotto tradition.....	389
<i>Fesenko D. E.</i> Development of the self-identifying vector in Russian architecture from the 2010s to the mid-2020s: Trends and prerequisites	399

Вступительная статья редакции

В данном и последующих выпусках нашего журнала мы начинаем публиковать некоторые результаты научных исследований, связанных с разработкой современных проблем понимания России как самобытной цивилизации и исторического творчества её народов как субъектов этой цивилизации. Данные разработки в определённой степени являются основами для создания нового учебника «История культуры России» для педагогических вузов страны. В этом отношении показательной является статья профессора И. В. Леонова «Исследовательские ракурсы и теоретические модели истории культуры России», в которой характеризуются различные подходы к изучению истории культуры России в XX веке, а также современные историко-культурологические практики исследования России. Кроме того, публикуется статья Л. В. Дмитриевой, посвящённая средневековым феноменам отечественной культуры «Монастырь как поликультурный концепт ландшафта Русского Севера».

К культурологическому наследию народов России, которое часто остаётся в тени других интересов столичных учёных, обращена статья С. В. Никифоровой «Борис Попов: у истоков философии культуры саха», в которой рассматриваются философские, культурологические и другие гуманитарные труды известного учёного Якутии Бориса Николаевича Попова, относящиеся к числу высоких достижений духовной культуры республики. Завершается философско-культурологическая рубрика данного выпуска очень актуальным коллективным исследованием А. А. Воскресенского, Д. А. Иванова и А. Д. Чистовой об изменениях общественного сознания современной российской молодёжи «Гибридный герой: эволюция ценностных ориентаций современного студенчества в условиях цифровой трансформации».

Статья А. А. Суворовой «Культурологический подход к анализу пермской деревянной скульптуры» продолжает освещение актуальной темы взаимодействия современной культуры с многовековым наследием русской традиции, ранее поднятой в предыдущих выпусках данного издания.

В литературной рубрике публикуются две статьи. Это статья Ю. Н. Орлова «Исследование возможного авторства Шекспира методом биграмм», являющаяся примером интеграции математики и филологии в исследовании произведений мировой литературы. Результаты исследования подтверждают гипотезу о едином авторстве большинства произведений Шекспира. Другая статья Е. И. Анненковой, И. А. Косачевой «Цирк в повести Д. В. Григоровича (1883) “Гуттаперчивый мальчик” как антипод народного театра», в которой показываются возможности рассматривать место народной эстетики в поэтике натуральной школы в литературоведении.

Рубрика журнала «Виды искусства» содержит оригинальную статью Д. Е. Фесенко «Становление самотождественнического вектора в архитектуре России в 2010-е — середине 2020-х гг. (тенденции и предпосылки)». В ней рассматриваются внешние предпосылки и внутренние тенденции развития современной архитектуры. Автор приходит к выводу о том, что современный самобытный тренд развития архитектуры в России охватывает три феномена: охрану памятников и реставрацию; восстановление локальных поселений; развитие национальных и региональных традиций. Вторая статья Ю. А. Филимоновой «Искусство, власть, вода: Грот Тетис как вершина французских традиций садово-парковых гротов» касается освоения европейского садово-паркового искусства и его современной значимости.

От редакции

Check for updates

Теория и история культуры, искусства

УДК 008

EDN XOKLKT

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-318-330>

Исследовательские ракурсы и теоретические модели истории культуры России

И. В. Леонов ¹

¹ Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2

Для цитирования: Леонов, И. В. (2025) Исследовательские ракурсы и теоретические модели истории культуры России. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 4, с. 318–330. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-318-330> EDN XOKLKT

Получена 30 октября 2025; прошла рецензирование 20 ноября 2025; принята 25 ноября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © И. В. Леонов (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Аннотация. В статье даётся характеристика исследовательской деятельности, направленной на изучение истории культуры России. Отмечается, что оформление и упорядочивание наших представлений об истории отечественной и мировой культуры, логике её развития и особенностях динамики необходимо соотносить с «точкой актуального времени», с различными аспектами современности, в рамках которых мы осуществляем интерпретацию и построение моделей истории. Раскрывается технологический и программирующий потенциал моделей истории культуры, в частности, их ценностно-ориентационный и воспитательный аспекты. Подчёркивается, что представление об истории национальной культуры имеет стратегическое значение для формирования национальной идентичности, культурной и исторической памяти. В тексте приводится анализ современных практик изучения истории культуры России в контексте различных дисциплин, теоретико-методологических подходов и способов фокусировки на тех или иных гранях историко-культурной реальности. Даётся характеристика макроисторического ракурса изучения истории культуры России. Уделяется внимание дисциплинарным направлениям данной исследовательской области, включая историческую науку, этнографию, фольклористику, историю искусства и др. Раскрываются некоторые культурологические направления изучения данной проблематики, в том числе деятельностное, аксиологическое, семиотическое, гештальт-культурологическое и др. Приводятся примеры теорий, соответствующих тем или иным исследовательским векторам, в частности, труды А. Тойнби, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, П. А. Сорокина, И. Е. Забелина, Б. А. Рыбакова, Л. Н. Гумилёва, А. С. Ахиезера, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, Д. С. Лихачёва, Э. С. Маркаряна, М. С. Кагана, И. В. Кондакова и др. Предлагается ряд параметров, сочетающих различные пространственно-временные рамки истории, её модель и ритмики смены эпох, которые могут быть положены в основу современной интерпретации истории культуры России.

Ключевые слова: история культуры России, макроистория, большая история, бинарный тип культуры, цивилизация, динамика культуры

Cultural history of Russia: Research perspectives and theoretical models

I. V. Leonov

¹ St. Petersburg State Institute of Culture, 2 Dvortsovaya Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Leonov, I. V. (2025) Cultural history of Russia: Research perspectives and theoretical models. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 318–330. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-318-330> EDN XOKLKT

Received 30 October 2025;
reviewed 20 November 2025;
accepted 25 November 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © I. V. Leonov (2025).
Published by Herzen State
Pedagogical
University of Russia. Open access
under [CC BY License 4.0](#).

Abstract. This article describes the field of research focusing on the history of Russian culture. It argues that the formulation and systematization of ideas about the history of Russian and world culture, the logic of its development, and the peculiarities of its dynamics must be correlated with the ‘current point in time’ and with various aspects of modernity, within the framework of which models of history are interpreted and constructed. The article explores the technological and programming potential of models of cultural history — in particular, their value-oriented and educational aspects. It emphasizes that the perception of the history of national culture is of strategic importance for the formation of national identity, as well as cultural and historical memory. The article analyzes contemporary practices of studying the history of Russian culture in the context of various disciplines, theoretical and methodological approaches, and ways of focusing on certain aspects of historical and cultural reality. It describes the macro-historical perspective of studying the history of Russian culture, addressing contributing disciplines such as history, ethnography, folklore studies, art history, and others. Additionally, it examines culturological approaches to this issue, including activity-based, axiological, semiotic, and Gestalt-culturological frameworks. Examples of theories corresponding to various research vectors are provided, in particular, the works of A. Toynbee, N. Y. Danilevsky, K. N. Leontiev, P. A. Sorokin, I. E. Zabelin, B. A. Rybakov, L. N. Gumilev, A. S. Akhiezer, Y. M. Lotman, B. A. Uspensky, D. S. Likhachev, E. S. Markaryan, M. S. Kagan, I. V. Kondakov, and others. A number of parameters are proposed that combine various spatio-temporal aspects of history, its model, and the rhythms of era changes, serving as a foundation for a modern interpretation of the history of Russian culture.

Keywords: Russian cultural history, macrohistory, grand history, binary type of culture, civilization, cultural dynamics

Изучение истории отечественной культуры, её своеобразия, траекторий развития, многообразия региональных проявлений и других аспектов представляет довольно сложную и интересную исследовательскую область, которая носит междисциплинарный характер и затрагивает предметные поля таких наук и философских дисциплин, как культурология, историософия, история, историческая культурология, этнология, история искусства, фольклористика и некоторые другие. Отметим, что вопрос выбора теоретической модели истории культуры имеет значимость не только для структурирования и упорядочивания её прошлого. В первую очередь, то, как мы смотрим на историю отечественной культуры, важно для нас *здесь и сейчас*. Выбор соответствующих теоретических оснований, упорядочивающих историко-культурную реальность, влияет на нас как носителей особой формы идентичности, исторической и культурной памяти. То, как мы видим историю, формирует нашу картину мира

в её пространственно-временных проекциях, понимание нашей роли в мировом историко-культурном процессе, задавая ценностно-смысловые векторы будущего.

Сегодня, когда культура России обрела новую форму стабильности, когда образовался культурный монолит, сменивший хаос переходного времени постсоветского периода, когда Россия интегрируется в пространство многополярного мира, являясь одним из идеологов такого мироустройства, очень важно чёткое и ясное понимание логики и траекторий истории отечественной культуры и мирового культурно-исторического процесса. Это особенно значимо сегодня, в контексте *точки актуального времени*, когда особую роль начинает играть определённость многих мировоззренческих вопросов, не получивших ответа в постмодернистском дискурсе, — сведение идеи и логики истории к «игре нарративов» и симуляциям, особенно в 1990–2000-е гг., породило тенденцию её нивелирования и обесценивания.

Оформление и упорядочивание наших представлений об истории отечественной и мировой культуры, логике её развития и особенностях динамики требует ответа на ряд вопросов: *В чём особенности изучения истории культуры? Почему важно знать историю культуры Отечества? С чего она начинается? Какой временной интервал она охватывает? Какие пространственные рамки и сферы в неё включаются? Какие периоды в ней присутствуют и по какому принципу они фиксируются? Какой «рисунок» она имеет, и по какому закону выстраивается её модель? В каком состоянии и на каком этапе развития мы находимся в настоящее время? Каковы перспективы развития нашей культуры?* Кроме того, интерес представляет историография изучения отечественной культуры, включая исследовательские ракурсы, которые предпочитали те или иные учёные. Наконец, особую значимость имеет критический анализ соответствующих теорий на предмет их ценностно-смыслового и программирующего потенциала. Во многом поставленные вопросы носят историософский характер. А ответы на них задают контур восприятия культурно-исторического процесса. В этой статье мы постараемся пролить свет на некоторые из поставленных вопросов.

Говоря об истории культуры, сразу необходимо определиться с предметной областью, которую она изучает. В первую очередь подчеркнём, что у истории культуры, как и у истории (исторической науки в её классическом понимании), один и тот же предмет изучения — история человечества. И во многих случаях история и история культуры имеют очень тесные связи, общие зоны и точки пересечения. Однако в данных дисциплинах имеются и свои предметно-познавательные акценты, и особенности, которые складывались на протяжении времени и могут быть объяснены через анализ историко-научного контекста, в котором они формировались.

Так сложилось, что *классическую историю* во многом интересует хронология событий, их фиксация, документирование, последовательное изложение и интерпретация. При этом в исторической науке традиционно делается акцент на политических и экономических процессах, макроисторических событиях и эпохальных сдвигах, включая выявление цепочек причинно-следственных связей. Критикуя такой ракурс исторической науки, многие исследователи, такие как О. Шпенглер, Л. Февр и Ф. Бродель, отмечали относительную узость охвата реальности историками, от которых ускользали

многие грани бытия человека, оказывающие влияние на исторический процесс.

В свою очередь, говоря об *истории культуры* и «исследовательской оптике» её познания, мы также встречаем определённые устоявшиеся способы её фиксации, которые, как и в случае с исторической наукой, вызывают вопросы, рождая дискуссии. Дело в том, что в сложившейся научной традиции, которая берёт своё начало в XIX веке, история культуры порой рассматривается в довольно узком смысле — как история искусства, или несколько шире — как история художественной культуры. Есть и другие способы изучения истории культуры в отраслевом плане — например, в рамках её бытописания, раскрытия особенностей культуры повседневности и в первую очередь тех сфер, которые не затрагиваются исторической наукой, с её акцентом на политико-экономические процессы. Наконец, распространённым способом фиксировать историю культуры является её понимание в зауженных интерпретациях аксиологического подхода, в результате чего история культуры может выступать как история духовной культуры, искусства, интеллектуальной жизни, науки и техники, оставляя за рамками внимания многие значимые грани культуры. Не отрицая эвристического потенциала аксиологической интерпретации, отметим, что анализ культуры возможен и в более широких параметрах — а именно, на уровне её понимания как *способа бытия человека, как системы надбиологических программ*, которые обеспечивают адаптивное равновесие человеческих сообществ со средой, в которой они развиваются. В таком ракурсе история культуры не сводится лишь к истории искусства и художественной культуры, к истории науки, техники и пр., а её предмет может быть достаточно широк и пересекаться с предметным полем исторической и других наук, изучающих те или иные грани социокультурной реальности.

При этом, исходя из того, что культура в широком смысле понимания данного явления может включать все формы и результаты человеческой деятельности, встаёт вопрос: *что именно должна изучать история культуры?* Это особенно важно в современных условиях, когда культура обрела высокую степень сложности и смешения разных форм.

При самом широком взгляде на социокультурную реальность перед нами раскрывается вся целостность бытия человека. И этот охват весьма результативен в изучении традиционных культур, особенно в историческом контуре от первобытности до окончания Средневековья.

Однако в рамках Нового и Новейшего времени, с учётом качественных трансформаций и расширений культуры, названный подход может утрачивать свою эффективность. Дело в том, что, если в современной культуре изучать все её грани и формы проявления (условно говоря — «всё подряд»), то предмет научного анализа становится неохватным. И это обстоятельство ставит задачу поиска тех сфер историко-культурных целостностей, на которые исследователям необходимо обращать внимание в первую очередь. Примечательно, что данное обстоятельство даёт дополнительное основание для актуализации традиции научных фокусировок на каких-либо сторонах культуры, что выражается в сохраняющемся соприсутствии и научной конкуренции теорий максимально широкого охвата культуры и её отраслевых интерпретаций.

Не отрицая эвристической значимости отраслевых форм видения культуры, отметим, что в рамках актуальной на сегодняшний день системной и синергетической методологии культура предстаёт в виде *системы различных элементов*, многие из которых носят весьма значимый характер. К таковым, например, относятся: хозяйственно-экономическая культура, политическая культура, социальная культура, духовная культура, художественная культура и др. Данные элементы находятся во взаимосвязанности и формируют системные целостности, рождая на разных этапах истории своеобразные комбинации и сочетания, окрашивая неповторимым колоритом различные периоды истории. Ещё один способ фиксации системной целостности культуры предложен М. С. Каганом, выделявшим в её системе духовную, материальную, художественную и организационную сферы. Отталкиваясь от данного видения культуры, мы получаем возможность осуществлять анализ различных граней историко-культурной реальности в их системном единстве, что позволяет упорядочить разнообразный материал, отследить векторы отечественного культурогенеза и раскрыть его внутреннюю логику. Среди значимых культурологических работ, посвящённых изучению истории культуры Отечества в представленном макроисторическом масштабе, отметим двухтомный труд М. С. Кагана «Введение в историю мировой культуры», а также уникальный по своему охвату семитомный труд «Поликультурное пространство Российской Федерации», изданный под редакцией Л. М. Мосоловой.

Другой значимый теоретический ракурс в изучении истории культуры России связан с целым рядом вопросов, определяющих макро модель её культурогенеза: включая пространственно-

временные рамки, логику основных ритмик и состав участников данного процесса. В таком ракурсе исследователей интересуют вопросы: *Когда и в каких пределах стала разворачиваться история отечественной культуры? Какими путями и историческими траекториями осуществляется данный процесс? Какие эпохи мы в нём выделяем и какие смыслы вкладываем?* Ответ на данные вопросы носит весьма сложный характер и упирается в целый спектр историософских проблем, рождающих их множественные решения и вносящих определённую путаницу в рассматриваемую сферу познания.

Решая вопрос о выборе модели истории, в первую очередь необходимо ориентироваться на её соответствие объективной историко-культурной реальности. Дело в том, что таковых моделей существует довольно много, и ряд из них, возникнув и проявляя свою эффективность в особых конкретно-исторических условиях, в той или иной степени сохраняют свой познавательный потенциал и в наши дни. При этом процесс научного поиска в указанной сфере рождает и новые теории, всё более усложняя и обогащая представленную область познания. Среди наиболее известных теорий историко-культурного процесса упомянем: циклическую модель Дж. Вико; просветительские модели прогрессивного развития человечества Ж. Кондорсе и Г. Гердера; эволюционные теории развития культуры и общества Ф. Энгельса, Дж. Фрезера и Э. Тайлора; теорию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского; теории локальных цивилизаций О. Шпенглера и А. Тойнби; пассионарную теорию этногенеза Л. Н. Гумилёва; системную концепцию истории Ф. Броделя; системно-синергетическую модель истории культуры М. С. Кагана и многие другие вполне состоятельные теории. Их спектр формирует весьма различные основания для понимания истории культуры, порой рождая крайние точки зрения на природу данного процесса. Например, в рамках проекта Просвещения и формационной теории история предстаёт как прогрессивное восхождение культур ко всё более современным формам в реализации всеобщего исторического закона, что может вести к её унификации. В свою очередь в контексте цивилизационного подхода история индивидуальных траекторий развития её субъектов, реализуемая каждой культурой и цивилизацией в зависимости от складывающихся обстоятельств, может быть интерпретирована как разобщённая и в определённой мере бессмысленная.

Однако несмотря на то, что теорий историко-культурного процесса довольно много, чёткое

понимание сути истории, включая историю культуры, жизненно необходимо и стратегически значимо для соответствующих культур, носителей определённых форм идентичности, культурной и исторической памяти. Помимо того, что разные хроноструктуры и модели облегчают восприятие истории и упорядочивают её, они способны оказывать влияние на чувство общности народов, единства их исторического пути, становятся основой для сотрудничества и межкультурного диалога. Также, необходимо помнить, что программирующий потенциал интерпретации истории может иметь и сомнительные, даже негативные выражения; он может быть средством ведения «войн памяти» и деструктивных манипуляций историческим сознанием.

Как и на предыдущих этапах, нашему обществу необходимо наличие ясных представлений о сущности истории культуры, её моделях и пространственно-временных параметрах, а также перспективах развития. Это обретает особую значимость в контексте актуальной точки сегодняшнего дня, для которой характерно исчерпание фазы постсоветской переходности и оформления новой стабильной культуры России.

В качестве примера высокой степени воздействия представлений об истории культуры на её носителей приведём концепцию бинарности русской культуры и национального характера, получившую довольно широкое хождение в нашей стране после распада СССР и утрачивающую свою актуальность на фоне современных геополитических и внутрикультурных процессов в России. Такое видение истории встречается во многих работах, созданных на постсоветском пространстве и вполне вписывающихся в исторический контекст конца 1980-х — начала 2000-х гг., полных последствий драматизма распада СССР, исторической переходности и неопределённости кризисных процессов. В таких условиях снижалась популярность теорий однонаправленности истории, а также идеи историко-культурного прогресса. В свою очередь актуализировался цивилизационный подход, а также циклический ракурс изучения динамики отечественной культуры, с акцентом на сложные периоды исторических «сдвигов» и перемен, которые нарушали её спокойный и однонаправленный генезис. Особый интерес учёных стала вызывать последовательность переходных периодов и кризисов в истории отечественной культуры XVIII — конца XX вв., которые носили либо резкий, либо вовсе разрушительный характер.

Например, указанный исследовательский ракурс представлен в теории А. С. Ахиезера. В основу истории культуры учёным был положен воспроизводственный принцип и признание того, что периодизация истории определяется сменой ценностных ориентаций общества. По мнению учёного, существует две логические формы динамики культуры, в основе которых лежат соответствующие типы мышления, — «инверсия» и «медиация». Автор отмечает, что для инверсионного типа характерно оперирование готовыми результатами мышления, ранее накопленным опытом культуры, который организован как дуальная оппозиция. Данная логика порождает в обществе противоположные, полярные позиции по отношению к пониманию тех или иных ценностей, идеалов, поступков. Господство инверсии открывает путь быстрым, логически мгновенным переходам от настоящей ситуации к идеальной, от одного полюса к другому, моментально пробуждая противоположные стремления. Логика медиации, наоборот, предполагает поиск меры между полюсами. Медиация нацелена на формирование некоторого третьего состояния, преодолевающего противоположность полюсов. Как инверсию, так и медиацию А. С. Ахиезер рассматривает как циклические акты массового действия, реализующего некоторую воспроизводственную программу. Инверсия, отмечает учёный, проявляется в той или иной степени во всех культурах. При этом в культуре России наблюдается её гипертрофия, склонность массового сознания к крайностям, малая степень внимания и интереса к поиску меры в процессе осмысления и выработки решений.

В истории человечества А. С. Ахиезер фиксирует два основных типа ценностей, соотносённых с традиционной и либеральной цивилизациями. Россия в своём историческом развитии преодолела традиционализм, но не сумела преодолеть границу либеральной цивилизации. Это означает, что Россия занимает промежуточное положение между двумя цивилизациями: «Россия “застряла” между основными суперцивилизациями: традиционной и либеральной. Именно в этом промежуточном состоянии общества, достигшего цивилизационной значимости, и состоит её специфика» (Ахиезер 1994, 6). Исследование социокультурной динамики России привело А. С. Ахиезера к выводу, что динамика страны, находящейся между двумя типами цивилизации, приобрела в процессе истории саморазрушительный характер, в основе самобытности России лежит «раскол», который пронизывает культуру, социальные отношения,

личность, воспроизводственную деятельность. Раскол неотделим от господства инверсионного типа мышления: «Его суть — в оперировании готовыми результатами мышления, ранее накопленным опытом культуры, который организован как дуальная оппозиция, как система оппозиции: “добро — зло”, “правда — кривда”, “мы — они” и т. д. Инверсия выступает как поиск смысла того или иного явления посредством логически моментального перехода мысли от одного полюса оппозиции к противоположному» (Ахиезер 1994, 7).

Интерес в рассматриваемом вопросе представляет модель развития русской культуры, разработанная совместно Б. А. Успенским и Ю. М. Лотманом. Анализируя динамику русской культуры в период от становления до конца XVIII века, авторы отмечают: «Специфической чертой русской культуры <...> является её принципиальная полярность, выражающаяся в дуальной природе её структуры» (Успенский 1994, 220). Развитие русской культуры строится не по принципу чёткого следования определённой ценностной структуре, а на ценностных оппозициях. К таковым оппозициям относятся следующие: «старое — новое», «Россия — Запад», «христианство — язычество», «знание — невежество», «правильная вера — ложная вера» и др. По мнению Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, «динамический процесс приобретает в этих условиях принципиально иной характер: изменение протекает как радикальное отталкивание от предыдущего этапа» (Успенский 1994, 221). Создаётся своеобразный эффект маятника, когда одна ценностно-смысловая крайность сменяется на свою противоположность. Исходя из этого, авторы заключают, что «для России — в разные исторические эпохи — не характерен консерватизм и, напротив, характерны реакционные и прогрессивные тенденции» (Успенский 1994, 222).

Развивая данную модель динамики культуры, Ю. М. Лотман вводит понятия «бинарного» и «тернарного» типов культуры. В бинарных культурах автор констатирует наличие противоположных ценностных полюсов, между которыми происходит развитие культуры. Бинарная культура развивается по принципу движения маятника, попеременно отвергая одни ценности и принимая противоположные. Маятниковые колебания, заложенные в природе бинарной культуры, обеспечивают частые и драматические «взрывы», т. е. переходные моменты, характеризующиеся резким противостоянием между двумя полюсами: «Здесь борющиеся тенденции вынуждены сталкиваться лицом к лицу, не имея

никакой третьей альтернативы. В этих условиях перемена неизбежно приобретает характер катастрофы» (Лотман 2002, 34). В такой ситуации переход является основным качеством культуры и определяет логику всего культурно-исторического процесса.

Альтернативным бинарному является тернарный тип культуры: «В подобных структурах взрыв не носит характера всеобщей катастрофы — в нём выделяется созидательная сила» (Лотман 2002, 34). В данном типе культуры между двумя противоположными полюсами возникают ценности, способные уравновесить противостояние и примирить антагонистические стороны. Возможность созидания новых срединных ценностей, способных примирить крайние точки зрения, исключает вероятность резкого столкновения. Динамика тернарной системы характеризуется постепенностью: «в критические, кризисные моменты, когда борьба между доминирующими силами заводит их в тупик, из которого они не могут найти выхода, и перед обществом начинает вырисовываться облик катастрофы, «третья сила» вдруг выходит на поверхность, уже достаточно созревшая и готовая занять исторически ведущее место» (Лотман 2002, 34). Главной особенностью тернарного процесса является его направленность на созидание и преобразование, постепенное и неразрушительное развитие. В качестве примера в рамках указанной модели её сторонники наиболее часто приводили культуру Западной Европы, способную на внутреннюю гармонизацию, преодоление крайностей и компромиссы, что обеспечивает спокойную динамику данной культуры, способной избегать травмирующих форм.

Отдавая дань уважения представленным учёным, отметим, что приведённые концепции, которые активно популяризировались в недавнем прошлом, во многом устарели и не соответствуют реалиям сегодняшнего дня. В настоящее время мы можем с уверенностью говорить, что российское общество не расколото, в нём нет противостояния по принципу «за красных или за белых», крайности недавнего прошлого преодолены и полным ходом идёт консолидация, строительство нового культурного монолита, сильной многонациональной страны, государства-цивилизации с великой культурой и историей. При этом, если нам постоянно внушать, что мы, в отличие от спокойной Европы, способной не бросаться из стороны в сторону, противоречивы, бинарны, нестабильны и склонны к крайностям, это может иметь технологический эффект, проникая в сознание молодого

поколения, программируя неадекватное восприятие истории и неконструктивное поведение носителей отечественной культуры.

Напомним, что при всём многообразии теорий культурно-исторического процесса, взгляд на историю — это не произвольное или спекулятивное предпочтение какой-либо из них в угоду времени, это не подтасовка истории согласно сиюминутным нуждам и потребностям, — хотя такие явления, к сожалению, не редки. В изучаемом вопросе важно учитывать, что многие исследователи, занимавшиеся разработкой рассматриваемой сферы, создавали свои теории в особом историко-культурном и научно-интеллектуальном контексте, отражая актуальный взгляд своего времени, включая принятые на тот момент способы понимания культуры, её истории и своеобразия. На рождение соответствующих интерпретаций истории культуры влияют многие факторы, среди них — текущее состояние историко-культурной реальности, а также уровень развития философии истории и науки (включая отраслевое знание: археологию, искусствоведение, фольклористику, генетику и мн. др.). Сочетание данных факторов определяет выявление новых ритмик и закономерностей исторической действительности; изменение параметров понимания исторических эпох и векторов развития; изменение масштабов истории в пространстве, времени и по составу участников; смысловое наполнение прошлого, настоящего и будущего и многие другие грани историко-культурной действительности. *Меняется мир, уточняется и наше видение истории, включая историю культуры...*

С учётом указанных факторов в построении самых широких контуров исторического портрета культуры России вполне уместно использовать интегративный метод анализа её динамики, сочетая несколько подходов. *Большая история* может интерпретироваться посредством *макроцивилизационного анализа*, позволяющего выявлять ритмики культурно-цивилизационного уровня. Речь в первую очередь идёт о фиксации протоцивилизационных доминант Древнего мира и Средних веков внутри евразийского макрорегиона, расширяющих устоявшуюся традицию изучения истории культуры Отечества. Такой уровень охвата сопоставим с пониманием генезиса макрорегиональных миросистем (С. Хантингтон, И. Валлерстайн, Ф. Бродель). *Макро- и внутрицивилизационный генезис* может быть раскрыт в рамках *общей исторического принципа смены периодов*. В отношении истории отечественной культуры значимыми маркерами выступают: понимание

древности в её постнеолитическом видении на уровне генезиса ранних культур и протоцивилизационных образований; интерпретация Средневековья — в рамках доминанты теоцентризма; интерпретация перехода к Новому времени основывается на аналогии с Ренессансом в Европе и ростом личностного фактора; фиксация Нового времени происходит в контексте роста тенденций Просвещения, основанных на разумной рациональности; выделение периода романтизма делается с опорой на феномен исключительной личности и фактор столкновения уходящих и нарождающихся форм рациональной культуры; период позитивизма выявляется посредством доминанты научного знания; переход к Новейшему времени фиксируется на уровне качественного роста модернизационных процессов; маркером Новейшего времени становится модерн, постмодерн и современность. Кроме того, внутрицивилизационные ритмики истории могут фиксироваться посредством *системно-синергетического способа* интерпретации её протекания. В данном аспекте в развитии тех или иных исторических образований значимую роль играет ритмика смены стабильных и переходных периодов.

В основу определения границ различных периодов может быть положен подход, предложенный А. М. Баткиным в отношении зависимости параметров тех или иных исторических периодов *от характера «исследовательской оптики»*, от того, что мы хотим увидеть, фиксируя разные историко-культурные целостности по тем или иным признакам, — их максимально полное выражение или разные степени концентрации (например, классическое Средневековье, или преобладание тенденций и характеристик указанного исторического типа культуры). Кроме того, значимость имеет проблема *синхронизации* различных периодов истории культуры России с общепринятыми на мировом уровне теориями; в первую очередь это касается интерпретации Древнего мира, а также Средних веков в рамках отечественной и европейской истории.

Наша история сложна и многообразна. Огромный ареал России включает множество *историко-культурных зон*, где существуют целые напластования различных культурогенетических слоев и исторических образований, — от древнейших обществ до ранних форм цивилизаций. Весь этот культурно-исторический капитал нередко оказывается отрезанным и незамеченным в ходе построения общего контура нашей истории. Порой её нижняя планка фиксируется лишь на уровне формирования государства

в IX веке, что по сути ровняет нашу древность с европейским Средневековьем. Однако мы можем опираться и на наиболее широкие пространственно-временные рамки истории культуры России, интегрируя в историко-культурную картину множество культурогенетических линий и регионов. Богатейшее историческое наследие России складывалось из многих траекторий, «ручeyков и рек», соотносимых с евразийским ареалом. Историческая миссия нашей страны заключается в способности объединять народы и культуры, принимать и интегрировать их достижения в общем пространстве. В указанном ракурсе несомненная и определяющая роль отводится русской культуре, выступающей в качестве объединяющего фактора, эфира, который обеспечивает общее культурное, ментальное, языковое, духовное, деятельностное и другие пространства, интегрируя целые народы и регионы, их достижения и историко-культурное наследие в единую семью государства-цивилизации.

Переходя к обзору исследований истории отечественной культуры, отметим, что историография данного вопроса весьма сложна и многообразна. Характерно, что в данной группе довольно размыты дисциплинарные рамки; соответственно, туда входят работы по истории, истории культуры, культурологии и др. Нередко учёные используют различный методологический и довольно пёстрый терминологический аппарат, характеризуя одни и те же историко-культурные состояния и процессы, что создаёт некоторые трудности в обозначении дисциплинарного статуса и содержания данных исследований.

Во-первых, значительный вклад в *развитие представлений о макроистории культуры, включая историю культуры России*, внесли многие историки и мыслители, которые выходили за рамки общепринятых дисциплинарных локаций исторической науки, тем самым войдя в плеяду представителей «истории мировой культурологической мысли». Примером названного исследовательского ракурса является фундаментальный труд немецкого историка О. Шпенглера «Закат Европы», увидевший свет в начале XX столетия. В теории О. Шпенглера макроисторический процесс предстал как синхронистическое и последовательное развитие отдельных «культурных организмов», проживающих свои жизненные циклы (примерно 1200–1500 лет). Данные организмы, по мнению О. Шпенглера, связаны между собой достаточно слабо и порой не в состоянии «понять» друг друга, так как каждая культура

имеет своё собственное мировоззрение, собственные страсти, стиль, чувствования, желания и ритм жизни. В теории учёного было уделено внимание и становящейся «русско-сибирской культуре». Характеризуя образ мира русской культуры, точнее её «гештальт», Шпенглер писал, что в его основе лежит «бесконечная равнина», образ былинного богатыря и братской любви. Ландшафт в русской культуре сливается с крышами поселений, продолжая отмеченную горизонтальную доминанту, так не свойственную культуре Западной Европы. Примечательно, что в теории Шпенглера нашло своё отражение и влияние процессов европеизации на русскую культуру, которую учёный именовал как «псевдоморфоз», исказивший её исконные основы.

Значимый вклад в развитие данной области знания внёс английский историк А. Дж. Тойнби, представивший мировую историю как сораствление локальных цивилизаций, взаимодействующих между собой и сменяющих друг друга в «потоке истории». В основе концепции А. Тойнби лежит ритмика рождения, роста, надлома (включая уходы и возвраты) и распада локальных цивилизаций. Однако фатальное действие данной достаточно простой регулярности А. Тойнби раскрепощает и усложняет при помощи включения в её пространство ритмик «вызовов» и «ответов». В трактовке автора «вызов» является собой потенциальное множество средовых и внутренних факторов (препятствий, трудностей) различной природы, с которыми сталкивается цивилизация в ходе своей истории. Преодоление «вызова» является жизненно необходимым для цивилизации и стимулирует её к развитию через «ответы». Наличие различных комбинаций «вызовов» и вариантов их решений делает генезис цивилизации уникальным и неповторимым, усложняя общую логику их роста, надлома и распада. Среди 21 цивилизации, которые фиксирует исследователь с опорой на культурно-религиозный признак, отводится место и православно-христианскому обществу, расположенному в Юго-Восточной Европе (Византия и её балканские преемники) и России (русская ветвь). Православная цивилизация России в таком ракурсе интерпретируется автором как уникальный тип, специфика которого оформилась во многом благодаря генетической связи с эллинской цивилизацией, особенностям природного (континентального) фактора, расширению земель, внутренней интеграции, непрерывному внешнему давлению и противостоянию с Западом.

Характеризуя следующий исследовательский ракурс, остановимся на макроисторических

теориях, в которых на историю культуры России делается отдельный акцент. В первую очередь в указанной области необходимо упомянуть имя Н. Я. Данилевского, автора труда «Россия и Европа», изданного в конце 60-х гг. XIX столетия. Учёный рассматривал историю в масштабах синхронистического развития различных народов (как правило, состоящих из множества народностей), формирующих соответствующие исторические типы культуры. Каждый исторический тип культуры, согласно исследователю, неповторим и уникален. Его появление связано с сочетанием ряда факторов, среди которых: наличие народа, объединённого единством языка и образа жизни; наличие политической свободы и государственности; реализация определённых деятельностных оснований, свойственных данному типу. Основу ритмик макроистории составляет выражение творческого потенциала отдельного народа, сопровождаемое необратимым процессом долгого роста, относительно короткого цветения, перелома и упадка его творческих сил. Рассматривая специфику «славянского культурно-исторического типа», Н. Я. Данилевский использует довольно широкие предметные рамки, включая изучение средового фактора и деятельностных оснований, политических и экономических аспектов, ценностно-смысловых и мировоззренческих компонентов. Сохраняя макроисторический уровень анализа, мыслитель раскрыл природу славянского культурно-исторического типа в соотношении разных граней общественной и культурной жизни. Для славянского типа, по мнению автора, характерна собственная органика, связанная с особенностями протяжённости территории, климатом, темпами жизни, этнографическим фактором, особенностями соседства с разными народами, спецификой традиций, религиозных оснований и многими другими обстоятельствами. Славянский культурно-исторический тип, указывал Н. Я. Данилевский, реализует весь спектр ведущих деятельностных оснований, которые, как правило, проявляются у других исторических типов частично. Среди них — собственно культурное, религиозное, политическое и общественно-экономическое. Будучи представителем позднего славянофильства, учёный писал о том, что Россия являет собой уникальный, самобытный тип культуры, выросшей в определённом ареале, на своей почве. Особое внимание мыслителя было уделено вопросу соотношения культуры России и Европы и выводу о том, что отечественная культура несводима к европейской и имеет корневые отличия от неё.

Данная традиция нашла своё отражение и в концепции К. Н. Леонтьева, предложившего рассматривать историю отдельных цивилизаций в организменном ключе, как «триединый процесс их развития», и рассматривавшего генезис русской культуры в данном контексте. Анализ истории русской культуры содержится в трудах Е. Н. Трубецкого, исходившего из ритмик истории, отражающих следование или отступление представителей различных культур от главной цели истории, которая заключается в строительстве «дома Божия». В этом же ряду отметим работы С. А. Франка, определявшего стержневую логику макроисторического развития культуры посредством ритмики её периодических подъёмов, расцветов и упадков (варварских состояний). В качестве ещё одного примера такого исследовательского ракурса приведём концепцию Н. А. Бердяева, в основу которой была положена логика сложного пульсирующего развития культуры, в глубине которой лежит ритмика изменений её творческого потенциала, включающая периодическую смену состояний роста, расцветов и упадков. Из более поздних авторов, работы которых включают изучение культуры России, в рамках теорий «большой истории» упомянем концепцию социокультурной динамики П. А. Сорокина, теорию этногенеза Л. Н. Гумилёва, концепцию системно-синергетической динамики культуры М. С. Кагана и др.

Продолжая обзор, отметим, что в исследовании историографии отечественной культуры, помимо макроисторического уровня, значимая часть работ носит специальный либо отраслевой характер. При этом указанная группа отличается дисциплинарной неоднородностью, многообразием способов фокусировки на историко-культурной реальности и масштабирования пространственно-временных параметров.

Отдельную группу исследований истории культуры формируют работы представителей *собственно исторической науки*. В первую очередь укажем, что в данной области знания находит своё проявление *отраслевой взгляд* на культуру, что выражается в сведении её к художественной культуре, интеллектуальной жизни, истории науки и техники. Кроме того, указанная тенденция проявляется во включении в сферу «культуры» повседневности и бытописательства. Порой материал различных разделов соответствующих трудов и учебной литературы носит избирательный характер и строится на том, что содержание «культуры» в те или иные эпохи соотносится с фольклором, мифологическими системами, либо академическим искусством,

жизнью элиты и другими гранями культуры. С одной стороны, в работах, созданных в данном ключе, проявляется фрагментарность понимания культуры и слабая выраженность макроисторической логики в изложении её динамики как целостного процесса. С другой стороны, многие авторы, не ставя себе цели максимально широкого охвата историко-культурной реальности в пространстве и времени, создают весьма авторитетные труды. Приведём в качестве примера труд отечественного историка И. Е. Забелина «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии», увидевший свет в 60-е гг. XIX столетия.

Весьма интересную группу исследований в контексте *исторической науки* представляют труды, в которых осуществляется довольно широкий охват различных граней социокультурной реальности, что выражается как на макроисторическом уровне, так и на уровне анализа отдельных эпох. В качестве примера приведём работы Б. А. Рыбакова, а также труды, созданные под его редакцией, где историко-культурная реальность рассматривается довольно широко, порой без чёткого разграничения между историей в целом и историей культуры в частности. Такой уровень охвата истории включает в её ареал культуру в широком смысле этого слова, в том числе образ жизни, хозяйственные и производственные практики, состояние науки и техники и другие грани. Кроме того, в рассматриваемом векторе обращают на себя внимание работы историков, занимающихся комплексным изучением отдельных эпох в истории отечественной культуры. Показательными в данном вопросе являются труды А. А. Смирновой, посвящённые изучению советской культуры.

Следующее дисциплинарное направление, включающее изучение отечественной культуры, представляет *этнография*. В рамках данной области знания, особенно на протяжении XIX — первой половины XX столетия, был накоплен огромный пласт исследований традиционных культур всех народов, входящих в состав России, включая описание их образа жизни, хозяйственных, повседневных и праздничных практик, традиций, фольклора и других сфер. Данные исследования представляют собой бесценную сокровищницу, хранилище традиционного опыта и культурной памяти, зафиксированные путешественниками, миссионерами, учёными в контексте роста межкультурных контактов и надвигающейся модернизации. Среди такого рода исследований отметим труды Д. К. Зеленина по этнографии восточных славян, работы

В. Г. Богораза по культуре чукчей, исследования С. М. Широкогорова по культуре северных тунгусов и др. Из относительно новых работ приведём в качестве примера серию книг, выпущенных под эгидой Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН «Народы и культуры», в которой собраны исследования по культуре этносов, входящих в состав культуры России и территории бывшего СССР.

Следующую дисциплинарную локацию, где осуществляется изучение истории культуры России, представляет *фольклористика*. Будучи тесно связанной с этнографической традицией, указанная наука реализует два вектора изучения культуры, в зависимости от отраслевого и широкого понимания фольклора. В первом случае внимание сосредотачивается на особенностях художественного творчества представителей традиционных культур. Показательной в данном ракурсе является собирательская и просветительская деятельность общества любителей русской словесности, в частности труды П. В. Киреевского. В случае максимально широкой интерпретации фольклора, набирающей популярность с последней трети XX века, раскрывается специфика традиционных культур России, в контексте общей характеристики их образа жизни, мировоззрения и самых разных сторон деятельности, включая её материальные, духовные и художественные аспекты. Данный исследовательский ракурс содержится в работах Г. В. Косова, А. В. Юдина и др.

Значимый дисциплинарный вектор изучения истории культуры России представлен областью *искусствоведения*. Указанный исследовательский ракурс предполагает рассмотрение истории отечественного искусства в широком контексте, в рамках его интерпретации как особого маркера мировоззрения и социокультурных процессов, что делает такие исследования не только искусствоведческими, но и культурно-историческими. В рассматриваемой сфере обращают на себя внимание работы В. С. Турчина, посвящённые русскому романтизму, труды Е. Ф. Ковтуна, раскрывающие художественную природу отечественного авангарда, исследования Д. В. Сарабьянова, в которых осуществляется анализ культуры и искусства Серебряного века и авангарда.

Дисциплинарный вектор, имеющий с историей культуры массу точек пересечения, представляет *история литературы, лингвистический и филологический ракурс*. В указанной области исследований в первую очередь обращают на себя внимание работы М. М. Бахтина,

А. М. Панченко и Д. С. Лихачёва, в которых через призму русской литературы и языка осуществляется анализ специфики и исторического своеобразия отечественной культуры. Отметим также работы О. В. Богдановой, посвящённые анализу русского постмодерна в контексте литературного дискурса и др.

Весьма разнообразны и *сугубо культурологические ракурсы изучения истории культуры России*. Так, особую роль в изучении истории отечественной культуры играет максимально широкий охват её предмета, осуществляемый в рамках *деятельностного подхода*, разработчиками которого являются Э. С. Маркарян и М. С. Каган. Кроме того, среди значимых концепций выделяется группа теорий, в которых *особый акцент делается на динамику её ценностно-смыслового ядра*. В частности, согласно И. В. Кондакову, генезис русской культуры составляет циклическая последовательность развития её «смыслового конструкта». В истории русской культуры автор выделяет три таких цикла: «1) история древнерусской культуры (с дохристианских истоков по XVII век включительно); 2) история русской культуры Нового времени (XVIII–XIX века); 3) история неклассической русской культуры XX века (начиная с Серебряного века до начала постсоветской эпохи <...>)» (Кондаков 2002, 269). Каждый из отмеченных циклов представлен поочередно сменяющимися друг друга стадиями, включая стадии подъёма, кульминацию, кризис и спад. Конечная фаза цикла, в теории И. В. Кондакова, совпадает с зарождением и подъёмом нового витка истории культуры. В отмеченные периоды циклических переключений старые и новые тенденции русской культуры «... неразличимо перепутываются, смешиваются, переходят друг в друга, создавая характерное пространство “смысловой неопределённости”, в котором противоположности сосуществуют на равных» (Кондаков 2002, 269). Данные моменты в циклической ритмике истории русской культуры И. В. Кондаков называет «эристическими» эпохами.

В рамках акцента на ценностно-смысловых параметрах динамики отечественной культуры отметим также работы, выполненные в традиции *аксиологического подхода*, одним из ярких представителей которого является Д. С. Лихачёв. Указанный ракурс исследования носит весьма распространённый характер и обладает значительным воспитательным потенциалом, однако нередко вызывает критику у сторонников широкого охвата социокультурной реальности. Оппоненты аксиологического подхода отмечают фрагментарность исследований культуры

в данной традиции и свойственное аксиологам стремление изучать историю культуры, фокусируясь на её духовной стороне, художественных формах, наследии, интеллектуальном дискурсе, достижениях и некоторых других гранях. В тесной связи с аксиологическим подходом находится исследовательская традиция, в которой *акцент делается на динамике знаково-символической сферы культуры*, в частности её семиосферы. В указанном ракурсе, в первую очередь, обращают на себя внимание работы Ю. М. Лотмана и представителей московско-тартусской школы.

Другим способом «сжатия» социокультурной реальности в рассматриваемой исследовательской области является изучение истории культуры России в *антропологическом ракурсе*. Здесь обращают на себя внимание *исследования русской ментальности и национального характера*. В данном направлении интересны работы Г. П. Федотова и Д. С. Лихачёва. Ещё один ракурс изучения русской культуры в контексте антропологического измерения представляет *гештальт-культурология*. В центре внимания данного направления находится мировоззрение, «национальный образ мира», лежащий в основе культуры России. Несомненный интерес в данном векторе исследований представляют работы Г. Д. Гачева. Используя метод «вольноголюбомудра» и «интеллектуальных путешествий», Г. Д. Гачев «погружался» в когнитивное пространство различных культур, описывая их картины мира, чувства и особенности переживания реальности, создав цикл оригинальных трудов, объединённых под общим названием «национальные образы мира». Отдельное внимание учёный уделил культуре России, отмечая (порой в форме весьма оригинальных метафор) её горизонтальное бытие, доминанту пространства над временем, акцент на женское начало и естественность хода мировых процессов, устремлённость в бесконечность, глубокую духовность, выраженное чувство сопричастности и другие характеристики.

Представленный (при этом далеко не полный) спектр теоретико-методологических традиций, моделей, пространственно-временных и смысловых параметров изучения истории культуры России рождает очень пёструю исследовательскую палитру и определённые трудности в освоении указанного исследовательского массива. Упорядочение данного материала и его актуализация является важной задачей современных историко-культурных исследований. Сегодня чрезвычайно важен взгляд на историю культуры России в её целостности, с учётом многонационального

состава российского народа и государства-цивилизации, особенностей общероссийского культурогенеза, а также культурогенеза отдельных историко-культурных зон, регионов и этнокультур.

В рамках современных реалий теоретико-методологическая модель изучения истории культуры России должна включать системный анализ основных сфер культуры, а также синтезировать в себе макроисторический уровень и стадийный анализ мезоистории. В основу макроритмик историко-культурного процесса уместно положить принцип смены и синхронии культур и протоцивилизационных образований, их взаимодействия, преемственности и интеграции достижений. Стадийный характер и периодизация мезоисторических периодов может опираться на традиционную, общеисторическую модель деления истории на древнюю, средневековую, нововременную и новейшую. В пространственно-временные рамки указанной модели целесообразно включать максимально широкий охват географии современной России, а также некоторые территории, относящиеся к ареалу Российской империи, СССР и Евразийского экономического союза. История культуры России должна рассматриваться с учётом её целостности и сохранения инвариантных структур. Кроме того, необходимо уделять внимание вариативности истории, её феноменологии и своеобразию различных периодов. Структурную модель историогенеза культуры России желательно строить на широком спектре отраслей системы культуры, куда входят: 1) хозяйственно-экономическая культура (акцент делается на образе жизни и деятельности на основаниях культуры, на характеристике куль-

туры жизнеобеспечения); 2) политическая культура (рассматриваются основные ритмики и своеобразие политической истории, «большой истории»); 3) социальная культура (даётся характеристика общественных институтов и связей, особенностей семьи, сословий и других социальных иерархий); 4) духовная культура (рассматриваются особенности ценностно-смысловых аспектов культуры на различных этапах её генезиса; раскрывается специфика мифологической и религиозной форм мировоззрения, аксиосферы советского периода, а также современного этапа развития духовной культуры в России; уделяется внимание идеологическим основаниям отечественной культуры, приобретавшим различные формы в ходе истории); 5) художественная культура, включая фольклор и искусство (предпринимается анализ не только эстетических параметров данной сферы; искусство и фольклор раскрываются как маркеры мировоззрения, духовной культуры и других компонентов). В целом приведённые выше сферы необходимо рассматривать во взаимосвязанности и системной целостности. Их анализ на уровне разных периодов истории позволяет упорядочить культурно-исторический материал и придать ему единообразную форму и высокий уровень генерализации.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Список литературы

- Ахиезер, А. С. (1994) Самобытность России как научная проблема. *Отечественная история*, № 4–5, с. 3–25.
- Кондаков, И. В. (2002) О механизмах повторяемости в истории русской культуры. В кн.: Н. А. Хренов (ред.). *Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах*. М.: Наука, с. 269–283.
- Леонов, И. В. (2008) *Феномен «переходности» в макродинамике культуры: парадигмальное осмысление. Диссертация на соискание учёной степени кандидата культурологических наук*. СПб., РГПУ им. А. И. Герцена, 233 с.
- Леонов, И. В. (2025) Когнитивные ловушки постмодернистских и конструктивистских моделей историко-культурного процесса. В кн.: *Пятый Санкт-Петербургский международный культурологический симпозиум «Культурология в пространстве гуманитарного знания»*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 125–126.
- Лотман, Ю. М. (2002) *История и типология русской культуры: Семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения. История литературы и культуры*. СПб.: Искусство—СПБ, 768 с.
- Успенский, Б. А. (1994) *Избранные труды: в 2 томах. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры*. М.: Гнозис, 429 с.

References

- Akhiezer, A. S. (1994) Samobytnost' Rossii kak nauchnaya problema [Russia's identity as scientific problem]. *Otechestvennaya istoriya*, no. 4–5, pp. 3–25. (In Russian)
- Kondakov, I. V. (2002) O mekhanizмах povtoryaemosti v istorii russkoj kul'tury [On the mechanisms of repetition in the history of Russian culture]. In: N. A. Khrenov (ed.). *Iskusstvo v situatsii smeny tsiklov: Mezhdistsiplinarnye aspekty issledovaniya khudozhestvennoj kul'tury v perekhodnykh protsessakh* [Art in a Situation of Changing Cycles: Interdisciplinary Aspects of Researching Artistic Culture in Transitional Processes]. Moscow: Nauka Publ., pp. 269–283. (In Russian)
- Leonov, I. V. (2008) *Fenomen "perekhodnosti" v makrodinamike kul'tury: Paradimal'noe osmyslenie* [The phenomenon of "transition" in macrodynamics of culture: A paradigmatic interpretation]. PhD dissertation (Culturology). Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 233 p. (In Russian)
- Leonov, I. V. (2025) Kognitivnye lovushki postmodernistskikh i konstruktivistskikh modelej istoriko-kul'turnogo protsessa [Cognitive traps of postmodernist and constructivist models of the historical-cultural process]. In: *Pyatyj Sankt-Peterburgskij mezhdunarodnyj kul'turologicheskij simpozium "Kul'tu-rologiya v prostranstve gumanitarnogo znaniya"* [Fifth St. Petersburg international culturological symposium "Culturology in the space of humanitarian knowledge"]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 125–126. (In Russian)
- Lotman, Yu. M. (2002) *Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury: Semiotika i tipologiya kul'tury. Tekst kak semioticheskaya problema. Semiotika bytovogo povedeniya. Istoriya literatury i kul'tury* [History and Typology of Russian Culture: Semiotics and Typology of Culture. Text as a Semiotic Problem. Semiotics of Everyday Behavior. History of Literature and Culture]. Saint Petersburg: Iskusstvo—SPB Publ., 768 p. (In Russian)
- Uspenskij, B. A. (1994) *Izbrannye trudy: V 2 tomakh. T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Selected Works: In 2 volumes. Vol. 1. Semiotics of history. Semiotics of culture]. Moscow: Gnosis Publ., 429 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Иван Владимирович Леонов, SPIN-код: [2606-8163](#), ORCID: [0000-0003-0026-3807](#), e-mail: ivaleon@mail.ru
Доктор культурологии, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Author

Ivan V. Leonov, SPIN: [2606-8163](#), ORCID: [0000-0003-0026-3807](#), e-mail: ivaleon@mail.ru
Doctor of Culturology, docent, professor of the department of theory and history of culture of St. Petersburg State Institute of Culture

Check for updates

Теория и история культуры, искусства

УДК 903.2

EDN QWLMLY

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-331-339>

Монастырь как поликультурный концепт ландшафта Русского Севера

А. В. Дмитриева ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Дмитриева, А. В. (2025) Монастырь как поликультурный концепт ландшафта Русского Севера. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 4, с. 331–339. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-331-339> EDN QWLMLY

Получена 27 сентября 2025;
прошла рецензирование 1 ноября 2025; принята 8 ноября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. В. Дмитриева (2025).
Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Аннотация. Роль монастыря в культуре Русского Севера является полифункциональной, его исторический опыт многогранен. Появление монастырей с крепостными стенами и белокаменными храмами на периферийных, малозаселённых территориях, где к XIV веку ещё были живы традиции язычества, явилось следствием колонизационной политики Москвы. С самого своего основания монастырь становится «оплотом веры» и маркером православной ойкумены, пограничным и даже военным форпостом государства, местом политической ссылки, центром экономического развития отдалённых территорий Севера и ведущим духовным и художественным центром региона. В качестве системообразующих элементов культуры монастырской повседневности можно выделить следующие модусы. Во-первых, идея отшельничества, ухода от мирской суеты во имя спасения души. Во-вторых, непрерывная молитва, которая помогала подвижникам преодолевать телесные лишения и искушения, регламентировала основные сферы бытийного уклада, задавала ритм обители. В-третьих, первостепенное место в повседневной жизни монастырских насельников северных обителей занимал физический труд как один из ведущих способов исполнения обета послушания, дополняющий главную — духовную — работу инока. Монастырь оказывается влиятельной сферой политики государства и вплоть до Новейшего времени играет одну из центральных ролей в истории культуры региона и страны в целом.

Ключевые слова: молитва, монастырь, поликультурный, послушание, Русский Север, «северные письма», социокультурный институт, фортификация

Monastery as a multicultural concept in the landscape of the Russian North

L. V. Dmitrieva ✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Dmitrieva, L. V. (2025) Monastery as a multicultural concept in the landscape of the Russian North. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 331–339. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-331-339> EDN QWLMLY

Received 27 September 2025; reviewed 1 November 2025; accepted 8 November 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © L. V. Dmitrieva (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY License 4.0.

Abstract. The monastery in the culture of the Russian North is a multifunctional phenomenon, and its historical experience is diverse. The emergence of monasteries with fortified walls and white-stone churches in peripheral, sparsely populated territories, where pagan traditions still persisted into the 14th century, resulted from Moscow's colonization policy. From their foundation, these monasteries became 'strongholds of faith' and markers of the Orthodox Ecumene, serving as border and even military outposts, places of political exile, centers of economic development for remote northern territories, and the region's leading spiritual and artistic centers. The fundamental elements of everyday monastic culture include the following modes. First, the idea of monastic seclusion, a retreat from worldly vanity for the salvation of the soul. Second, incessant prayer, which helped overcome physical deprivation and temptation, regulated the main spheres of existence, and set the monastery's rhythm. Third, physical labor, which occupied a primary place in the daily lives of northern monks as a principal way of fulfilling the vow of obedience, complementing their primary spiritual work. Monasteries were an influential sphere of state policy and, until the modern era, played a central role in the cultural history of both the region and the country as a whole.

Keywords: prayer, monastery, multicultural, obedience, Russian North, Northern icon painting, sociocultural institution, fortification

Без православного монастыря сложно говорить про историю культуры России. Монастырь — особый институт в структуре общества, на который исторически возлагалась не только религиозная, но и важная государственно-политическая роль, а также просветительская и художественная миссия. Наглядным примером здесь выступают монастыри Русского Севера. Понятие «Русский Север» объединяет северные регионы Европейской части России. Эта территория не имеет зафиксированных картографических границ. Историко-культурная зона Русского Севера включает сегодня территории Архангельской, Вологодской, Мурманской областей, республик Карелия и Коми, а также Ненецкого автономного округа. Образ Русского Севера как самобытного природного и культурного ландшафта во многом сформирован монастырями, скрытыми среди глухих таёжных лесов или не тронутых до настоящего времени индустриальной цивилизацией островов. Северные монастыри и сегодня остаются центрами притяжения многочисленных паломников и туристов, а узнаваемые архитектурные силуэты давно стали культурным брендом региона.

Подробное описание отдельных монастырей Севера изначально представлено в агиографической литературе, например, «Житие преподобных Савватия и Зосимы, чудотворцев Соловецких», а также в сборниках, составленных монахами в XIX веке, например, «Описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря» (Досифей архимандрит 1836), «Описание Валаамского монастыря: с приложением изображения Сергия и Германа валаамских чудотворцев» (1890).

Историография культуры монастыря достаточно обширна и разнопланова. Она рассматривает северный монастырь в историко-культурном контексте колонизации и сопутствующих ей процессов христианизации (Бочаров Г., Выголов В., Денисов А. И., Фёдорова Б. Н., Иванова Г. О., Брянчанинов И., Скопин В. В., Бушуев С. В., Лойко В. Е., Коняев Н. М.); архитектуру и фортификацию монастырского ансамбля (Иванов В. Н., Максимов П. Н., Торопов С. А., Молева Н. М., Савицкая О. Д., Косточкин В. В., Фруменков Г. Г., Домашнев А. Д.); ссылку и монастырские тюрьмы (Ракитин А. И., Солженицын А. И.); художественные аспекты культовой архитектуры и иконописания, а также роль монастырей как центров летописания, книжности и образованности (Флоренский П. А., Лихачёв Д. С., Кольцова Т. М., Петрова В. В.).

Русский Север всегда отличал высокий удельный вес монастырей и их непосредственного

влияния на окружающую ойкумену. В северных, периферийных, ещё не до конца освоенных областях к началу XX века действовало более 70 православных обителей. Так, в 1908 году только в Вологодской губернии насчитывалось 26 мужских и 5 женских монастырей; в Архангельской губернии — 20 мужских и 6 женских; в Псковской — 8 мужских и 5 женских монастырей (Денисов 1908). Крупнейшими из них были: Спасо-Преображенский Соловецкий мужской монастырь, Свято-Успенский Псково-Печёрский мужской монастырь, Валаамский Спасо-Преображенский мужской монастырь и Кирилло-Белозерский мужской епархиальный монастырь.

Не случайно религиозный писатель Андрей Муравьев назвал северные русские земли, окружающие Вологду и Белозерск, «Русской Фиваидой на севере» (Муравьев 1999). Это название появилось как сравнение с древнеегипетской областью Фиваидой, где селились когда-то в большом количестве раннехристианские монахи-отшельники. Географические и смысловые границы ойкумены Северной Фиваиды вместе с освоением монастырскими насельниками водных — озерных, речных, морских — коммуникационных путей расширилась до самого что ни на есть «краесветного пространства» — Соловецкого архипелага в Белом море.

Вместе с началом возвышения в XIV веке Московского княжества начинается движение русского этноса на север: «Россия начала оживать и это тотчас отозвалось в построении монастырей, которых в этом веке основано около восьмидесяти, в том числе Троицкий Сергиев, Симонов и Кирилло-Белозерский» (Геронтий иеромонах 1897, 8). В процессе освоения северных земель шла обязательная христианизация коренного населения. В освоении, обживании русским этносом северной периферии одну из ведущих ролей играло православное монашество.

Очень быстро финно-угорские земли заполняются множеством монастырей и храмов, обнесённых каменными крепостями. И хотя монаха в суровый и малообжитый ландшафт Севера влекла, прежде всего, идея уединённого отшельнического быта, нужду создания обителей, которые могли бы стать оборонительными форпостами северных границ и экономическими центрами отдельных из обширных территорий Русского Севера прекрасно понимало государство, делая монастырь своеобразным «инструментом» в тактике колонизации. Таким образом, с самого момента основания на северный монастырь возлагается государственная, политическая роль. Почти все монастыри возникают на берегах рек, озёр, на островах —

основных и наиболее удобных путях сообщения Севера: Соловецкий монастырь находится на островах в Белом море, Валаамский монастырь окружает Ладожское озеро, Кирилло-Белозерский монастырь стоит на берегу Сиверского озера.

Все монастыри Севера были основаны людьми особой силы духа, подвижниками, которые оставляли мирскую жизнь в поисках молитвенного уединения. *Отшельниками и пустынноиками* закладываются основы монашества: уединение, строгая дисциплина, непрестанная молитва, в чередовании с физическим трудом, аскетизм. Зачинателями традиции монашества на Руси считают преподобных Антония и Феодосия Печерских, основавших в XI веке Киево-Печерский монастырь. Монашеский подвиг пустынночества, поиска молитвенного уединения вдали от цивилизации в XIV веке положил начало монастырским обителям на Русском Севере.

Нередко с основанием монастыря связано какое-либо *видение*, пришедшее подвижнику свыше и описанное в житии отца-основателя. Так, место для построения Кирилло-Белозерского монастыря явилось Кириллу за чтением акафиста, когда он услышал слова Богородицы об уготованном ему месте спасения и, отворив окно кельи, увидел огненный столп в направлении севера. А преподобному Зосиме Соловецкому была явлена прекрасная церковь в небесном сиянии на востоке. Излюбленными местами отшельников становились острова и выделявшиеся над равнинным ландшафтом возвышенности, по замечанию Н. М. Теребихина, как бы изъятые своей географией из земного мира (Теребихин 1993).

Выбор «дебрей» и лесных чащ как мест поселения был связан с пониманием того, что такие необжитые места — это земли языческие, не знающие молитвы христианской и населённые всяческой «нечистью», с которой призван бороться монах. В «Повестях о пустынножителех Соловецкого острова» повествование ведётся от лица «нечисти», пытающейся изгнать пришельца с острова: «Почто пришёл еси в наше жилище, что тебе до пустыни сей? Вамъ монастыри даны в жилище, намъ же необитаемые места!» (Петренко 2001, 504). Соловецкий архипелаг — не просто пустынные острова, здесь носителей христианской цивилизации встречала земля, покрытая языческими святилищами-лабиринтами.

Соловецкие острова лежат в «Студеном» море, воды которого всегда холодны и губительны. В сказаниях поморов это море граничит

с царством зла, с самим адом — обителью апокалипсических чудовищ. Новгородские мореходы называли Белое море «дышучемь мори» и рассказывали об «краесветном пространстве» как пограничье миров: человеческого и бесовского. Эти рассказы сопровождались описанием характерного звукового и визуального ландшафта, подразумевающего присутствие «потустороннего»: «скрежет зубный», «реку молненую»; воду, которая трижды в день «уходит в преисподнюю» (очевидно речь идёт о сильных беломорских отливах).

Такие легенды и природные ассоциации становились проверкой на прочность силы веры инока, молитва укрепляла и питала дух. Только так немощная человеческая плоть может вынести жизнь, ежедневно проживаемую как испытание, — ночи почти без сна, дни почти без пищи, в тяжёлой изнуряющей работе. Молитва, лежащая в основе монастырского богослужения, становится ядром монастырской повседневности, регламентирует все сферы повседневной жизни монастыря, задаёт ритм жизненного уклада обители, поскольку все прочие занятия и заботы подчинены расписанию церковных служб. Так, Н. В. Стикина отмечает, что в вологодских монастырях богослужению отводилось не менее восьми часов в сутки (Стикина 2007). Именно молитва придавала духовный смысл всем повседневным действиям монахов и сельников.

Как уже было отмечено, монастырь на Русском Севере играл важную роль для укрепления границ государства, являясь их культурно-цивилизационным маркером. Так, основание Кирилловского монастыря в Белозерье явилось следствием борьбы, которую вели Москва и Новгород за освоение богатых северных земель: «В Москве отлично понимали, что основанные не без княжеской помощи монастыри являются прочной опорой в дальнейшем наступлении на Новгород» (Бочаров, Выголов 1969, 133). Основание Соловецкого монастыря также имело стратегическую политическую роль. Находящаяся территориально далеко от Москвы обитель являлась поддержкой государственной власти на крайней северной периферии, в самом отдалённом уголке государства.

Являясь русскими форпостами на северных торговых путях, монастыри были призваны защищать интересы русского государства, прежде всего от посягательств Швеции. Не случайно за ними закрепился эпитет «твердыни Севера». Каждый монастырь являл собой крепость, вооружённую и в любой момент готовую к обороне. Образцом военной фортификации является

Соловецкий монастырь. Мощная валунно-кирпичная кладка стен и башен обеспечивает предельную прочность и непробиваемость крепости, созданной по лучшим традициям военно-фортификационного искусства. Впечатляют масштабы Соловецкий твердыни, переведённые в конкретные цифры: восемь башен, три из которых — проездные, десять ворот; общая протяжённость стен — 1200 метров, их высота — от шести до десяти метров; толщина стен по низу достигает семи метров; высота башен — до семнадцати метров от современного уровня земли до верха кладки (Савицкая 2005).

Соловецкая крепость несколько раз подвергалась реальному испытанию на прочность: когда монахи не поддерживали в XVII веке церковные реформы патриарха Никона, стены обители штурмовали стрельцы царя Алексея Михайловича, а во время Крымской войны, в июле 1854 года, монастырь в течение девяти часов подвергался обстрелу пушек двух фрегатов английской флотилии. И в том, и в другом случае стены остались неприступными.

Псковско-Печерский монастырь также являлся настоящей укреплённой крепостью: «Весь монастырь окружен каменною стеной и башнями. Трое ворот ведут в него с разных сторон: Святые, Нижние и Изборские. Над Святыми воротами, помимо каменной, надстроена деревянная башня, для стражи неприятельских приближений» (Шереметев 1895, 6). Печерская крепость выдержала в 1581–1582 годах тяжелейшую осаду польского короля Густава Адольфа и натиск шведов во время Северной войны.

Первоклассной крепостью был Кирилло-Белозерский монастырь, выдержавший все тяготы пограничного положения, перенесший нападения шведских интервентов и доказавший, что по своему военно-оборонительному значению он ни в чём не уступает, а во многом даже превосходит оборонительные способности крепостей средневековых русских городов.

Удалённость от центров цивилизации, специфика географического положения, прочные стены и суровые условия быта как нельзя более подходили для ещё одной исторической миссии монастырей как *тюрем в системе карательной политики государства*, куда со времён Ивана Грозного ссылали «за слова и дела против царя». Изначально предполагалось заключать в монастырские тюрьмы только людей, виновных в преступлениях против веры. Но это правило не прижилось. Особенно широкой известностью пользовался Соловецкий острог, объединявший в себе функции главной тюрьмы духовного

ведомства и секретной государственной темницы, куда ссылались «воры и бунтовщики».

По приведённым А. И. Ракитиным данным, от начавшего активно практиковать с 1560 года ссылку в монастырь Иоанна IV и до 1883 года только через тюрьму Соловецкого монастыря прошли 500–550 узников (Ракитин 2002). При этом нельзя не отметить, что монастырские тюрьмы отличались самым суровым режимом содержания узников. Приговоры часто вообще не предусматривали срока отбывания наказания, а в сопроводительных указах к месту ссылки обычными были выражения «безысходно», «навсегда», означавшие пожизненное заключение. Также известно, что стены монастыря, став тюремными застенками, не исключали и телесные пытки. Однако в пытку зачастую превращались и сами условия содержания заключённых.

Е. Ф. Грекулов описывает Головленковскую башню Соловецкого монастыря, в которой были оборудованы тюремные камеры размером менее полутора метров в длину и по одному метру — в ширину и высоту. «Маленькое оконце служило не для освещения, а только для подачи пищи. В таком мешке нельзя было лежать, узник спал в полусогнутом состоянии. Сюда заключали узников «безысходно», то есть на всю жизнь, никакой связи с внешним миром они не имели» (Грекулов 1964). Избавлением от таких нечеловеческих условий становилась только смерть.

Доля монастырских узников была очень тяжела и не всегда соответствовала бременю содеянного преступления. В Кирилло-Белозерском монастыре под тюрьму было отведено место около Косой башни. Сюда заточали за «непристойные слова» и «сумасбродство», также здесь содержали раскольников. Часто суровый приговор гласил: «до скончания века». Узниками здесь были опальные бояре, старообрядцы и сам патриарх Никон.

Наряду с богослужением, первостепенное место в повседневной жизни монастырских насельников северных обитателей занимал *труд*. Физический труд монаха — один из ведущих способов исполнения обета послушания, дополняющий главную — духовную — работу инока. Монастырь не мог бы существовать в отрыве от хозяйственной деятельности насельников, ведь только путём молитвы и тяжёлого труда возделывались почвы, выкапывались каналы, возводились церкви и соборы, ставились крепости.

Внутри монастырских стен хозяйственно-бытовой уклад представлял собой устойчивую культуру жизнеобеспечения, благодаря организации системы монастырских послушаний,

которые охватывали все стороны жизни обители, монастырские насельники должны были самостоятельно обеспечивать себя всем необходимым. Монастыри Русского Севера были не только средоточием духовной жизни, но и крупными землевладельцами, хозяйственными и ремесленными центрами. Кирилло-Белозерский монастырь был богатейшим городом-крепостью. Он владел крупными земельными наделами, огромным количеством вотчин, соляными промыслами, а также угодьями и рыбными ловлями, как во внутренних водах, так и на Белом море. Также разумно было организовано хозяйство в Валаамском монастыре, где был устроен целый ряд промыслов, таких как столярный, слесарный, иконописный, ювелирный; монастырь торговал с иностранными государствами.

Соловецкий монастырь не случайно называли «хозяином северного края». На протяжении истории обители здесь были организованы «всевозможные производства», демонстрирующие путь от культуры жизнеобеспечения к развитым формам экономической культуры. Были устроены «заводы»: свечной, кирпичный, салотопенный, лесопильный, кожевенный, гончарный. Работали мастерские: по пошиву сапог и одежды, серебряных дел, малярная, столярная, слесарная, переплётная, санная, колёсная, корзинная. Также были монастырские кузница, мельница и смолокурни (Самсонова 2003). За стенами монастыря, на берегу Святого озера, устроены огороды, содержался конный двор. Был обустроен судоремонтный док. Отдельная тема экономической жизни монастыря — производство и продажа соли; Соловки практически монополизировали отрасль солеварения в Поморье.

Крупные северные монастыри были не просто островами экономической стабильности. Физический труд культивировался здесь как основа человеческой добродетели. Сотни православных из всех уголков страны ехали в отдалённые монастырские вотчины не просто на богомолье, но в качестве трудников — безвозмездно поработать «во благо Господа». В середине XIX века на Соловках ежегодно оставалось до 200 мальчиков, часто из-за бедности родителей, которым монастырь давал не только кров и хлеб, но и обучал азам ремёсел — портного, сапожного, косторезного. При всей экономической независимости монастыря, его доходности и даже торговом статусе, принцип нестяжательности и милосердия культивировался как неотъемлемый закон общинного братства.

Монастыри Русского Севера оставили *богатое наследие иконописи*. Так, собрание икон,

созданных мастерами Соловецкого монастыря, — одно из крупнейших в России. Сегодня это наследие хранится в государственных и региональных художественных собраниях: Соловецком государственном музее-заповеднике, Архангельском областном краеведческом музее, Архангельском музее изобразительных искусств; в музеях Москвы (Музей истории религии, Исторический музей, Третьяковская галерея, музеи Московского Кремля, музей-заповедник «Коломенское»); в Санкт-Петербурге (Русский музей).

«Северные письма» — это обобщающее название иконописи Русского Севера XIV–XVIII веков. Стилль «северных писем» отличается простотой и лаконизмом. Русский Север не дал единой школы иконописи, но, тем не менее, позволил создать особое стилистическое направление. Термин «письма» как обозначение регионального феномена иконописи Севера появился еще в XIX веке. Э. С. Смирнова указывает, что искусство огромного Севера распадалось на ряд таких «писем» в силу того, что не было сформировано единого изобразительного канона «северной школы» письма, наоборот, существует сложное, многообразное в проявлениях, разветвлённое искусство различных северных областей (Смирнова 1967).

Тем не менее, для «северных писем» выделяют целый ряд общих черт: простота и «народность» транслируемого образа, подчёркнутая декоративность живописных приёмов. По мнению Э. С. Смирновой, на этой иконе не стоит искать тонкостей в прорисовках и художественного мастерства. Фигуры святых изображаются «плоско» и выглядят «застывшими». Упрощённо трактуются предметы изображений второго плана. В колорите доминируют приглушённые и даже «мутные» тона, но в то же время именно эти краски прекрасно гармонируют с интерьерами деревянных церквей и крестьянских изб, как и с неброскими красками лаконичного северного пейзажа. Зато на северной иконе всегда присутствует «глубокая искренность», «наивное и чистое простосердечие», в надписях нередко даёт о себе знать местный говор, в орнаменте — прямая связь с предметами прикладного искусства, обслуживавшими быт, в лицах святых — «воздействие местного крестьянского типажа» (Смирнова 1967).

Свои *иконописные мастерские* были организованы во всех крупных обителях Севера. Большая иконописная мастерская работала в Соловецком монастыре. Письменные источники свидетельствуют, что на Соловках только в XVII веке работали 45 иконописцев, в том

числе приезжие мастера из Вологды, Костромы, Холмогор. Большая группа иконописцев работала также в материковых вотчинах Соловецкого монастыря, получая заказы от головной обители (Кольцова 2008, 100).

Д. С. Лихачёв пишет, что иконы дарились богомольцам, продавались и обменивались (Лихачев 1999). Иконописные мастерские оставили даже имена мастеров, как упоминаемые на 1514 год Переписной книгой Соловецкого монастыря Сава и Садоф, иконописцы местные (Кольцова 2008). Соловецкий монастырь ощутимо влиял на формирование иконописной культуры Поморья.

Кирилло-Белозерский монастырь также знаменит своим собранием икон. Здесь самым известным иконописцем является Дионисий Глушицкий. Одним из редчайших ранних произведений религиозной живописи Дионисия Глушицкого является икона «Кирилл Белозерский», написанная в 1424 году, которая хранится сегодня в Третьяковской галерее в Москве.

Искусство иконописи монастырей Русского Севера объединяет общий стиль — эти иконы лаконичны и просты, в них чувствуется глубокая искренность и влияние быта северных народов. У всех монастырей Русского Севера есть общие святыне, которых чаще других изображали на иконах — конечно, Николай Чудотворец, как покровитель мореплавания, а также подвижники — основатели обителей: Зосима и Савватий Соловецкие, Кирилл Белозерский, Герман Валаамский. В стиле северных икон просматриваются ценности монашества на Русском Севере: аскетизм, твёрдое послушание, отречение и борьба с мирскими искушениями.

Д. С. Лихачёв на примере Соловецкой обители справедливо отмечал, что роль монастыря в русской культуре заключалась не только в развитии зодчества, иконописания и прикладных искусств. Помимо прочего, монастырь явился собирателем и хранителем древнерусского рукописного наследия (Лихачев 1999). Монастыри Русского Севера, оставаясь на далёких, северных рубежах государства, также были центрами *книжности и образованности*.

Особым местом средоточия духовной культуры Соловецкого монастыря была «книгохранительная палата». Один из особо чтимых старцев назначался книгохранителем при ней. Среди книг библиотеки монастыря были особые экземпляры, как, например, дары Ивана Грозного и митрополита Макария. По средневековой традиции здесь не только сосредотачивался книжный фонд монастыря, но и был организован процесс переписки ветхих или пользовавшихся

особым спросом книг, изготовленные копии которых монастырь мог дарить или продавать. Отдельным ремесленным цехом при монастыре работала переплетная мастерская — книги, изготовленные здесь, узнаваемы по особому тиснению на кожаных переплетах.

Богатейшей монастырской библиотекой на Руси было книжное собрание Кирилло-Белозерского монастыря, который также внёс огромный вклад в развитие книжности Русского Севера. Библиотека Кириллова монастыря собиралась и умножалась ещё при его основателе Преподобном Кирилле, который сам занимался перепиской богослужебных книг. Кириллу также принадлежат 17 собственных сочинений, в которых он объясняет явления природы — грома, молнии, падающих звёзд, с целью развеять людские предрассудки (Геронтий иеромонах 1897, 90).

К XVII веку в библиотеке монастыря насчитывалось 2092 рукописи, среди которых — древнейший список «Задонщины» и летописные своды XV–XVI веков. Монастырская библиотека была создана трудами старца Ефросина, талантливого духовного писателя XV века. В монастыре трудился также известный духовный писатель Пахомий Серб, автор книги «Житие Кирилла Белозерского». 350 наиболее ценных рукописей, хранившихся в библиотеке монастыря, в начале XX века были переданы в библиотеку Санкт-Петербургской духовной академии.

В Валаамском Спасо-Преображенском монастыре «библиотека монастырская имеет все книги, нужные для снискания полных сведений в монашеской жизни. Кроме напечатанных на славянском и русском языках, находятся многие рукописные», — отмечал в своём описании Валаамской обители святитель Игнатий (Брянчанинов 1847, 18). Далее следует впечатляющее перечисление «достопримечательных» рукописей: «Первое место между ними по редкости своей должны занимать “Оглашения” Преподобного Теодора, игумена Константинопольской Студийской обители, или “Беседы его к”. <...> Есть рукописные книги Отцов, описавших подвиг умной молитвы и дающих спасательные наставления и предостережения. Таковы Григория Паломы, Преподобного Нила Сорского, Симеона Нового Богослова. <...> Есть книги для руководства жителей скита, пустынников и отшельников» (Брянчанинов 1847, 18).

Подводя итоги, нужно сказать, что монастырь воплощал в себе не только официальную церковность. По убеждению Д. С. Лихачёва, мона-

стырь Русского Севера — это не только рядовые монахи, но это и монастырские трудники, безвозмездно работающие во славу Божию; и паломники, стекавшиеся сюда на богомолье со своими жизненными невзгодами и обетами; это «сырые и убогие», ссыльные и заключённые; стрельцы и солдаты; ремесленники и мастеровой люд монастыря. Это «кипучее и пёстрое сообщество людей», вносившее в жизнь малонаселённого Русского Севера движение и развитие (Лихачев 1999).

Переводя в поле предметного анализа метафоры, поэтически иллюстрирующие отдельные сферы культуры монастыря Русского Севера, — «краесветное пространство», «оплот веры», «твердыни севера», «град небесный на земле», «умозрение в красках» — получаем представление о комплексном культурном феномене, занимающем свою прочную нишу в истории региона и России в целом.

Таким образом, монастырь в ойкумене Русского Севера с самого своего основания был полифункциональным социокультурным институтом. Помимо базовой, религиозной, миссии «спасения души», здесь прививалось монастырское послушание как фундамент культуры жизнеобеспечения и экономической культуры. Монастырь являлся фортификационным сооружением, надёжной крепостью, которая охраняла государственные границы, торговые пути и останавливала неприятелей; при монастырях располагались государственные тюрьмы, в которые ссылали неугодных царю людей, подальше от Москвы, на эти удалённые рубежи государства.

Монастыри Севера были центрами притяжения культурных инноваций: хранителем художественных традиций, грандиозным ансамблем памятников русского зодчества, центром иконописи и образования. Рождённый «вызовами» истории консолидирующий свои силы государства, монастырь на Русском Севере обеспечивал геокультурную миссию Московского государства, а затем воплощал и многие стратегические задачи Российской империи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Список литературы

- Бочаров, Г. Н., Выголов, В. П. (1969) *Вологда. Кириллов. Ферапонтово. Белозерск*. М.: Искусство, 295 с.
- Брянчанинов, Д. А. (1847) *Валаамский монастырь: Очерк*. СПб.: К. Крайя, 27 с.
- Геронтий, К. иеромонах (1897) *Историко-статистическое описание Кирилло-Белозерского монастыря (Успенского) мужского первоклассного монастыря Новгородской Епархии*. М.: Печатня Снегирёвой А. И., 161 с.
- Грекулов, Е. Ф. (1964) *Православная инквизиция в России*. М.: Наука, 168 с.
- Денисов, А. И. (1908) *Православные монастыри Российской Империи*. М.: Издание А. Д. Ступина, 996 с.
- Досифей, архимандрит (1836) *Описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Часть 3*. М.: Университетская типография, 443 с.
- Кольцова, Т. М. (2008) Иконопись Архангельского края. Особенности становления и развития художественных центров в конце XVI–XVIII веках. *Знание. Понимание. Умение*, № 4, с. 97–101.
- Лихачев, Д. С. (1999) *Раздумья о России*. СПб.: Logos, 666 с.
- Муравьев, А. Н. (1999) *Русская Фиваида на Севере*. М.: Паломник, 526 с.
- Описание Валаамского монастыря: с приложением изображения Сергия и Германа Валаамских чудотворцев и 11 рисунков*. (1890) СПб.: Валаамский монастырь, 72 с.
- Петренко, Н. А. (2001) Соловецкий патерик и Повести о соловецких пустынножителях. В кн.: С. А. Семячко (ред.). *Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 491–506.
- Ракитин, А. И. (2002) Монастырские тюрьмы (на примере Соловецкого монастыря). *Загадочные преступления прошлого*. [Электронный ресурс]. URL: https://murders.ru/d131_1.html (дата обращения 17.09.2025).
- Савицкая, О. Д. (2005) *Соловецкая крепость (архитектура и реставрация)*. Архангельск: Правда Севера, 143 с.
- Самсонова, Т. Ю. (2003) Хозяйственные заведения Соловецкого монастыря во второй половине XIX — начале XX веков. *Соловецкое море*, № 2, с. 113–124.
- Смирнова, Э. С. (1967) *Живопись Обонежья XIV–XVI веков*. М.: Наука, 188 с.
- Стикина, Н. В. (2007) *Повседневная жизнь русского православного монастыря во второй половине XIX — первой четверти XX века (на материалах Вологодской епархии)*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Архангельск, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 23 с.
- Теребихин, Н. М. (1993) *Сакральная география Русского Севера (религиозно-мифологическое пространство северорусской культуры)*. Архангельск: Изд-во Поморского международного педагогического университета, 220 с.
- Шереметев, С. Д. (1895) *Псково-Печерский монастырь*. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 40 с.

References

- Bocharov, G. N., Vigolov, V. P. (1969) *Vologda. Kirillov. Ferapontovo. Belozersk [Vologda. Kirillov. Ferapontovo. Belozersk]*. Moscow: Iskusstvo Publ., 295 p. (In Russian)
- Denisov, L. I. (1908) *Pravoslavnye monastyri Rossijskoj Imperii [Orthodox Monasteries of the Russian Empire]*. Moscow: A. D. Stupin Publ., 996 p. (In Russian)
- Dosifei Archimandrite (1836) *Opisanie stavropigial'nogo pervoklassnogo Solovetskogo monastyrya. Chast' 3 [Description of the Stavropegic First-Class Solovetsky Monastery. Part 3]*. Moscow: Universitetskaya tipografiya Publ., 443 p. (In Russian)
- Gerontij, K. Hieromonk (1897) *Istoriko-statisticheskoe opisanie Kirillo-Belozerskogo monastyrya (Uspenskogo) muzhskogo pervoklassnogo monastyrya Novgorodskoj Eparkhii [Historical and Statistical Description of the Kirillo-Belozersk Monastery (Uspensky), a First-Class Male Monastery of the Novgorod Diocese]*. Moscow: Snegireva A. I. Publ., 161 p. (In Russian)
- Grekulov, E. F. (1964) *Pravoslavnaya inkvizitsiya v Rossii [The Orthodox Inquisition in Russia]*. Moscow: Nauka Publ., 168 p. (In Russian)
- Ignatij, I. I. L., Bryanchaninov, D. A. (1847) *Valaamskij monastyr': Oчерk [Valaam Monastery: An Outline]*. Saint Petersburg: K. Kraijya Publ., 27 p. (In Russian)
- Kol'tsova, T. M. (2008) *Ikonopis' Arkhangel'skogo kraja. Osobennosti stanovleniya i razvitiya khudozhestvennykh tsentrov v kontse KhVI-KhVIII vekakh [Icon Painting of Arkhangelsk Region. Peculiarities of Formation and Development of Art Centers in the Late 16th-18th Centuries]*. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 97–101. (In Russian)
- Likhachev, D. S. (1999) *Razdum'ya o Rossii [Reflections on Russia]*. Saint Petersburg: Logos Publ., 666 p. (In Russian)
- Murav'ev, A. N. (1999) *Russkaya Fivaida na Severe [The Russian Thebaid in the North]*. Moscow: Palomnik Publ., 526 p. (In Russian)
- Opisanie Valaamskogo monastyrya: S prilozheniem izobrazheniya Sergiya i Germana Valaamskikh chudotvortsev i 11 risunkov [Description of Valaam Monastery: With an Appendix of Images of Sergius and Herman, Valaam Wonderworkers, and 11 Drawings]*. (1890) Saint Petersburg: Valaamskij monastyr' Publ., 72 p. (In Russian)

- Petrenko, N. A. (2001) Solovetskij paterik i Povesti o solovetskikh pustynnozhitelyakh [Solovetsky Paterik and Tales of the Solovetsky Hermits]. In: S. A. Semyachko (ed.). *Knizhnye tsentry Drevnej Rusi. Solovetskij monastyr' [Book Centers of Ancient Rus: Solovetsky Monastery]*. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ., pp. 491–506. (In Russian)
- Rakitin, A. I. (2002) Monastyrskie tyur'my (na primere Solovetskogo monastyrya) [Monastic Prisons (on the example of Solovetsky Monastery)]. *Zagadochnye prestupleniya proshlogo [Mysterious Crimes of the Past]*. [Online]. Available at: https://murders.ru/d131_1.html (accessed 17.09.2025). (In Russian)
- Samsonova, T. Yu. (2003) Khozyajstvennye zavedeniya Solovetskogo monastyrya vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vekov [Economic Institutions of the Solovetsky Monastery in the Second Half of the 19th — Early 20th Century]. *Solovetskoe more*, no. 2, pp. 113–124. (In Russian)
- Savitskaya, O. D. (2005) *Solovetskaya krepost' (arkhitektura i restavratsiya) [Solovetskaya Fortress (Architecture and Restoration)]*. Arkhangelsk: Pravda Severa Publ., 143 p. (In Russian)
- Sheremetev, S. D. (1895) *Pskovo-Pecherskiy monastyr' [Pskovo-Pechersky Monastery]*. Saint Petersburg: M. M. Stasyulevich Publ., 40 p. (In Russian)
- Smirnova, E. S. (1967) *Zhivopis' Obonezh'ya XIV-XVI vekov [Painting of Obonezh'ye (Obonezhskaya) Region in the 14th-16th Centuries]*. Moscow: Nauka Publ., 188 p. (In Russian)
- Stikina, N. V. (2007) *Povsednevnyaya zhizn' russkogo pravoslavnogo monastyrya vo vtoroj polovine XIX-pervoj chetverti XX veka (na materialakh Vologodskoj eparkhii) [Everyday Life of the Russian Orthodox Monastery in the Second Half of the 19th — First Quarter of the 20th Century (based on materials from the Vologda Diocese)]*. Extended abstract of the PhD dissertation (History). Arkhangelsk, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, 23 p. (In Russian)
- Terebikhin, N. M. (1993) *Sakra'naya geografiya Russkogo Severa (religiozno-mifologicheskoe prostranstvo severorusskoj kul'tury) [Sacred Geography of the Russian North (religious-mythological space of North Russian culture)]*. Arkhangelsk: Pomorskij mezhdunarodnyj pedagogicheskij universitet imeni M. V. Lomonosova Publ., 220 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Лариса Валерьевна Дмитриева, SPIN-код: 5283-3609, e-mail: ffch@mail.ru
Кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры теории и истории культуры, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Author

Larisa V. Dmitrieva, SPIN: 5283-3609, e-mail: ffch@mail.ru
Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of Culture Herzen State Pedagogical University

Check for updates

Теория и история культуры, искусства

УДК 008 + 7.046.1

EDN OBBVLX

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-340-347>

Культурологические подходы к анализу пермской деревянной скульптуры

А. А. Суворова ^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования: Суворова, А. А. (2025) Культурологические подходы к анализу пермской деревянной скульптуры. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 4, с. 340–347. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-340-347> EDN OBBVLX

Получена 7 октября 2025; прошла рецензирование 20 октября 2025; принята 30 октября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. А. Суворова (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Аннотация. Статья посвящена культурологическому анализу пермской деревянной скульптуры как уникального феномена, сформировавшегося на стыке христианской традиции и языческого наследия финно-угорских народов Урала. Основное внимание уделяется рассмотрению феномена через призму ключевых культурологических концепций. В рамках концепции диалога культур М. М. Бахтина пермская пластика исследуется как полифоническое явление, в котором происходит взаимодействие «своего» и «чужого» слова, приводящее к рождению новых смыслов. Семиотический подход Ю. М. Лотмана позволяет интерпретировать Урал как особую семиосферу, где ответом на семиотический «взрыв» и «непереводимость» разных культурных кодов стало возникновение нового художественного языка, что наглядно демонстрирует компромиссная форма бытования скульптуры как «резной иконы». С позиции теории Э. С. Маркаряна феномен рассматривается как социально-адаптационный механизм, обеспечивавший интеграцию разноэтничного населения в единое культурное пространство через компромисс между официальной доктриной и архаическим сознанием. В русле теорий синкретизма и «народной религиозности» анализируется утилитарно-магическое отношение к скульптурам, выражавшееся в практиках одаривания и одевания, что свидетельствует о глубоком переплетении христианских и языческих элементов в народном благочестии. Делается вывод, что пермская скульптура представляет собой сложный культурный текст, требующий междисциплинарного подхода для раскрытия ее уникальности как продукта культурогенеза на периферии империи.

Ключевые слова: пермская деревянная скульптура, культурологический анализ, семиотика культуры, диалог культур, культурный синкретизм, народная религиозность, культурная адаптация, традиционная культура Урала, культурные коды, православное искусство

Culturological approaches to analyzing Perm wooden sculpture

A. A. Suvorova ¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb, Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Suvorova, A. A. (2025) Culturological approaches to analyzing Perm wooden sculpture. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 340–347. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-340-347> EDN OBBVLX

Received 7 October 2025;
reviewed 20 October 2025;
accepted 30 October 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. A. Suvorova (2025).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY License 4.0](#).

Abstract. This article offers a culturological analysis of Perm wooden sculpture as a unique phenomenon that emerged at the intersection of Christian tradition and the pagan heritage of the Ural Finno-Ugric peoples. The primary focus is on examining this phenomenon through the prism of key culturological concepts. M. M. Bakhtin's concept of the dialogue of cultures is employed to explore Perm plastic art as a polyphonic phenomenon, in which the interaction between 'one's own' and 'the other's' word gives rise to new meanings. Yu. M. Lotman's semiotic approach allows the Urals to be interpreted as a distinct semiosphere, where the emergence of a new artistic language was a response to the semiotic 'explosion' and 'untranslatability' of different cultural codes; this is clearly demonstrated by the sculpture's compromise form of a 'carved icon'. E. S. Markaryan's theory is used to consider Perm wooden sculpture as a socio-adaptive mechanism that ensured the integration of a multi-ethnic population into a single cultural space through a compromise between official doctrine and archaic consciousness. Finally, the article draws on theories of syncretism and 'folk religiosity' to analyze the utilitarian–magical attitude towards sculptures — expressed in the practices of gifting and dressing them — which testifies to the deep interweaving of Christian and pagan elements in folk piety. It is concluded that Perm sculpture represents a complex cultural text that requires an interdisciplinary approach to reveal its uniqueness as a product of cultural genesis on the periphery of the empire.

Keywords: Perm wooden sculpture, culturological analysis, cultural semiotics, dialogue of cultures, cultural syncretism, folk religiosity, cultural adaptation, traditional culture of the Urals, cultural codes, Orthodox art

Введение

Пермская деревянная скульптура — знаковый феномен культуры Урала и уникальное явление культовой пластики, возникшее на стыке христианских традиций и языческих верований финно-угорских народов Урала и получившее развитие в XVII–XIX веках. Актуальность исследования пермской деревянной скульптуры обусловлена необходимостью переосмысления искусства регионов России как значимого пласта русской культуры. Как отмечали многие исследователи культовой христианской скульптуры (например, О. М. Власова, А. И. Черняк), комплексное изучение этого феномена и анализ особенностей его развития способствуют более глубокому пониманию общей картины русского храмового искусства и, шире говоря, отечественной культуры. Феномен пермской скульптуры представляет особый интерес для culturological analysis, поскольку его сущность невозможно свести исключительно к художественным или религиозным канонам — это сложный синтез различных культурных систем, требующий комплексного междисциплинарного подхода.

Историко-культурный контекст формирования феномена

Истоки пермской деревянной скульптуры связаны с христианизацией Пермь Великой — исторического региона и средневекового княжества, располагавшегося в верховьях реки Камы и ее притоков (Вишеры, Колвы и Язьвы). В конце XIV века православие начало проникать на территорию Прикамья, где до этого времени среди населения преобладало традиционное коми-пермяцкое язычество с центрами культа в Чердыни и Искоре. Ключевым событием христианизации стало назначение в 1383 году Стефана Пермского, о чем летописец сообщает: «приде Стефан до митрополита до Москвы для новокрещения пермяки епискупа просити. Пимен митрополит с князем с Дмитрием сразсудив, поставил его Стефана епискупом пермскую землю» (Корчагин, Шабурова 2009, 190).

На протяжении XV века шло приобщение населения колонизируемых коми земель к православию и русской культуре, эти процессы не всегда были мирными. Первые князья-христиане в награду за крещение и принятие московского

подданства были пожалованы наместническими должностями и княжеским достоинством. Простые жители часто встречали насаждение нового военизированным сопротивлением. В 1455 году, как описывают летописные источники, «приездил владыко Питерим в Великую Пермь на Чердынью крестити ко святей вере чердынцов. Того лета шли на Пермь безвернии вогулечи, Пермь Великую воевали, Питерима идуща с Перми поимали и убили...» (Корчагин, Шабурова 2009, 192). Но убийство епископа не остановило христианизацию, в 1462 году новый пермский «владыко Иона добавне крести Великую Пермь постави им церкви и попы и княжат Михайловых крести» (Корчагин, Шабурова 2009, 192).

После присоединения в 1472 году княжества к Московскому государству христианство утверждалось здесь медленно и противоречиво. Местное население (коми-пермяки, манси и другие финно-угорские народы) сохраняло глубокие традиции объемных культовых изображений, а деревянная скульптура стала компромиссом, ее использование допускалось как инструмент «религиозного просвещения», заменяя языческих идолов христианскими образами.

Важно отметить, что несмотря на запрет Святейшего Синода на объемные изображения (1722), скульптура практически свободно размещалась в храмах. Местные священники закрывали глаза на ее присутствие, учитывая культурные особенности паствы. Этот факт свидетельствует о глубоком укоренении традиции объемных изображений в религиозной практике местного населения. Как отмечает А. И. Черняк, традиции культовой пластики имели большую историю в регионе, начиная с эпохи бронзы, «пермский звериный стиль» создал благодатную почву для возникновения феномена христианской культовой пластики.

Миссионерская деятельность Стефана Пермского, подробно описанная в «Житии» Епифания Премудрого, сопровождалась уничтожением языческих идолов, что, однако, не привело к полному искоренению традиции объемных изображений. Как показывает А. И. Черняк (Черняк 1992), жизнеспособность языческой «памяти» в крестьянской среде порождает сложный, двойственный характер отношения пермяков к христианской религии. Именно этот синкретизм религиозных представлений стал питательной средой для возникновения уникального явления христианской культовой пластики.

Особую роль в становлении пермской скульптуры сыграли Строгановы, которые, получив от царского правительства огромные территории по Каме, а от церковных властей — право

строить храмы и назначать священников, стали фактическими правителями края. Отсутствие государственных дозорщиков и активно действующей церковной цензуры создавало условия для латентного сохранения языческих обрядов, в том числе в синтезе с православием.

Художественно-стилистические особенности пермской скульптуры

Стилистическая эволюция пермской деревянной скульптуры демонстрирует сложный путь развития от архаичных форм к произведениям в академической стилистике. В период конца XVI–XVII века в этих храмовых православных скульптурах преобладала «древнерусская традиция» (Власова и др. 2011a), в которой были больше выражены византийские каноны: фронтальность композиций, симметрия, графичность и условность тонального и цветового решения. Ярким примером может служить «Параскева Пятница с свв. Екатериной и Варварой» из Ныроба (XVII в., Пермская государственная художественная галерея), где сохраняется строгая фронтальность и условность трактовки форм.

На более поздних этапах, в XVIII–XIX веках, становится заметно влияние стилистики барокко и академической школы. Как отмечает О. М. Власова, в этот период иконостасы и храмовая скульптура Прикамья предельно насыщаются пластикой, претерпевающей стилистические изменения согласно «духу эпохи» (Власова 2015). Скульптура становится более динамичной, эмоционально насыщенной, усложняются композиционные решения.

Интересной особенностью образов Христа и святых являются их яркие национальные черты (лики отражали этнический облик местных народов): раскосые глаза, скуластость, характерные для коми-пермяков и башкир (часть исследователей оспаривает эту интерпретацию). Эта черта, отмеченная в исследованиях, свидетельствует о глубокой интеграции христианских образов в местную культурную традицию (Власова 2011b; 2011c; Рындина, Бурганова 2008).

Технологические особенности пермской деревянной скульптуры связаны с ее полихромностью и использованием технологий, близких иконописи (Власова 2010). Для изготовления скульптур использовались сосна и липа, которые обрабатывались топором и ножом (инструменты XVIII в. — тесло, долото — использовались редко). Далее на левкас наносилась яичная темпера, причем для более поздних памятников характерна редкая позолота.

Иконография и семантика образов

Наиболее распространенной иконографией было Распятие, на объемное изображение которого не распространялся запрет Священного Синода. Часто образ распятого Христа дополнялся фигурами предстоящих: Богородицею, Марией Магдалиной, Иоанном Богословом и другими (например, «Распятие с предстоящими Богородицею и Иоанном Богословом в орнаментальном обрамлении» из п. Верхнечусовские городки и «Распятие с предстоящими Богородицею и Иоанном Богословом» из с. Нижнечусовские городки, церковь Богоявления Господня; вторая половина XVIII в., Пермская государственная художественная галерея). Как отмечает О. М. Власова, с XVIII века особое развитие получает скульптурная декорация, сосредотачивающаяся в центральном прясле иконостаса, где доминирует христологическая тематика евангельского цикла, в котором особо акцентируется тема Страстей Господних (Власова 2015).

Другой значимой иконографией стал «Христос в темнице» (Спас Полунощный, Спаситель в темнице и др.), где Христос представлен в ночь перед казнью: сидящая фигура в терновом венце со следами побоев, руки сложены на коленях или прижаты к щеке в жесте скорби. Примером может служить «Христос в темнице» из Чердыни (конец XVII в., Пермская государственная художественная галерея), где особенно ярко выражен народный, «крестьянский» тип лица Спасителя.

Среди особо почитаемых святых были «Параскева Пятница», в некотором смысле замещающая языческих покровительниц женщин, и Николай Можайский (например, «Святитель Николай Чудотворец» (Никола Можайский); конец XVIII в., Пермская государственная художественная галерея), воинственный образ которого с мечом и храмом в руках символизировал защиту от врагов и суровых условий Урала. Как отмечает А. В. Черняк, эти святые приняли на себя функции древних божеств, что свидетельствует о процессе христианизации языческих культов (Черняк 1992).

Ритуальные практики и народное благочестие

На примере бытования храмовой православной скульптуры на Урале можно увидеть синтетичность религиозных практик и ритуалов региона. Прихожане относились к скульптурам как к живым богам: одевали их, приносили дары,

верили в их способность ходить (часто меняли обувь из-за «снашивания»). Эти практики, подробно описанные А. В. Черняк, свидетельствуют о сохранении архаических форм религиозного сознания (Черняк 1992).

Исследовательница отмечает, что разница между богом и изображением была условной. Эту особенность почитания пермяками резных изображений, как свидетельствуют первые исследователи, указывали и представители местного духовенства (Серебренников 1928). Такое отношение к скульптуре отражало специфику «мифологического мировосприятия» крестьянства, когда происходило отождествление материального и духовного, природного и человеческого.

Ученые приводят богатый фактический материал, показывающий бытовавшие в Прикамье легенды о хождении статуй, что прямо свидетельствует об отождествлении изображения с самим божеством — ключевая черта архаического сознания. Эти народные представления сохранялись несмотря на все запреты и усилия церкви по искоренению «суеверных» практик (Черняк 1992 и др.).

Культурологические подходы к изучению пермской деревянной скульптуры

При наличии объемного корпуса искусствоведческих и исторических исследований, изучение феномена пермской деревянной скульптуры важно продолжить в культурологической перспективе, формируя объемное, концептуальное видение этого феномена. Анализ закономерностей явления позволяет обозначить некоторые наиболее перспективные культурологические оптики для последующей разработки.

1. *Диалог культур и полифония.* Пермская деревянная скульптура представляет собой наглядную материализацию концепции диалога культур М. М. Бахтина. Это не механическое смешение традиций, а именно диалог, в котором голоса каждой из сторон не только сохраняют свою самобытность, но и порождают новое, уникальное смысловое единство (Бахтин 2000).

«Свое» и «чужое» слово в пермской пластике проявляется особенно ярко. Христианская традиция («чужое» слово для финно-угорского населения) встречается с местным языческим мирозерцанием («свое» слово). В результате возникает гибридная форма, где христианский сюжет наполняется языческим смыслом: скульптура воспринимается не как изображение, а как вместилище духа, объект для прямого контакта

(одаривание, переодевание). Как отмечает А. И. Черняк (Черняк 1992), христианские святыне (Никола Можайский, Параскева Пятница) напрямую приняли на себя функции древних божеств, что представляет собой конкретный механизм контаминации верований.

Полифония культурных голосов в пермской скульптуре проявляется на разных уровнях. В одном артефакте звучат официальный голос православной церкви (каноническая иконография), голос государственной власти (политика христианизации), голос народного, «неофициального» христианства и, наконец, мощный голос архаического, дохристианского сознания с его культом антропоморфных идолов.

В работе О. М. Власовой (Власова 2013 и др.) подчеркивается, что Пермь возникла на пограничной территории между Европой и Азией, что сделало ее скульптуру проводником оригинальных образцов храмовой пластики на Восток, в зауральские и сибирские регионы. Это связывает феномен с бахтинской идеей диалога на границе культур, где Пермь выступает не пассивным реципиентом, а активным транслятором художественных форм.

Важным аспектом полифонии был артельный способ работы мастеров. Власова (Власова 2013 и др.) указывает, что резчики, позолотчики, иконописцы часто входили в артели, перемещавшиеся из одного места в другое, что способствовало миграции и смешению стилей от западных границ России до Сибири. Это свидетельствует о живом, непрерывном диалоге между мастерами разных регионов.

Стилистическая полифония в пермской пластике проявляется в сосуществовании и наложении разных художественных направлений. Как показывает Власова (Власова 2013 и др.), начавшееся в XVIII столетии расслоение стилей, уровней, форм стремительно продолжается. Барокко в эстетике храмовой деревянной скульптуры не исчезает, а обретает новые вариации, соединяясь с классицизмом и академизмом. Это доказывает, что скульптура впитывает разнообразные культурные импульсы.

2. *Семиосфера и механизм перевода.* Урал XVII–XIX веков можно рассматривать как особую семиосферу — семиотическое пространство на стыке нескольких культурных систем (кодов): православно-византийской, русской народной, финно-угорской (языческой). В этом пограничном культурном пространстве происходили сложные процессы семиозиса, требующие специального анализа. В теории Ю. М. Лотмана (Лотман 2000) граница понимается как динамичное пространство, где происходит генерация

новых значений. Когда сталкиваются различные культурные системы (коды), их взаимодействие запускает активные процессы осмысления и преобразования информации. Ключевым механизмом этого взаимодействия является перевод, поскольку любая культурная коммуникация требует преодоления смысловых барьеров. В этой логике зоны культурного пограничья — периферия и области контакта — являются очагами наиболее интенсивного и инновационного развития.

Непереводимость и взрыв становятся ключевыми понятиями для понимания генезиса пермской скульптуры. Прямой перевод православных догматов на язык местной культуры был невозможен из-за фундаментальных различий в миропонимании (иконическое против идолического). Запрет Синода на объемные изображения (1722) — это признание данной «непереводимости» с точки зрения центра. Ответом на этот семиотический «взрыв» стало рождение нового культурного кода — пермской скульптуры, которая стала компромиссным языком-посредником.

Как отмечают исследователи (Власова 2013 и др.; Чистюхин 2001), сама форма бытования скульптуры — размещение в киотах и иконостасах, плоская обработка тыльной стороны — сближает ее не со статуей, а с резной иконой, что является компромиссным решением, переводящим запрещенную «статую» в разрешенный семиотический регистр «иконы».

«Свое» в «чужом» проявляется в особенностях пермской пластики. Местная культура не просто восприняла «чужой» христианский текст, но переработала его, пропустив через свои коды. Этим объясняется появление у Христа и святых национальных черт. Это не ошибка мастера, а акт семиозиса: божество должно быть узнаваемым, «своим» для молящегося. Ю. М. Лотман назвал бы это механизмом культурной аутокоммуникации, когда культура, получая внешний импульс, использует его для диалога с собой, укрепляя свою идентичность.

Специфика провинциального кода проявляется в том, что провинция не просто копировала столичные образцы, а создавала свои коды. Указанные выше исследователи отмечают замедленность в освоении различных стилистических принципов и возникновение гибридных форм. Этот новый код опирался на мифологическое мировосприятие, отождествлявшее изображение с божеством.

3. *Культура как адаптивно-адаптирующая система.* С позиции теории культуры как адаптивного механизма по теории Э. С. Маркаряна,

пермская скульптура предстает примером выработки социально-адаптационной инновации (Маркарян 1983, Маркарян 2014). Этот подход позволяет понять функциональное назначение феномена в конкретных исторических условиях.

Решение социальной проблемы было важной функцией пермской скульптуры. Проблема состояла в конфликте между необходимостью интеграции региона в православное пространство расширяющегося государства и устойчивостью местных архаичных культов. Скульптура стала одним из решений задачи интеграции разноэтничного населения (коми-пермяки, манси, русские переселенцы), выполняя роль компенсаторного механизма, который позволил снять это противоречие.

Экономический базис культурного феномена играл значительную роль в его становлении. В части исследований (например, Власова 2013) выявлена связь расцвета искусства с экономическим развитием региона. Так, наличие огромных лесных массивов способствовало первоочередному развитию деревообрабатывающих ремесел, в том числе искусства художественной резьбы. Бурное развитие горнозаводской промышленности в XVIII веке стимулировало храмостроительство и, как следствие, спрос на храмовый декор.

Функция выживания обеспечивалась способностью скульптуры адаптировать местное население к новой религиозной системе, позволив сохранить глубинные, архетипические формы почитания (объемный идол). Одновременно она обеспечивала адаптацию самой миссионерской практики церкви к местным условиям, сделав христианскую обрядность эффективной. Это классический пример культурного компромисса как условия стабильности общества.

Функция интеграции проявлялась в способности пермской скульптуры объединять разноэтничное население. Пермская деревянная скульптура стала проводником на Восток оригинальных образцов храмовой пластики, способствуя культурной и религиозной интеграции обширных территорий Урала и Сибири в единое государственное и духовное пространство.

4. *Синкретизм и «народная религиозность».* Синкретический характер пермской деревянной скульптуры представляет особый интерес для исследования народных религиозных практик. По мнению Э. Б. Тайлора, Дж. Фрэзера и других ученых, этот феномен демонстрирует сложное переплетение христианских и языческих элементов в повседневной религиозности (Тайлор 1989; Фрэзер 1980).

Двоеверие находит яркое подтверждение в феномене пермской деревянной скульптуры. Богатый фактический материал показывает сложный, двойственный характер отношения пермяков к христианской религии. Так, хотя в XVII–XVIII веках местное население признавало православие и православную церковь, наблюдались случаи не только перехода из православия в раскол и уклонения от причастия, но и переноса традиционного отношения к языческим идолам на христианских святых.

Магическое отношение к скульптуре проявлялось в конкретных практиках и верованиях, бытовавших в Прикамье: легенды о хождении статуй, их одевание и одаривание. Названное прямо свидетельствует об отождествлении изображения с самим божеством, что является ключевой чертой архаического сознания.

Функциональность и утилитарность народной религиозности, подробно описанные в работах Э. Б. Тайлора и Дж. Фрэзера, находят яркое выражение в пермской скульптуре. Выбор почитаемых святых (Параскева Пятница — покровительница женщин, Николай Можайский — защитник) прямо указывает на эту утилитарно-магическую функцию. Образы страдающего Христа имеют ярко выраженный этнический типаж местных народностей. Божество должно быть «своим», узнаваемым, чтобы эффективно выполнять функцию заступника и покровителя.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что пермская деревянная скульптура представляет собой сложный культурный феномен, возникший в результате длительного взаимодействия различных традиций. Ее изучение требует комплексного культурологического подхода, раскрывающего многослойную природу этого явления.

Рассмотрение скульптуры через призму диалога культур выявляет ее полифонический характер: происходило не механическое смешение, а глубокое взаимодействие православных и языческих мировоззрений. Семиотический анализ демонстрирует, что феномен стал результатом преодоления «непереводимости» между различными культурными кодами, что привело к выработке уникального художественного языка, занявшего промежуточное положение между иконой и статуей.

С позиции теории культуры как адаптивной системы пермская пластика предстает эффективным механизмом интеграции, позволившим снять противоречие между официальной

доктриной и местными верованиями. Этот компромисс обеспечил сохранение архаических форм религиозного сознания в новых условиях. Утилитарно-магическое отношение к скульптурам, выражавшееся в практиках одаривания и почитания, подтверждает их синкретическую природу и глубокую укорененность в народной культуре.

Таким образом, пермская деревянная скульптура стала закономерным результатом культурогенеза, в котором проявилась способность местной традиции к творческой переработке внешних влияний и созданию оригинальной

художественной системы, обладающей собственным стилем и уникальным семиотическим статусом.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Список литературы

- Бахтин, М. М. (2000) *Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук*. СПб.: Азбука, 332 с.
- Власова, О. М. (2010) *Пермская деревянная скульптура: между Востоком и Западом*. Пермь: Книжный мир, 148 с.
- Власова, О. М. (2011a) Пермская деревянная скульптура древнерусской традиции. *Вестник Челябинского государственного университета*, № 13 (228), с. 160–165.
- Власова, О. М. (2011b) Пути барокко в пермской деревянной скульптуре. *Вестник Челябинского государственного университета*, № 20 (235), с. 153–157.
- Власова, О. М. (2011c) Художественные особенности пермской деревянной скульптуры в аспекте историографии. *Вестник Челябинского государственного университета*, № 37 (252), с. 166–171.
- Власова, О. М. (2013) *Резные иконостасы и храмовая скульптура Прикамья XVIII — начала XX века. Диссертация на соискание ученой степени доктора искусствоведения*. Москва, Государственный институт искусствознания, 390 с.
- Власова, О. М. (2015) Европейская традиция в пермской деревянной скульптуре. В кн.: А. В. Макина (ред.). *Диалоги о культуре и искусстве. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию со дня основания Пермского государственного института культуры*. Пермь: Изд-во Пермского государственного института культуры, с. 10–15.
- Рындина, А. В., Бурганова, А. М. (сост.). (2008) *Древнерусская скульптура. Вып. 5: Запад — Россия — Восток. Диалог культур*. М.: Московский государственный музей «Дом Бурганова», 224 с.
- Корчагин, П. А., Шабурова, Е. В. (2009) Вехи крещения и христианизации Перми Великой XV — начале XVIII в.: археологический и искусствоведческий аспекты. *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции*, № 6, с. 190–198.
- Лотман, Ю. М. (2000) *Семиосфера*. СПб.: Искусство—СПБ., 704 с.
- Маркарян, Э. С. (1983) *Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ*. М.: Мысль, 284 с.
- Маркарян, Э. С. (2014) *Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 655 с.
- Серебренников, Н. Н. (1928) *Пермская деревянная скульптура: Материалы предварительного изучения и опись*. Пермь: [б. и.], 213 с.
- Тайлор, Э. Б. (1989) *Первобытная культура*. М.: Политиздат, 576 с.
- Фрэзер, Дж. Дж. (1980) *Золотая ветвь. Исследование магии и религии*. М.: Политиздат, 832 с.
- Чистюхин, Д. И. (2001) К вопросу о византийском происхождении русской деревянной скульптуры и проявлении византийской традиции в работах чердынских резчиков. *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции*, № 1–2, с. 59–63.
- Черняк, А. И. (1992) *Пермская деревянная скульптура XVII–XVIII веков (происхождение, бытование, художественные особенности)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. СПб., СПбГУ, 24 с.

References

- Bakhtin, M. M. (2000) *Avtor i geroj. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk [Author and hero. Towards the philosophical foundations of the humanities]*. Saint Petersburg: Azbuka Publ., 332 p. (In Russian)
- Chernyak, A. I. (1992) *Permskaya derevyannaya skulptura XVII–XVIII vekov (proiskhozhdenie, bytovanie, khudozhestvennye osobennosti)* [Perm wooden sculpture of the 17th–18th centuries (origin, existence, artistic

- features)] *Extended abstract of the PhD dissertation (Art History)*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University, 24 p.
- Chistyukhin, D. I. (2001) K voprosu o vizantijskom proiskhozhdenii russkoj derevyannoj skul'ptury i proyavlenii vizantijskoj traditsii v rabotakh cherdynskikh rezchikov [On the question of the byzantine origin of Russian wooden sculpture and the manifestation of the byzantine tradition in the works of Cherdyn carvers]. *Trudy Kamskoj arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii*, no. 1–2, pp. 59–63. (In Russian)
- Frazer, J. G. (1980) *Zolotaya vetv'. Issledovanie magii i religii* [The golden bough: A Study in Magic and Religion]. Moscow: Politizdat Publ., 832 p. (In Russian)
- Korchagin, P. A., Shaburova, E. V. (2009) Vekhi kreshcheniya i khristianizatsii Permi Velikoj XV — nachale XVIII v.: arkheologicheskij i iskusstvedcheskij aspekty [Milestones of the baptism and Christianization of Perm the Great from the 15th to the early 18th century: Archaeological and art history aspects]. *Trudy Kamskoj Arkheologo-Etnograficheskoy Ekspeditsii*, no. 6, pp. 190–198. (In Russian)
- Lotman, Yu. M. (2000) *Semiosphere [Semiosphere]*. Saint Petersburg: Iskusstvo—SPB Publ., 704 p. (In Russian)
- Markaryan, E. S. (1983) *Teoriya kul'tury i sovremennaya nauka: logiko- metodologicheskij analiz* [Theory of culture and modern science: Logical-methodological analysis]. Moscow: Mysl' Publ., 284 p. (In Russian)
- Markaryan, E. S. (2014) *Izbrannoe. Nauka o kul'ture i imperativy epokhi* [Selected works. The science of culture and the imperatives of the era]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 655 p. (In Russian)
- Ryndina, A. V., Burganova, A. M. (comps.). (2008) *Drevnerusskaya skul'ptura. Vyp. 5: Zapad — Rossiya — Vostok. Dialog kul'tur* [Old Russian Sculpture. Iss. 5: West — Russia — East. Dialogue of Cultures]. Moscow: Moscow State Museum “House of Burganov” Publ., 224 p. (In Russian)
- Serebrennikov, N. N. (1928) *Permskaya derevyannaya skul'ptura: Materialy predvaritel'nogo izucheniya i opis'* [Perm wooden sculpture: Materials of preliminary study and inventory]. Perm: [s. n.], 213 p. (In Russian)
- Tylor, E. B. (1989) *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive culture]. Moscow: Politizdat Publ., 576 p. (In Russian)
- Vlasova, O. M. (2010) *Permskaya derevyannaya skul'ptura: mezhdru Vostokom i Zapadom* [Perm wooden sculpture: Between East and West]. Perm: Knizhnyi mir Publ., 148 p. (In Russian)
- Vlasova, O. M. (2011a) Permskaya derevyannaya skul'ptura drevnerusskoj traditsii [Perm wooden sculpture of the old Russian tradition]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 13 (228), pp. 160–165. (In Russian)
- Vlasova, O. M. (2011b) Puti barokko v permskoj derevyannoj skul'pture [The paths of Baroque in Perm wooden sculpture]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 20 (235), pp. 153–157. (In Russian)
- Vlasova, O. M. (2011c) Khudozhestvennye osobennosti permskoj derevyannoj skul'ptury v aspekte istoriografii [Artistic features of Perm wooden sculpture in the aspect of historiography]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 37 (252), pp. 166–171. (In Russian)
- Vlasova, O. M. (2013) *Reznye ikonostasy i khramovaia skul'ptura Prikam'ia XVIII — nachala XX veka* [Carved iconostases and church sculpture of the Kama River region in the 18th — early 20th centuries]. PhD dissertation (Art History). Moscow, State Institute for Art Studies, 390 p. (In Russian)
- Vlasova, O. M. (2015) Evropejskaya traditsiya v permskoj derevyannoj skul'pture [European Tradition in Perm Wooden Sculpture]. In: A. V. Makina (ed.). *Dialogi o kul'ture i iskusstve. Materialy V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoj 40-letiyu so dnya osnovaniya Permskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Dialogues about culture and art: Proceedings of the 5th all-Russian scientific and practical conference dedicated to the 40th anniversary of the perm state institute of culture]. Perm: Perm State Institute of Culture Publ., pp. 10–15. (In Russian)

Сведения об авторе

Анна Александровна Суворова, SPIN-код: [6753-9989](#), Scopus AuthorID [57202985047](#), ORCID: [0000-0002-6421-8514](#), e-mail: anna@mail.ru
 Доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Author

Anna A. Suvorova, SPIN: [6753-9989](#), Scopus AuthorID [57202985047](#), ORCID: [0000-0002-6421-8514](#), e-mail: anna@mail.ru
 Holder of an Advanced Doctorate (Doctor of Science) in Art Criticism, Docent, Professor at the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia

Check for updates

Теория и история культуры, искусства

УДК 130.2(571.56)

EDN AYZMSJ

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-348-359>

Борис Попов: у истоков философии культуры саха

С. В. Никифорова ¹

¹Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
677013, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58

Для цитирования:

Никифорова, С. В. (2025) Борис Попов: у истоков философии культуры саха. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 4, с. 348–359. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-348-359> EDN AYZMSJ

Получена 10 сентября 2025;
прошла рецензирование 1 ноября 2025; принята 8 ноября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © С. В. Никифорова (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Аннотация. Тема истории науки «через призму биографии ключевой фигуры» особенно актуальна, для региональной науки, которая часто остаётся в тени ведущих научных школ. Восстановление интеллектуальной истории и определение роли «отцов-основателей» в регионалистике необходимо для понимания специфики и перспектив динамичных социокультурных процессов, происходящих в национальных культурах народов, населяющих Российскую Федерацию и Республику Саха (Якутия) в частности. Б. Н. Попов (1938–2011), самобытный философ; один из первых дипломированных социологов; один из первооткрывателей в области научных исследований культуры в регионе; эстетик с неизменным чувством чистоты стиля; не стеснявшийся объективных оценок мужественный литературный критик. В рамках методов интеллектуальной истории опыт одного человека, история становления и конструирования его профессиональных идентичностей (философ, социолог, эстетик, литературный критик, культуролог, организатор науки), история их институциональных выражений экстраполируется на историю становления культурологии и философии культуры в Якутии. В разъяснении истории науки эффективным становится исследование опыта отдельной личности, ибо он (опыт) вписывается в тренды науки и её воздействия на общественную жизнь, например, концепция семейной политики в республике. Ученик Уральской социологической школы Попов последователен и логичен: «категория счастья и смысла жизни» — институт семьи — «экология души». Приведён обзор множественных идентичностей, конструируемых в процессе функционирования сети научных и творческих связей и взаимоотношений в формате конкуренции, солидарности, объединения и ученичества. Масштаб личности Б. Попова таков, что его индивидуальные стратегии обретают социальное значение, меняют ситуацию в заданном им направлении.

Ключевые слова: социология культуры, основы фамилистики, семейная политика, культурологическое образование, институт критики, самодостаточность, принципиальность, философия культуры

Boris Popov: At the origins of the Sakha philosophy of culture

S. V. Nikiforova ✉¹

¹ North-Eastern Federal University, 58 Belinsky Str., Yakutsk 677013, Russia

For citation: Nikiforova, S. V. (2025) Boris Popov: At the origins of the Sakha philosophy of culture. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 348–359. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-348-359> EDN AYZMSJ

Received 10 September 2025;
reviewed 1 November 2025;
accepted 8 November 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © S. V. Nikiforova (2025).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Abstract. Examining the history of science through the biography of a key figure is particularly relevant to regional studies — a scholarly area which often remains obscured by leading academic schools. Reconstructing intellectual history and defining the role of founding figures in regional studies is essential for understanding the specific features and prospects of dynamic sociocultural processes occurring in the national cultures of the peoples inhabiting the Russian Federation, and the Republic of Sakha (Yakutia) in particular. Boris Popov (1938–2011) was an original philosopher, one of the first professionally trained sociologists, a pioneering researcher in the field of cultural studies in the region, an aesthetician with an innate sense of stylistic purity, and a fearless literary critic committed to objective evaluation. Employing the methods of intellectual history, the article examines how Popov's individual experience, his evolving professional identities (philosopher, sociologist, aesthetician, literary critic, culturologist, and research administrator), and their institutional manifestations shaped the broader development of culturology and the philosophy of culture in Yakutia. Studying the history of science is enhanced by examining the experience of an individual, as this experience aligns with broader scientific trends and influences on societal life, which is exemplified by the concept of family policy in Yakutia. Popov, a student of the Ural school of sociology, maintained a consistent logic: the category of happiness and the meaning of life — the institution of the family — the ecology of the soul. The article analyzes his multiple identities, which were forged through a network of scholarly and creative relationships encompassing competition, solidarity, collaboration, and mentorship. The scale of Popov's personality was such that his individual strategies acquired social significance, thereby reshaping the broader environment in the direction he envisioned.

Keywords: sociology of culture, fundamentals of genealogical studies, family policy, cultural education, institution of criticism, self-sufficiency, integrity, philosophy of culture

Введение

Борис Николаевич Попов — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия) — далее РС(Я), академик Российской академии социальных наук, академик Петровской академии наук и искусств, член-корреспондент Международной академии Высшей школы. Заслуженный деятель науки РС(Я); член Союза писателей СССР (член Международного сообщества писательских союзов) и Союза журналистов России, лауреат Государственной премии в области науки РС(Я), Почетный гражданин Чурапчинского улуса (района).

В рамках интеллектуальной истории Р. Уотмора, о неизбежной субъективности биографистики в работе «Что такое интеллектуальная история?» (Уотмор 2023) опыт жизни одного человека, в данном случае доктора философии Бориса Попова, последовательность становле-

ния и конструирования его профессиональных идентичностей (философ, социолог, эстетик, литературный критик, культуролог, организатор науки), история их институциональных выражений экстраполируется на историю становления новых научных сфер в отдельно взятом регионе — культурологии и философии культуры Якутии. Приведён краткий обзор множественных, ограниченных во времени идентичностей, которые возникали и конструировались в процессе функционирования сети научных и творческих связей и взаимоотношений в формате объединения, конкуренции, солидарности и ученичества.

Масштаб личности Б. Н. Попова таков, что его индивидуальные стратегии обретают социальное значение, меняют ситуацию в заданном им направлении. Смысл биографического метода, изложенного в работах С. Н. Иконниковой «Биография как социокультурное измерение истории» (Иконникова 2011), Е. Ю. Рождественской

«Биографический метод в социологии» (Рожественская 2012), Л. Ю. Логуновой «Биографический метод в исследовании личности: методология и архитектоника» (Логунова 2016), О. Б. Божкова «От биографий к свидетельствам “очевидцев”» (Божков 2018) и др., выбранного нами применительно к определению роли Б. Попова в науке, состоит в том, что в разъяснении прошлого эффективным становится исследование первоначального опыта отдельной личности, ибо этот опыт вписывается в наибольшее число контекстов организации науки отдельного региона и её воздействия на общественную жизнь.

Борис Николаевич Попов родился 30 июня 1938 г. в селе Чурапча, в семье колхозников. Рассказывая о своём детстве (автор в то время заведовала кафедрой в Саха государственной педагогической академии, где профессор вёл часы социологии), Борис Николаевич нередко вспоминал бабушку, постоянно занятую домашними делами: уходом за коровами, готовкой, — и при этом чутко улавливавшую самочувствие и настроение внука. Она была тем человеком, который любил его безусловно, и всегда безоговорочно была только на его стороне. Опыт такой любви, уверенность в возможности подобного отношения к другому помогали ему в жизни. Он вспоминал, что по росту был самым маленьким в классе; на общешкольных линейках и на уроках физкультуры стоял в конце, и расчёт всегда заканчивался на нём. Возможно, именно это обстоятельство подтолкнуло заняться борьбой и лыжами. После окончания Арылахской (неполная средняя) и Кытанахской (общеобразовательная средняя) школ учился в Чурапчинском педучилище, среди лучших был переведён в Якутское педучилище.

С таким бэкграундом: настойчивый характер, умение противостоять обстоятельствам, способность формулировать и отстаивать собственное мнение, внимание к человеку — Борис Попов вступил в науку.

Становление мыслителя

В 1959–1961 гг. работал учителем. После успешного окончания историко-филологического факультета Якутского государственного университета в 1965–1968 гг., по предложению профессора А. Е. Мординова Б. Попов оставлен ассистентом при кафедре философии. Авксентий Егорович Мординов был ключевой фигурой не только в его профессиональной судьбе, но и в становлении философии Якутии. А. Е. Мор-

динов — первый ректор Якутского государственного университета (далее ЯГУ) с 1956 по 1959 г.; незадолго до этого обвинённый в «буржуазном национализме» (1954 г.), в то время заведовал кафедрой философии. Первый дипломированный профессор философии из саха (якутов), окончивший в 1934 г. легендарный Московский институт философии, литературы и истории (ИФЛИ) — островок свободы в СССР того времени, где «поэты бродили косяками»: П. Коган, Д. Самойлов, Б. Слуцкий, А. Твардовский и др.; где количество гениев на квадратный метр зашкаливало, где в разное время учились и преподавали М. Ф. Асмус, Б. С. Чернышёв, А. Ф. Лосев, Х. Н. Момджян, Т. И. Ойзерман, Г. С. Померанц, Г. С. Кнабе и др.

Среди выпускников ИФЛИ значатся ещё два саха: Захар Васильевич Гоголев (1911–1974), уроженец Дюпсинского улуса, участник Великой Отечественной войны, демобилизован в 1948 г., работал преподавателем Киевского военно-пехотного училища, в Киевском государственном университете защитил диссертацию кандидата наук (1948 г.), доктора исторических наук (1972 г.) (Выпускники МИФЛИ... 2025). С 1949 по 1963 г. работал директором Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР.

В истории науки республики известна во многом предвзятая и далёкая от объективности полемика Г. П. Башарина с З. В. Гоголевым по вопросам экономической истории Якутии рубежа XIX–XX веков (Башарин 1956; 1974; Гоголев 1970).

Второй, Никита Петрович Канаев, (1907–1987) уроженец Нюрбинского улуса; учился в ИФЛИ в 1934–1939 гг. Участник Великой Отечественной войны, призван на фронт в 1942 г., демобилизован по ранению в 1943 г., редактор популярного журнала «Хотугу сулус» (Полярная звезда). В соавторстве с Г. Ефремовым и Г. Тихоновым он написал в 1944 г. «весьма спорную для развития якутской литературы брошюру против книги Г. П. Башарина “Три якутских реалиста-просветителя”» (Башарин 2019), что негативно отразилось на его научной деятельности» (Васильева 2015, 37). Н. П. Канаев с соавторами не сориентировались, что генеральная линия партии от обличения таттинских писателей в том, что они «идеологи тойонатства и закоренелые реакционеры», вновь качнулась к определению их «основоположниками якутской литературы», — так рушились репутации. Позже он издал две монографии: «Творчество Н. Е. Мординова» (Канаев 1964) (стоит отметить, что Николай Егорович Мординов — Амма

Аччыгыя, народный писатель Якутии, автор романа-эпопеи «*Сааскы кэм*» (Весенняя пора) — родной брат Авксентия Мординова, ректора ЯГУ); вторая монография — «*В. М. Новиков-Куннук Уурастыырап айымньыта*» (= Творчество В. Новикова-Кюннук Урастырова)» (Канаев 1968), которые были «первыми монографическими исследованиями по изучению художественного наследия народных писателей» (Васильева 2015). Вот так причудливо переплетались, круто расходились и вновь пересекались пути якутской интеллигенции.

Именно Авксентий Егорович ввёл вчерашнего учителя Бориса Попова в мир науки. Спустя годы благодарный ученик отметит во введении к посвящённой учителю монографии «Авксентий Мординов» из серии «Выдающиеся люди республики»: «...имеющаяся на сегодня литература о нём не может изменить ситуацию незнания о философе и личности» (Попов 2002, 6). Влияние научных идей учителя, его подход к исследованию философии и культуры; интеллигентность, мужество и способность сохранять человеческое достоинство в обстоятельствах огульной клеветы — навсегда запечатлелись в сознании начинающего коллеги. С неизменным пиететом, неожиданным для достаточно критично настроенного человека, каким был Борис Николаевич, он отзывался о Мординове.

Начало социологии культуры в Якутии

Из ЯГУ Б. Попов был направлен в аспирантуру философского факультета Уральского государственного университета по кафедре одного из первых отечественных исследователей социологии культуры Льва Наумовича Когана (1923–1997), основателя Уральской социологической школы, автора одного из первых учебников по социологии культуры (1992). Борис Николаевич часто цитировал Когана, любил вспоминать годы учёбы в аспирантуре. Колоритная фигура Л. Н. Когана, крупного физически и по научным параметрам социолога и культуролога, историка и философа, театрального критика и поэта, во многом определила направления исследовательской деятельности начинающего учёного.

Со второй половины 1960-х гг. в советской гуманитаристике утверждался деятельностный подход в исследованиях культуры (Г. П. Щедровицкий, В. М. Розин, Г. С. Батищев, М. К. Мамардашвили, Э. С. Маркарян, М. С. Каган, С. Н. Иконникова и др.). Сместился исследовательский акцент: не «классовые ценности»,

но «духовное производство, духовное потребление, духовное распределение» (Вишневский 1999, 4). Ученики определяли масштаб личности Льва Когана как «человека эпохи Возрождения в советские времена» (Вишневский и др. 2018, 153). Так Б. Попов оказался свидетелем и участником становления научной школы, коренных пертурбаций в организации социокультурных исследований и сразу был вовлечён в водоворот «живой» науки. Он досрочно защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата философских наук по теме «Соотношение категорий счастья и смысла жизни» (1971 г., Свердловск), под руководством А. Е. Мординова.

В 1970-х гг. окончательно оформились основные исследовательские направления сектора социологии культуры под руководством Л. Н. Когана (первоначальное название — сектор изучения духовной жизни советского общества) Института экономики Уральского научного центра Академии наук СССР. Сложилась структура, отражающая «устойчивые проблемно-тематические группы. Стержневой, профильной для сектора была группа планирования (руководитель — канд. филос. наук А. Ф. Шарова). Она изучала особенности функционирования территориальной сети массовых учреждений культуры и досуга — клубов и библиотек, занималась планированием развития культурной сферы и совершенствованием механизмов управления ею.

Проблемы развития учреждений культуры и средств массовой коммуникации (кинематограф, театр, телевидение), формирования потребностей, интересов и вкусов аудитории стали предметом исследований группы под руководством канд. филос. наук В. И. Волкова.

Собственно культурная тематика органично дополнялась исследованием личностного творческого потенциала работника и социально-психологических взаимоотношений в трудовом коллективе (группа Л. И. Иванько).

Начало «семейной» проблематики в ИЭ УрО АН СССР было положено в 1974 г., когда «группой семьи» (рук. — канд. филос. наук Б. С. Павлов) в Оренбургской области было проведено социологическое исследование на тему «Производственно-профессиональная преемственность и сотрудничество поколений в семье». Далее в течение четверти века объекты и аспекты изучения уральской семьи постоянно расширялись, охватив не только большинство областей Урала, но и территории Тюменского Севера» (Вишневский и др. 2018, 167–168). Следует особо отметить, что в эти годы сформировалась область научных интересов Бориса

Николаевича, его методологический арсенал. Перечисленные направления научных изысканий Уральской школы всегда интересовали Б. Н. Попова, но не менее ценным был опыт организации социологического исследования в области культуры. Одними из первых в СССР сотрудники сектора Л. Когана проводили социологические исследования читательской и театральной, кино- и телеаудитории, художественной самодеятельности, нацеленные на то, чтобы выявить и зафиксировать, каким сложным, ... важным для культурного развития человека является опыт сопереживания и сотворчества (Вишневский и др. 2018, 169).

Л. Н. Коган отмечал, что «духовную культуру неправильно рассматривать только как совокупность накопленных обществом духовных ценностей. Культура народа — не музей, не антикварное хранилище. Это — живой процесс человеческой деятельности, включающей производство, сохранение, распределение и потребление духовных ценностей, причём каждый из перечисленных элементов характеризуется степенью участия самых широких народных масс» (Коган 1969, 3–4). При этом он подчёркивал, что «чтение художественной или научной литературы, восприятие музыки, театрального спектакля или фильма — тоже творчество» (Коган 1969, 12). Именно в таком ключе понимал функции культуры Борис Николаевич. Вспоминается его зычный голос на государственном экзамене специалитета по культурологии: «Какая функция у культуры?»; и ответы студентов: «Человекотворческая», сопровождаемые его удовлетворенным комментарием о человеке, который творит себя и мир культуры вокруг, и которая объемлет все другие функции.

Основы фамилистики

Указанные направления научной школы Л. Н. Когана в той или иной мере все нашли отражение в дальнейшей деятельности Б. Попова. Проблемы этики, семейно-брачные отношения; проблемы сохранения традиций и организации современных форм национальной культуры; духовное развитие молодёжи, экология души; эстетика становящихся национальных форм академического искусства: театра, балета, кино, изобразительного искусства, поэзии, прозы, публицистики и т. д., — все они рассматривались Борисом Николаевичем не как абстрактные, умозрительные, но как те, что только в живом потоке жизни имеют смысл.

В 1960-е гг. XX века вследствие совхозного строительства и урбанизации якутская патриар-

хальная многопоколенная и многодетная патрилокальная семья переживала трансформацию в нуклеарную. Рушились «социокоды семейно-родовой памяти» (Логунова 2014, 70), соответственно, многократно возрастали демографические риски, что было критично для коренных малочисленных народов и для саха (якутов). По итогам Всесоюзной переписи 1959 г. в Якутской АССР якутов проживало примерно 226 053 человека, эвенков — 9505 человек и эвенов 3537 человек (Итоги Всесоюзной переписи населения... 1962, 204).

С целью обоснования основных теоретических положений будущей докторской диссертации впервые в республике Б. Н. Поповым с группой учёных в 1968–1970 гг. были проведены социологические исследования жизненных представлений коренного населения о духовных ценностях, этических и общефилософских мировоззренческих установках; в 1975 г. проводились повторные исследования «для тех же групп населения (сельские и городские школьники, студенты, работающая молодёжь) и теми же методами (анкеты по 28 вопросов, до 127 различных вариантов ответов)», затем — в 1978 г. (Попов 2008, 82–85). Решением Областного комитета партии Б. Н. Попов был назначен руководителем социологических исследований Якутского научного центра, затем главным учёным секретарём Президиума Якутского научного центра (1971–1975). Именно в эти годы был получен ценный материал, который лёг в основу не одной докторской диссертации и до сих пор определяет современный социокультурный исследовательский дискурс в республике.

В 1972–1974 гг. — старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР (далее ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР), в 1974–1976 гг. — учёный секретарь Президиума ЯФ СО АН СССР, в 1976–1991 гг. — старший научный сотрудник ИЯЛИ, с 1991 г. — заведующий Отделом социологии и права Института малочисленных народов Севера ЯНЦ СО АН СССР.

Диссертацию на соискание учёной степени доктора философских наук защитил в 1989 г. по теме: «Общее и особенное в семейно-брачных отношениях у народов, не прошедших капиталистический путь развития» (на примере народов Северо-Востока СССР) по докторантуре Института истории, филологии, философии и права Сибирского отделения Академии наук в Новосибирске. Катастрофически растущий процент разводов, проблемы неполных семей, размывание гендерной идентичности, трансформации

семейных ценностей, — сегодня эти проблемы, угрожая существованию основ общества, актуальны во всем мире. Умение определить мейнстрим в перспективе, держать курс в русле фундаментальных исследовательских направлений — важнейший показатель состоятельности учёного.

Семейно-брачные отношения на тот период времени, казалось, отступили на периферию научного дискурса, который, как и всю страну, захлестнуло перестроечное братание с «цивилизованным» миром. Но будучи социологом, философом, патриотом своего народа, Борис Николаевич представлял риски и угрозы для института семьи, особенно малочисленных народов, включая саха (якутов); понимал потенциал и перспективы фамилистики. Ключевые работы Попова: «Семейная культура народов Северо-Востока России: Традиции и инновации» (Попов 1993) и «Изменение семьи народов Якутии» (Попов 1994), это помимо публикаций в научных журналах и республиканской периодике.

Б. Н. Попов занимался не только фундаментальными социально-философскими и социально-демографическими проблемами института семьи, но и решением прикладных задач. В 1995 и 2000 гг. под руководством Попова впервые в России была разработана концепция «О семейной политике Республики Саха (Якутия) в конце XX и начале XXI века: стратегия и тактика». Концепция семейной политики рассматривается «как составная часть социальной политики и представляет собой целостную систему мер правового, экономического, социального, организационного и информационно-пропагандистского характера, направленных на улучшение условий жизнедеятельности семьи» (Постановление Правительства Республики Саха... 1995). За выдающиеся достижения в исследовании социальных проблем института семьи профессору Б. Н. Попову был вручён «Золотой Знак ООН».

Логичным продолжением исследований в области фамилистики стала концептуальная идея «экология души» (1995), вслед за «Декларацией прав культуры» Д. С. Лихачёва, разработавшего среди прочих категорию «экология культуры» (Лихачев 2022, 485–511), инициатором которой в республике выступил Б. Н. Попов, она превратилась в одноимённое общественное движение и послужила основой для создания Академии духовности РС(Я). Республика — один из первых регионов РФ, где системно основательно ведётся работа по проблемам института семьи, переживающего трансформации во всём

мире, а первоначальные тренды на нивелирование негативных тенденций были заданы в СССР поколением исследователей, которому принадлежит Б. Н. Попов.

Организация культурологического образования

А. Я. Флиер, размышляя об основаниях и структуре культурологии, отмечает следующую хронологию: «... в начале 1990-х гг. в системе образования происходило реформирование состава обществоведческих дисциплин, культурология была введена в число обязательных общеобразовательных курсов высшего и среднего специального образования. <...> Одновременно начали открываться учебные подразделения по подготовке преподавателей культурологии, а также культурологов-исследователей для научной сферы. Были разработаны Государственные стандарты <...>. С 1996 г. культурология ... была включена в номенклатуру научных специальностей Миннауки РФ ...» (Флиер 2000, 8–9).

В стране начали открываться культурологические кафедры, создаваться учебники по культурологии. В Якутии по инициативе канд. ист. наук, проф. Р. И. Бравиной (в то время она работает над докторской диссертацией, которую успешно защитит в 2000 г., в Институте археологии и этнографии СО РАН, в Новосибирске) и канд. ист. наук, доцента П. А. Слепцова на вновь образованном факультете якутской филологии и культуры (1992 г.) ЯГУ на базе кафедры культуры и искусства (зав. кафедрой Р. И. Бравина) решением Учёного совета ЯГУ была открыта кафедра культурологии (октябрь 1996 г.), четвёртая в Российской Федерации. Они «пробивали» в кабинетах министерств базовые учебные планы, в которые внедряли региональный компонент. Р. И. Бравиной и П. А. Слепцову удалось, заручившись поддержкой Г. И. Зверевой, которая вместе с С. Н. Иконниковой, Т. Ф. Кузнецовой, Л. М. Мосоловой, А. Я. Флиером и Г. В. Драчом стояла у истоков культурологического образования России, включить культурологию в учебный процесс на всех подразделениях Якутского государственного университета.

Заведовать новой кафедрой в 1997 г. пригласили доктора философии, профессора Б. Н. Попова. За годы работы в университете Б. Н. Попов был признан победителем номинаций: «Лучший профессор ЯГУ», «Лучший научный руководитель аспирантов и соискателей», «Автор лучшего учебно-методического пособия

для студентов ЯГУ». В 2003 г. за создание учебных пособий для вузов ему была присуждена Государственная премия РС(Я) в области науки и техники.

Область научных интересов Б. Н. Попова: философия — этика — философия культуры; социология — религиоведение и социология религии — социология культуры; культурология — эстетика — литературная и театральная критика (Попова 2012, 92). Он заведовал кафедрой до 2008 г., за это время Борисом Николаевичем были подготовлены два доктора наук по философии и политологии, десять кандидатов наук по философии, культурологии, социологии и педагогике, он был руководителем и консультантом 11 диссертаций по культурологии, философии, политологии и социологии. Среди них д-р филос. наук К. Д. Уткин, д-р полит. наук Ю. Д. Петров, канд. пед. наук Е. П. Чехордуна и Г. С. Попова, канд. филос. наук В. А. Чусовская, канд. культурологии Л. А. Кузьмина и С. С. Протопопов и др. (Попова 2018, 198). Приведённая арифметика, позволяет называть его, наряду с П. А. Слепцовым и Р. И. Бравиной, одним из «основателей социологии и культурологии в Республике Саха (Якутия) и создателем своей научной школы в данных областях» (Попова 2012, 92).

Философия человека в культуре саха

Возвращаясь к «экологии души» в учебном пособии «Особенности философского знания» (2001b), Б. Н. Попов размышляет о специфике философии человека в культуре саха и выделяет ключевой концепт — *Айыы киһитэ* как «рациональную модель человека, представляющую идеал народа» (Попов 2001b, 64). При всей фольклорной условности и гиперболизации физических и духовных характеристик философ выделяет в качестве главных — «надёжность и серьёзность, основательность и мужественность, человечность и духовность» (Попов 2001b, 66). «Философские взгляды о человеке у якутов мы находим в олонхо, преданиях, легендах, сказаниях, пословицах и поговорках. Основой этих взглядов выступает, прежде всего, природосообразность жизни и деятельности северного человека, его полное согласие с окружающей природой <...>. Решение судьбоносных вопросов тесно связано с решением проблем выживания. На передний план выдвигаются гуманизм, солидарность и взаимоподдержка. Однако человек вынужден сам организовывать свою жизнь и судьбу» (Попов 2001b, 63). Автор видит «предназначение человеческой жизни

на земле: обладать ... светлой душой, быть духовным, душевным» (Попов 2001b, 66). Завершает Б. Н. Попов теорию представлений народа саха о предназначении человека выделением трёх уровней самореализации человека: 1. *Киһи хара буолу* «быть человеком, занимать достойное место в обществе. Это означает: а) обеспечивает сам себя <...>; б) зло устраняет, добро умножает; в) собственную жизнь делает устойчивой и стабильной посредством труда и ума»; 2. *Киһи киһитэ* «быть человеческим человеком, возможно для того, кто успешно преодолел испытания первого уровня, и означает: бережливость, гуманность и способность защищать другого человека; б) учтивость и учет интересов других людей; в) всестороннее понимание ... 3. *Айыы киһитэ*, доступно для тех, кто прошел предыдущие уровни, и означает: а) человек, способный творить и созидать новое в жизни; б) способный развиваться, возвышаться, подниматься, самоорганизовываться; в) способный защищать природу, обладающий экологической самоотверженностью и культурой, поддерживающий развитие природы» (Попов 2001b, 67).

С 1962 г. он печатался как литературный критик и исследователь актуальных социально-культурных проблем. Первый сборник философско-этической публицистики «О поэзии жизни» был опубликован в 1970 г. С 1972 г. — член Союза журналистов РСФСР. Впечатляет включенность автора в насущные проблемы жизни своего народа, прозорливость, неравнодушие и заразительная уверенность, что озвученные, отрефлексированные они могут и должны быть решены. Затем последовали «*Киһи — дьон-сэргэ ортотугар*» (= Человек среди людей, 1979); «*Киһи сыһыаныгар кэрэ туһунан*» (= О роли Прекрасного во взаимоотношениях людей, 1983); «*Төрөөбүт айылҕаба сыһыан*» (Отношение к родной природе, 1985); «*Бигэ эрэллээх дьоннор. Литературнай-критическэй ыстатыйалар*» (О людях с убеждениями. Литературно-критические статьи, 1988) (Кириллин и др. 1995, 197).

В публицистике Борис Николаевич выбрал себе псевдоним *Барылсан* — в переводе с якутского языка «стремительный, сильный, быстрина в течении реки» (Толковый словарь якутского... 2005, 223), это тоже характеристика философа: самооценка и уровень планки в реализации возможностей. Нам видится в этом акте поименования не только определение «ядерного» смысла своей самости, но прежде всего попытка определить собственный эйдос, внутреннее «Я», обозначение ключевых позиций, должных привести к цели. Точное представление

о том, «кто есть я и каковы мои обстоятельства?» (по Х. Ортега-и-Гассету) отделяют мыслителя от обывателя. Б. Попов — *Барылбан*, критик, эссеист, является одним из основателей философской публицистики и эссеистики в республике, о чем свидетельствуют его публикации 1960-х гг.

Становление института критики в искусстве Якутии

Поколение Б. Попова понимало личную ответственность за становление профессиональных академических форм искусства в современной культуре народа. Вносило посильный вклад в становление института критики: литературной, музыкальной, театральной и др. Каждый из них близко к сердцу принимал успехи и неудачи молодого якутского драматического и оперного театра, балета, поэзии, графики и живописи; их критические мнения и оценки не оставались в кулуарах, они выносились в публичное пространство, становились выражением общественного мнения на страницах республиканских газет и журналов.

Это не были разовые случайные акции. Они вникали в специфику вида искусства, искали пути выражения национальной идентичности в преобразуемых под реалии культуры формах того времени. Их оценки служили для современных им деятелей искусства ориентиром, регулировали взаимоотношения творца со зрителем, поднимали планку творческих задач и способствовали росту достижений в сфере искусства. Их критика не позволяла мастерам искусства самоутешиться в сознании собственной гениальности, или считать одну — пусть даже союзную — награду венцом творческого пути. Каждый понимал не только степень личной ответственности, но требовал той же ответственности перед народом от деятелей искусства.

В качестве примера приводим пассаж из текста Б. Н. Попова о театральном искусстве: «За отсутствием театроведа-профессионала труд огромного коллектива не находит оперативно-профессионального анализа... Деятельность театра по своей природе быстротечна... обязательно в этой деятельности должно быть главное направление» (Попов 2001а, 67).

Г. С. Попова-Саная, ученица и сподвижник Б. Попова, так определяет роль Б. Н. Попова: «он является типичным носителем интеллектуальной, духовной, элитарной культуры народа саха», и цитирует его: «Философом является лишь непредвзятый, искренний с собой

самим и с Сущим, обладающий упорством познавательного устремления, исключительным постоянством и настойчивостью» человек (Попова 2012, 95), — так он сам формулировал суть мыслителя в книге о своём учителе А. Е. Мординове.

Заключение

Пожалуй, никто точнее, чем он сам, не определяет его профессиональное и человеческое кредо: «Я не популяризатор актуальных идей, а выразитель собственного отношения к миру. Я стремился всегда отстаивать истину, а не просто так, чтобы мой голос был услышан» (Б. Н. Попов). Стоит отдельно подчеркнуть самобытный самостоятельный характер мышления якутского философа, который не прятался за цитатами. Первый профессиональный социальный антрополог; один из организаторов культурологического образования; основоположник якутской фамилистики; литературный критик; создатель жанра философского эссе на языке саха.

Он не был удобным человеком ни для своего руководства, ни для соратников, ни для подчинённых. Во имя дела, которое он считал важным для судьбы народа, культуры и республики, Борис Николаевич был принципиален и непреклонен, даже понимая и предвидя негативные последствия для своей карьеры. Один из первых дипломированных социологов; один из первооткрывателей в новой области научных исследований культуры в регионе — культурологии; эстетик с неизменным чувством чистоты стиля; не стеснявшийся объективных оценок мужественный литературный критик — во всех ипостасях он реализовался как самобытный философ.

Список сокращений

- РС(Я) — Республика Саха (Якутия)
- ЯГУ — Якутский государственный университет
- ИФЛИ — Институт философии, литературы и истории
- ИЭ УрО РАН — Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
- Якутская АССР — Якутская автономная советская социалистическая республика
- ИЯЛИ ЯФ СО АН — Институт языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР
- Миннауки РФ — Министерство науки Российской Федерации

Abbreviations

RS (Ya) — Republic of Sakha (Yakutia)
YSU — Yakut State University
IFLI — Institute of Philosophy, Literature and History
IE UB RAS — Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakut ASSR — Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic
IYaLI YAFILLH YB SB AS USSR — Institute of Language, Literature and History of the Yakut Branch of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR

Min. of Science MinSci RF — Ministry of Science of the Russian Federation

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Источники

- Башарин, Г. П. (1956) *История аграрных отношений в Якутии. (60-е годы XVIII — середина XIX в.)*. М.: Изд-во Академии наук СССР, 428 с.
- Башарин, Г. П. (1974) *Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX — начала XX века*. Якутск: Якутское книжное издательство, 216 с.
- Башарин, Г. П. (2019) *Три якутских реалиста-просветителя (из истории общественной мысли дореволюционной Якутии)*. 2-е издание, дополненное. Якутск: Изд-во Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, 186 с.
- Божков, О. Б. (2018) От биографий к свидетельствам «очевидцев». *Международный журнал исследований культуры*, № 1 (30), с. 6–11.
- Васильева, Д. Е. (2015) Никита Петрович Канаев. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*, № 1 (10), с. 37–37.
- Вишневский, Ю. Р. (1999) А. Н. Коган о творчестве: творческое обновление теории культуры. В кн.: *Проблемы общественного развития в зеркале социологии и экономики: тезисы докладов межрегиональной научной конференции*. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического университета, с. 4–5.
- Вишневский, Ю. Р., Докторов, Б. З., Зборовский, Г. Е., Павлов, Б. С. (2018) А. Н. Коган: «Я жил». *Социологический журнал*, т. 24, № 1, с. 152–175. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5718>
- Выпускники МИФЛИ. Канаев Никита Петрович. (2025) *Википедия*. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%B5%D0%B2,%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87> (дата обращения 10.09.2025).
- Гоголев, З. В. (1970) *Якутия на рубеже XIX–XX вв. (Социально-экономический очерк)*. Новосибирск: Наука, 234 с.
- Иконникова, С. Н. (2011) Биография как социокультурное измерение истории. *Культурологический журнал*, № 4 (6). [Электронный ресурс]. URL: http://cr-journal.ru/files/file/02_2012_13_50_01_1328608201.pdf (дата обращения 22.11.2025).
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР: (Сводный том)*. (1962) М.: Госстатиздат, 284 с.
- Канаев, Н. П. (1964) *Творчество Н. Е. Мординова*. Якутск: Якутское книжное издательство, 176 с.
- Канаев, Н. П. (1968) *В. М. Новиков-Куннук Уурастыырап айымньыта*. Якутск: Саха сиринээҕи кинигэ, 162 с.
- Кириллин, Д. В., Павлова, В. Н., Шевков, С. Д. (1995) *Писатели земли Олонхо: биобиблиографический справочник*. Якутск: Бичик, 302 с.
- Коган, А. Н. (1969) Духовное производство и культура. В кн.: А. Н. Коган, М. П. Козлов (ред.). *Вопросы духовной культуры советских рабочих*. Выпуск 1. Свердловск: [б. и.], с. 3–18.
- Лихачев, Д. С. (2022) *Избранные труды по русской и мировой культуре*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 544 с.
- Логунова, А. Ю. (2014) Семейно-родовая память: временные ипостаси и социальные ресурсы. *Вестник Томского государственного университета*, № 379, с. 69–75.
- Логунова, А. Ю. (2016) Биографический метод в исследовании личности: методология и архитектура. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*, № 1, с. 17–23.
- Попов, Б. Н. (1993) *Семейная культура народов Северо-Востока России: Традиции и инновации*. Новосибирск: Наука, 263 с.

- Попов, Б. Н. (1994) *Изменение семьи народов Якутии*. Якутск; Екатеринбург: Изд-во Министерства образования Республики Саха (Якутия), 140 с.
- Попов, Б. Н. (2001a) *Основы понимания искусства*. Якутск: Изд-во Ярославского Государственного Университета, 77 с.
- Попов, Б. Н. (2001b) *Особенности философского знания*. Якутск: Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 166 с.
- Попов, Б. Н. (2002) Авксентий Мординов. Якутск: Бичик, 224 с.
- Попов, Б. Н. (2008) *Человек: счастье и смысл жизни*. Якутск: Изд-во Якутского государственного университета, 208 с.
- Попова, Г. С. (2012) Трижды девять Б. Н. Попова — философа, социолога, культуролога. В кн.: «*Культура и интеллигенция России: личности, творчество, интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций*». Материалы VIII Всероссийской научной конференции с международным участием в рамках подготовки к 300-летию Омска и празднования юбилейных событий российской истории. Омск: Изд-во Омского государственного университета, с. 92–95.
- Попова, Г. С. (2018) Роль личности в формировании научной школы (на примере якутской культурологической школы). В кн.: *Всероссийская научная конференция с международным участием «Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И. Я. Яковлева)»*. Чебоксары: Среда, с. 194–200.
- Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 20 декабря 1995 г. № 531 «О концепции семейной политики в Республике Саха (Якутия)». (1995) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/473506944> (дата обращения 24.11.2025).
- Рождественская, Е. Ю. (2012) *Биографический метод в социологии*. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 381 с.

Список литературы

- Толковый словарь якутского языка. Т. 2. Буква Б. (2005) Новосибирск: Наука, 908 с.
- Уотмор, Р. (2023) *Что такое интеллектуальная история?* М.: Новое литературное обозрение, 200 с.
- Флиер, А. Я. (2000) *Культурология для культурологов*. М.: Академический проект, 458 с.

Sources

- Basharin, G. P. (1956) *Istoriya agrarnykh otnoshenij v Yakutii (60-e gody XVIII — seredina XIX v.)* [History of agrarian relations in Yakutia (1760s — mid-19th century)]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 428 p. (In Russian)
- Basharin, G. P. (1974) *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya v Yakutii vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka* [Socio-economic relations in Yakutia in the second half of the 19th — early 20th centuries]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe Publ., 216 p. (In Russian)
- Basharin, G. P. (2019) *Tri yakutskikh realista-prosvetiteleya (iz istorii obshchestvennoj mysli dorevoljutsionnoj Yakutii)* [Three Yakut Realist Enlighteners (from the History of Social Thought in Pre-Revolutionary Yakutia)]. 2nd edition, revised and expanded. Yakutsk: North-Eastern Federal University Publ., 186 p. (In Russian)
- Bozhkov, O. B. (2018) Ot biografij k svidetel'stvam “ochevidtsev” [From Biographies to Certificates “eyewitnesses”]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury — International Journal of Cultural Research*, no. 1 (30), pp. 6–11. (In Russian)
- Gogolev, Z. V. (1970) *Yakutiya na rubezhe XIX–XX vv. (Sotsial'no-ekonomicheskij ocherk)* [Yakutia at the turn of the 19th — 20th centuries (Socio-economic essay)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 234 p. (In Russian)
- Ikonnikova, S. N. (2011) Biografiya kak sotsiokul'turnoe izmerenie istorii [Biography as a Socio-Cultural Dimension of History]. *Kul'turologicheskij zhurnal — Journal of Cultural Research*, no. 4 (6). [Online]. Available at: http://cr-journal.ru/files/file/02_2012_13_50_01_1328608201.pdf (accessed 22.11.2025). (In Russian)
- Itogi Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1959 g. SSSR: (Svodnyj tom)* [Results of the All-Union Population Census of 1959 of the USSR: (Consolidated Volume)]. (1962) Moscow: Central Statistical Office of the USSR Publ., 284 p. (In Russian)
- Kanaev, N. P. (1964) *Tvorchestvo N. E. Mordinova* [Creativity N. E. Mordinova]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe Publ., 176 p. (In Russian)
- Kanaev, N. P. (1968) B. M. Новиков-Куннук Уурастыыран айымньыта [V. M. Novikov is the author of diary entries]. Yakutsk: Yakut Book Publ., 162 p. (In Yakut)
- Kirillin, D. V., Pavlova, V. N., Shevkov, S. D. (1995) *Pisateli zemli Olonkho: Biobibliograficheskij spravocchnik* [Writers of the land of Olonkho: A Bibliographical reference]. Yakutsk: Bichik Publ., 302 p. (In Russian)
- Kogan, L. N. (1969) Dukhovnoe proizvodstvo i kul'tura [Spiritual production and culture]. In: L. N. Kogan, M. P. Kozlov (eds.). *Voprosy dukhovnoj kul'tury sovetskikh rabochikh* [Issues of spiritual culture of Soviet workers]. Issue 1. Sverdlovsk: [s. n.], pp. 3–18. (In Russian)
- Likhachev, D. S. (2022) *Izbrannye trudy po russkoj i mirovoj kul'ture* [Selected Works on Russian and World Culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences Publ., 544 p. (In Russian)

- Logunova, L. Yu. (2014) Semejno-rodovaya pamyat': Vremennye ipostasi i sotsial'nye resursy [Family-Patrimonial Social Memory: Temporal Subsistence and Social Resources]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, no. 379, pp. 69–75. (In Russian)
- Logunova, L. Yu. (2016) Biograficheskij metod v issledovanii lichnosti: Metodologiya i arkhitektonika [Biographical method in the study of personality: Methodology and architectonics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki — Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic sciences*, no. 1, pp. 17–23. (In Russian)
- Popov, B. N. (1993) *Semejnaya kul'tura narodov Severo-Vostoka Rossii: Tradicii i innovacii [Family Culture of the peoples of North-East Russia: Traditions and innovations]*. Novosibirsk: Nauka Publ., 263 p. (In Russian)
- Popov, B. N. (1994) *Izmenenie sem'i narodov Yakutii [Changing the family of peoples of Yakutia]*. Yakutsk; Yekaterinburg: Ministry of Education of the Republic of Sakha (Yakutia) Publ., 140 p. (In Russian)
- Popov, B. N. (2001a) *Osnovy ponimaniya iskusstva [Basics of understanding art]*. Yakutsk: P. G. Demidov Yaroslavl State University Publ., 77 p. (In Russian)
- Popov, B. N. (2001b) *Osobennosti filosofskogo znaniya [Features of philosophical knowledge]*. Yakutsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 166 p. (In Russian)
- Popov, B. N. (2002) *Avksentij Mordinov [Avksentij Mordinov]*. Yakutsk: Bichik Publ., 224 p. (In Russian)
- Popov, B. N. (2008) *Chelovek: Schast'e i smysl zhizni [Man: Happiness and the meaning of life]*. Yakutsk: M. K. Ammosov North-Eastern Federal University Publ., 208 p. (In Russian)
- Popova, G. S. (2012) Trizhdy devyat' B. N. Popova — filosofa, sotsiologa, kul'turologa [The Triple Nine of B. N. Popov, a Philosopher, Sociologist, and Cultural Studies Expert]. In: *"Kul'tura i intelligentsiya Rossii: Lichnosti, tvorchestvo, intellektual'nye dialogi v epokhi politicheskikh modernizatsij". Materialy VIII Vserossijskoj nauchnoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem v ramkakh podgotovki k 300-letiyu Omska i prazdnovaniya yubilejnykh sobytij rossijskoj istorii ["Culture and the Russian Intelligentsia: Personalities, Creativity, and Intellectual Dialogues in the Era of Political Modernization". Proceedings of the VIII All-Russian Scientific Conference with International Participation in Preparation for the 300th Anniversary of Omsk and the Celebration of Anniversary Events in Russian History]*. Omsk: Dostoevsky Omsk State University Publ., pp. 92–95. (In Russian)
- Popova, G. S. (2018) Rol' lichnosti v formirovanii nauchnoj shkoly (na primere yakutskoj kul'turologicheskoy shkoly) [The Role of an Individual in the Formation of a Scientific School (on the Example of the Yakut School of Cultural Studies)]. In: *Vserossijskaya nauchnaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem "Problemy prosveshcheniya, istorii i kul'tury skvoz' prizmu etnicheskogo mnogoobraziya Rossii (k 170-letiyu chuvashskogo prosvetitel'ya I. Ya. Yakovleva)" [All-Russian scientific conference with international participation "Problems of education, history and culture through the prism of the ethnic diversity of Russia (for the 170th anniversary of the Chuvash educator I. Ya. Yakovlev)"]*. Cheboksary: Sreda Publ., pp. 194–200. (In Russian)
- Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 20 dekabrya 1995 g. № 531 "O kontseptsii semejnoy politiki v Respublike Sakha (Yakutiya)" [Decree of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia) dated December 20, 1995, No. 53 "On the Concept of Family Policy in the Republic of Sakha (Yakutia)"]. (1995) [Online]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/473506944> (accessed 24.11.2025). (In Russian)
- Rozhdestvenskaya, E. Yu. (2012) *Biograficheskij metod v sotsiologii [Biographical method in sociology]*. Moscow: Higher School of Economics Publ., 381 p. (In Russian)
- Vasil'eva, D. E. (2015) Nikita Petrovich Kanaev [Nikita Petrovich Kanaev]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik — North-Eastern Journal of the Humanities*, no. 1 (10), pp. 37–37. (In Russian)
- Vishnevskij, Yu. R. (1999) L. N. Kogan o tvorchestve: Tvorcheskoe obnovenie teorii kul'tury [L. N. Kogan on creativity: Creative renewal of cultural theory]. In: *Problemy obshchestvennogo razvitiya v zerkale sotsiologii i ekonomiki: Tezisy dokladov mezhhregional'noj nauchnoj konferentsii [Problems of Social Development in the Mirror of Sociology and Economics: Abstracts of Papers of the Interregional Scientific Conference]*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ., pp. 4–5. (In Russian)
- Vishnevskij, Yu. R., Doktorov, B. Z., Zborovskij, G. E., Pavlov, B. S. (2018) L. N. Kogan: "Ya zhil" [L. N. Kogan: "I lived"]. *Sotsiologicheskij zhurnal — Sociological Journal*, vol. 24, no. 1, pp. 152–175. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5718> (In Russian)
- Vypuskniki MIFLI. Kanaev Nikita Petrovich [MIFLI graduates. Nikita Petrovich Kanaev]. (2025) *Wikipedia*. [Online]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%B5%D0%B2,%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87> (accessed 10.09.2025). (In Russian)

References

- Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka. T. 2. Bukva B. [Explanatory dictionary of the Yakut language. Vol. 2. Letter B]*. (2005). Novosibirsk: Nauka Publ., 908 p. (In Russian)
- Flier, A. Ya. (2000) *Kul'turologiya dlya kul'turologov [Culturology for culturologists]*. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 458 p. (In Russian)
- Whatmore, R. (2023) *What is intellectual history?* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 200 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Саргылана Валентиновна Никифорова, SPIN-код: [6329-5757](#), ORCID: [0000-0002-4875-1757](#), e-mail: nsv2107@mail.ru
Кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии, Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова.

Author

Sargylana V. Nikiforova, SPIN: [6329-5757](#), ORCID: [0000-0002-4875-1757](#), e-mail: nsv2107@mail.ru
Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Cultural Studies,
North-Eastern Federal University

Check for updates

Теория и история культуры, искусства

УДК 378.4

EDN IRIEIF

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-360-367>

Гибридный герой: эволюция ценностных ориентаций современного студенчества в условиях цифровой трансформации

А. А. Воскресенский ¹, Д. А. Иванов ¹, А. Д. Чистова ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Воскресенский, А. А.,
Иванов, Д. А., Чистова, А. Д. (2025)
Гибридный герой: эволюция
ценностных ориентаций
современного студенчества
в условиях цифровой
трансформации. *Журнал
интегративных исследований
культуры*, т. 7, № 4, с. 360–367.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-360-367> EDN IRIEIF

Получена 7 октября 2025; прошла
рецензирование 1 ноября 2025;
принята 8 ноября 2025.

Финансирование: Исследование
выполнено за счёт внутреннего
гранта РГПУ им. А. И. Герцена
(проект № 47-ВГ
«Трансверсальность
образовательных парадигм
и феномен экспертности
в процессе формирования
ценностей современной
русской молодёжи»).

Права: © А. А. Воскресенский,
Д. А. Иванов, А. Д. Чистова (2025).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY 4.0.

Аннотация. В статье представлено комплексное исследование процесса формирования гибридной идентичности современной студенческой молодёжи, осмысленное через призму синтеза традиционных ценностей и цифровых паттернов поведения. Авторы ставят задачу преодолеть ограниченность классических подходов, фиксирующих лишь поверхностные проявления ценностных ориентаций, и предлагают инновационную методику «Герой времени», позволяющую картографировать сложную архитектуру мировоззрения молодого поколения. Эмпирическая база исследования включает данные, полученные в институте философии человека РГПУ им. А. И. Герцена в 2025 году: в опросе приняли участие 250 студентов гуманитарных направлений. Анализ данных выявил устойчивые структурные элементы гибридного мировоззрения, среди которых цифровая аутентичность, стратегический прагматизм, контекстуальная этика и адаптивный традиционализм. При этом исследование зафиксировало ряд когнитивных диссонансов: например, декларирование романтичности при выборе успеха над романтикой, стремление к социальному признанию при одновременном отрицании ценности популярности, а также зависимость от цифровых технологий при осознанном стремлении к балансу онлайн/офлайн. Эти парадоксы подчёркивают не эклектичность, а стратегический характер комбинирования ценностных элементов, позволяющий студентам эффективно функционировать в полифоничной реальности. На основе полученных данных авторы формулируют вывод о том, что современный студент не переживает кризис идентичности, а активно конструирует новую, комплексную идентичность, адекватную вызовам цифровой эпохи. Коллективный портрет «героя времени», выявленный в ходе исследования, представляет собой синтез противоположностей. Такой образ отражает стратегию «осознанного конформизма» — стремление сохранить индивидуальность в условиях социальных ожиданий. Практическая значимость работы заключается в возможности использования её результатов для модернизации воспитательной работы в высшей школе: вместо диагностики отдельных ценностей образовательная парадигма должна быть направлена на развитие способности к осознанному конструированию гибридной идентичности, умеющей эффективно адаптироваться к быстро меняющемуся миру.

Ключевые слова: гибридная идентичность, ценностный синтез, цифровая социализация, адаптационные стратегии, мировоззренческие паттерны, студенчество, медиаобраз героя

The hybrid hero: The evolution of value orientations among modern students in the context of digital transformation

A. A. Voskresenskiy ^{✉1}, D. A. Ivanov ¹, A. D. Chistova ¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb, Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Voskresenskiy, A. A., Ivanov, D. A., Chistova, A. D. (2025) The hybrid hero: The evolution of value orientations among modern students in the context of digital transformation. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 360–367. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-360-367> EDN IRIEIF

Received 7 October 2025;
reviewed 1 November 2025;
accepted 8 November 2025.

Funding: The study was supported by an internal grant from Herzen University (project No. 47-VG: 'Transversality of educational paradigms and the phenomenon of expertise in the process of value formation among contemporary Russian youth').

Copyright: © A. A. Voskresenskiy, D. A. Ivanov, A. D. Chistova (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY License 4.0](#).

Abstract. This article presents a comprehensive study of the process of hybrid identity formation among contemporary university students, conceptualized through the synthesis of traditional values and digital behavioral patterns. The authors aim to overcome the limitations of classical approaches, which capture only superficial manifestations of value orientations, and propose an innovative methodology termed 'Hero of the Time' to map the complex architecture of the younger generation's worldview. The empirical data for the research were collected at the Institute of Human Philosophy of Herzen University in 2025 through a survey of 250 humanities students. Data analysis revealed stable structural elements of a hybrid worldview, including digital authenticity, strategic pragmatism, contextual ethics, and adaptive traditionalism. Simultaneously, the study documented several cognitive dissonances: for instance, the declaration of romanticism alongside the prioritization of success over romance, the desire for social recognition coupled with the rejection of popularity as a value, and dependence on digital technologies combined with a conscious desire to achieve a balance between online and offline life. These paradoxes highlight not eclecticism, but the strategic nature of combining value elements, which enables students to function effectively in a polyphonic reality. Based on the findings, the authors conclude that today's students are not experiencing an identity crisis, but are actively constructing a new, complex identity adequate to the challenges of the digital age. The collective portrait of the 'hero of the time' identified in the study represents a synthesis of opposites. This image reflects a strategy of 'conscious conformism' — the desire to preserve individuality within the framework of social expectations. The practical significance of the study lies in the potential application of its findings to modernizing value-based student development in higher education: rather than diagnosing isolated values, the educational paradigm must focus on developing the capacity for the conscious construction of a hybrid identity that can adapt effectively to a rapidly changing world.

Keywords: hybrid identity, value synthesis, digital socialization, adaptation strategies, worldview patterns, student youth, media image of the hero

Введение

Современная реальность характеризуется нелинейностью и многомерностью процессов формирования идентичности, где традиционные ориентиры смешиваются с цифровыми паттернами поведения. В этих условиях образ героя выступает не как статичный архетип, а как динамическая репрезентация процесса постоянного ценностного выбора и синтеза. Цифровая среда становится активным агентом социализации, порождая феномен гибридной идентичности, которая функционирует на стыке реального и виртуального миров.

Особую актуальность эти процессы приобретают в студенческой среде, где профессиональное становление происходит параллельно

с активным поиском личностных ориентиров. Современный студент одновременно существует в формальном образовательном пространстве и неформальной цифровой реальности, что создаёт сложный многомерный контекст для воспитательной работы высшей школы.

Существующие диагностические подходы часто фиксируют лишь поверхностные ценностные проявления, не учитывая сложную архитектуру гибридного мировоззрения. В этой связи возникает потребность в методиках, способных картографировать ценностный ландшафт современной молодёжи с учётом синергетического характера её ориентаций.

Целью данной статьи является анализ механизмов формирования гибридного мировоззрения студенческой молодёжи через апробацию

методики «Герой времени». Исследование направлено на выявление стратегических сочетаний ценностей и адаптационных паттернов в условиях цифровой трансформации.

Анализ полученных данных направлен на решение следующих задач: картографирование ценностных ориентаций студенческой молодёжи в их системной взаимосвязи для выявления устойчивых мировоззренческих комплексов; анализ синергетических эффектов в структуре гибридной идентичности, проявляющихся в стратегическом сочетании традиционных ценностей и цифровых паттернов поведения; выявление доминирующих адаптационных стратегий, позволяющих студентам эффективно функционировать в условиях полифоничной реальности; определение роли медиаобразов героев как катализаторов процессов ценностного синтеза; разработка практических рекомендаций для модернизации воспитательной работы в высшей школе с учётом выявленных особенностей гибридного мировоззрения.

Объектом исследования выступает процесс формирования гибридной идентичности студенческой молодёжи. Предметом — ценностные синтезы и мировоззренческие паттерны в условиях цифровой социализации.

Научная новизна заключается в применении методики рефлексивного картографирования, позволяющей фиксировать не противоречия, а точки сборки в сложной системе мировоззрения. Эмпирическая база исследования включает данные, полученные в Институте философии человека РГПУ им. А. И. Герцена в 2025 году.

Теоретическая база

Анализ героя как культурного архетипа имеет глубокие научные традиции. В классических работах герой понимается как носитель идеи борьбы и служения (Даль 2000, 170; Иванов 2021), «философско-мифологическая персонификация, моделирующая сакрального субъекта» (Березовская 2010). Фундаментальные исследования В. Я. Проппа (Пропп 2024) и Дж. Кэмпбелла (Кэмпбелл 2025) выявили универсальные нарративные структуры формирования героического образа, в то время как Т. Карлейль (Карлейль 2001) и М. Марк с К. Пирсоном (Марк, Пирсон 2005, 53) разработали их системные типологии.

В современном медийном пространстве происходит трансформация этих архетипов: образы героев целенаправленно проектируются (Зеленина 2014) с использованием технологий

фрейминга, идеализации и создания искусственных конфликтов. Это создаёт особые вызовы для молодёжи, склонной к идентификации с героем-лидером (Trotsuk, Subbotina 2021). Как показывают исследования, источники формирования героических образов у современной молодёжи многоканальны — от семьи и школы до медиапространства (Кадралиева, Кайгородов 2025), причём отмечается как преобладание потребительских моделей поведения (Чернобровкина 2013), так и сохранение традиционных ценностей самопожертвования и общественного служения (Миронец, Яковлева 2016). Современные исследователи констатируют сложность ценностной диагностики, необходимость учёта как индивидуальных, так и групповых проявлений (Абрамова 2017; Калинин 2025; Шарапов, Соколова 2021), важность изучения неформальных аспектов мировоззрения (Теряева 2012). Однако существующий научный дискурс часто остаётся в парадигме бинарных оппозиций, тогда как реальность требует перехода к пониманию ценностного аппарата как сложной гибридной системы.

В данном исследовании мы опираемся на концепцию гибридной идентичности, позволяющую анализировать не противоречия, а синергетические эффекты в мировоззрении современного студенчества. Такой подход даёт возможность рассматривать ценностные ориентации как элементы адаптивной системы, где традиционные установки и цифровые паттерны поведения не конфликтуют, а образуют стратегические сочетания, адекватные вызовам полифоничной реальности.

Описание методики

Эмпирическую базу исследования составили 250 студентов гуманитарных направлений (65 % женского, 35 % мужского пола, возраст 18–26 лет). Выборка включала бакалавров и магистров направлений «Педагогическое образование», «Философия», «Реклама и связи с общественностью», «Культурология».

Методика «Герой времени» реализована как двухэтапный эксперимент. На первом этапе проводился рефлексивный контент-анализ медиапродукции 2010–2025 годов, представляющей ключевые направления культуры: социальные сети, кино и сериалы, литературу, музыку, изобразительное и сценическое искусство. Студенты работали в командах, используя единую матрицу анализа, включавшую внешний портрет, ценностные ориентации, образ жизни и поведенческие паттерны медиагероев.

Результатом стало построение коллективных «аватаров» героя времени.

На втором этапе проводилось анонимное анкетирование с последующим сравнительным анализом данных. Обработка результатов включала частотный анализ и семантический анализ с применением генеративного ИИ.

Данная методика позволила выявить не только ценностные доминанты, но и механизмы формирования гибридной идентичности через анализ синергетических связей между традиционными установками и цифровыми паттернами поведения.

Результаты исследования

Анализ данных выявил сложную архитектуру гибридного мировоззрения современного студенчества, характеризующуюся системной интеграцией традиционных ценностей и цифровых паттернов поведения.

Ценностные синтезы в медиaprостранстве

Контент-анализ выявил отраслевые особенности ценностных ориентаций. В социальных сетях доминирует прагматизм и монетизация контента, тогда как в литературе преобладает поиск идентичности и личностная эволюция. Музыкальная культура акцентирует социальную справедливость и ментальное здоровье, а сценическое искусство — осознанность и экологичность. При этом наблюдается устойчивый кросс-медийный синтез: ценности аутентичности, баланса и адаптивности характерны для различных медийных платформ.

Структурные элементы гибридной идентичности

На основе кластерного анализа выявлены ключевые компоненты гибридного мировоззрения:

- *Цифровая аутентичность* — сочетание самопрезентации в digital-среде с ценностью естественности (90 % респондентов).
- *Стратегический прагматизм* — ориентация на материальный успех (87 %) при сохранении значимости профессионального роста (85 %) и самореализации (40 %).
- *Контекстуальная этика* — преобладание справедливости над милосердием (65 %) при отрицании принципа «цель оправдывает средства» (35 %).
- *Адаптивный традиционализм* — значимость семьи и партнерских отношений при трансформации института брака.

Парадоксы мировоззренческих установок

Исследование выявило значимые когнитивные диссонансы:

- Декларация романтичности (85 %) при выборе успеха над романтикой (57 %).
- Стремление к социальному признанию при одновременном отрицании ценности популярности.
- Зависимость от цифровых технологий (44 %) при осознанном стремлении к балансу онлайн/офлайн.

Образ героя как репрезентация гибридности

Коллективный портрет героя времени представляет собой синтез противоположностей: обычный человек с исключительной человечностью, сочетающий твёрдость и мягкость, цифровую вовлечённость и критическое отношение к славе. Этот образ отражает стратегию «осознанного конформизма» — стремление сохранить индивидуальность в условиях социальных ожиданий.

Полученные данные демонстрируют, что гибридная идентичность строится не на эклектичном смешении, а на стратегическом комбинировании ценностных элементов, позволяющем эффективно функционировать в полифоничной реальности.

Обсуждение результатов

При обсуждении полученных результатов необходимо учитывать поколенческие особенности современных студентов. Здесь можно обратиться к широко применяемой сейчас теории поколений В. Штрауса — Н. Хоува (Strauss, Howe, 1991). Авторы выявили циклы, их периоды и архетипы. В труде «Четвёртый поворот» Хоува (Strauss, Howe 1997) было представлено актуальное название архетипов: пророк, странник, герой, художник. Архетипы и тренды способны циклически повторяться.

Современные студенты относятся к циклу «Миллениума» поколению Z (зуммеры). Это люди, родившиеся с 2001 по 2021 год (по другим мнениям с 1995 по 2010 г.). Их архетип — художник. Они рождаются в период кризиса, когда общая угроза стирает некоторые социальные и политические противоречия, но создаёт высокую степень объединения общества, активные государственные институты и этику самопожертвования. От эффектов кризиса их чрезмерно оберегают родители. Они входят во взрослую жизнь в момент перехода

от кризисного мира к периоду подъёма и тяготеют к конформизму.

Современные мировые социологические исследования также активно используют данную теорию поколений. Так, в сентябре 2025 года международная маркетинговая исследовательская компания IPSOS совместно с рекламным агентством IAB Australia опубликовала социологический отчёт, анализирующий поведенческие тренды взрослеющего поколения Z (Ipsos iris GenZ Category Report 2025). Согласно отчёту, 98 % представителей поколения являются активными интернет-пользователями, в среднем проводят в социальных чатах более 2,5 часов в день. Молодёжь до 24 лет тратит на социальные сети более 70 % личного времени (более 3,5 часов). Особой популярностью стали пользоваться сервисы для стриминга и просмотра коротких роликов. Поколение отличается особым поведением в материальных аспектах: испытывают финансовый стресс, ищут финансовую помощь в соцсетях, а 46 % пользовались услугами краткосрочных займов. Основным каналом получения новостной информации для принятия тех или иных решений также являются социальные сети. Эти данные необходимо учитывать при оценке результатов данного исследования.

Результаты исследования студенческой молодёжи «Герой времени» во многом совпадают с теорией поколений и основными глобальными социальными трендами. Молодёжь чрезвычайно вовлечена в цифровую реальность, признаёт собственную зависимость от социальных медиа. При этом можно обнаружить критическое отношение к трендам, что свидетельствует о взрослении поколения, рождённого и формирующегося в период кризисов и стремящегося к выявлению собственной идентичности (Воскресенский, Чистова 2025).

Особую роль играют материальные приоритеты, основанные на страхах. Так, выбор в пользу богатства в опросе «Герой времени» и данные о финансовом стрессе говорят о высокой фиксации поколения на материальном. Мотивация к работе также во многом связана с деньгами, однако во многом это пересекается с темой саморазвития и самореализации. Студенты в исследовании «Герой времени» демонстрируют черты, свойственные поколенческому архетипу художник: стремление к конформизму проявляется в выборе профессионализма над популярностью, а также в ориентации на справедливость.

Образ героя, описанный респондентами, также совпадает с характеристиками поколе-

ния Z: это обычный человек, который ищет баланс и свою идентичность, пытается остаться собой. Примечательно, что студенты считают важным постоянное совершенствование навыков, что характерно для этапа взросления зумеров в посткризисном обществе.

Заключение

Проведённое исследование демонстрирует формирование принципиально нового типа социальной идентичности у современной студенческой молодёжи, соответствующего вызовам цифровой эпохи. В отличие от классических теорий, описывающих героя как носителя идеи борьбы и служения (Даль 2000, 170; Иванов 2021) или «философско-мифологическую персонификацию» (Березовская 2010), современный образ героя представляет собой сложный гибрид, синтезирующий традиционные ценности и цифровые паттерны поведения.

Полученные данные подтверждают теоретические положения о проективной природе современных медиаобразов (Зеленина 2014) и их манипулятивном потенциале, однако выявленная гибридная идентичность демонстрирует не пассивное потребление, а активную стратегию адаптации. Как показывают результаты, студенческая молодёжь сохраняет способность к критическому мышлению и рефлексии, что проявляется в осознанном отношении к социальным трендам и медиаконтенту.

Особого внимания заслуживает выявленная система жизненных приоритетов, где традиционные ценности семьи, искренности и профессионального роста (Миронец, Яковлева 2016) органично сочетаются с цифровой вовлечённостью и стратегическим прагматизмом. Этот синтез свидетельствует не о ценностном конфликте, а о формировании сбалансированного мировоззрения, адекватного вызовам полифоничной реальности.

Перспективы дальнейших исследований видятся в следующих направлениях:

- лонгитюдный анализ динамики гибридной идентичности на разных этапах профессионального становления;
- изучение механизмов ценностного синтеза в условиях цифровой трансформации образования;
- разработка педагогических технологий развития «мета-навыков» управления сложной идентичностью.

Полученные результаты имеют практическую значимость для совершенствования образовательных программ и развития воспитательной

работы в высшей школе. В отличие от традиционных подходов, ориентированных на диагностику ценностей (Калинин 2025; Шкуратов 2015), современная образовательная парадигма должна быть направлена на развитие способности к осознанному конструированию гибридной идентичности, умеющей эффективно функционировать в условиях быстро меняющегося мира.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential

Список литературы

- Абрамова, С. Б. (2017) Образ будущего в представлениях современных подростков: ожидания и страхи. *Logos et Praxis*, т. 16, № 3, с. 97–106. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.12>
- Березовская, С. С. (2010) Концепт культурного героя как универсалия культуры. *Вестник Томского государственного университета*, № 338, с. 68–71.
- Воскресенский, А. А., Чистова, А. Д. (2025) Культурно-философские основания формирования гражданской идентичности. *Социально-гуманитарные знания*, № 10, с. 246–250.
- Даль, В. И. (2000) *Толковый словарь русского языка: современная версия*. М.: Эксмо-Пресс, 735 с.
- Зеленина, Е. В. (2014) «Портрет героя»: ценностно-смысловые и творческие аспекты. *Вопросы теории и практики журналистики*, № 2, с. 33–52.
- Иванов, Д. В. (2021) Психологический образ героя в российской культуре: системный анализ. *Системная психология и социология*, № 3 (39), с. 82–92. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.39.3.7>
- Иванова, Е. В. (2005) Мифотворчество XX века: к проблеме определения нового культурного героя. *Вестник Оренбургского государственного университета*, № 7 (45), с. 110–114.
- Кадралиева, Н. Т., Кайгородов, Б. В. (2025) Особенности образа героя у современных подростков. *Общество: социология, психология, педагогика*, № 5 (133), с. 58–66. <https://doi.org/10.24158/spp.2025.5.6>
- Калинин, Н. К. (2025) Механизмы принятия образа «героя» современной молодёжью. *Научное мнение*, № 3, с. 105–116. https://doi.org/10.25807/2224378_2025_3_105
- Карлейль, Т. (2001) *Герои, почитание героев и героическое в истории*. М.: Эксмо-Пресс, 864 с.
- Кэмпбелл, Дж. (2025) *Тысячеликий герой*. СПб.: Питер, 544 с.
- Марк, М., Пирсон, К. (2005) *Герой и бунтарь*. СПб.: Питер, 335 с.
- Миронец, Е. В., Яковлева, И. П. (2016) Героизм в представлении студенческой молодёжи. *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*, № 119, с. 192–202.
- Пропп, В. Я. (2024) *Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки*. М.: МИФ, 608 с.
- Теряева, О. А. (2012) Воспитание молодёжи: образы героев, псевдогероев и антигероев. *Социальная педагогика*, № 4, с. 107–120.
- Чернобровкина, С. В. (2013) Образ героя современных подростков. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, № 2, с. 23–32.
- Шарапов, А. О., Соколова, А. И. (2021) Особенности Я-концепции и образа героя у современной молодёжи. *Психология человека в образовании*, т. 3, № 4, с. 401–415. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-4-401-415>
- Шкуратов, В. А. (2015) *Историческая психология. Книга 1. Введение в историческую психологию*. 3-е, расширенное издание. М.: КРЕДО, 244 с.
- Ipsos iris GenZ Category Report (2025) *Ipsos iris*. [Электронный ресурс]. URL: https://iris-au.ipsos.com/wp-content/uploads/2025/09/Ipsos_iris-GenZ-Report_V3.pdf (дата обращения 19.09.2025).
- Strauss, W., Howe, N. (1991) *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: Morrow, 544 p.
- Strauss, W., Howe, N. (1997) *The Fourth Turning: An American Prophecy*. New York: Broadway Books, 352 p.
- Trotsuk, I. V., Subbotina, M. V. (2021) Three questions to start the sociological study of heroism. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 21, № 1, pp. 169–180. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-169-180>

References

- Abramova, S. B. (2017) Obraz budushchego v predstavleniyakh sovremennykh podrostkov: ozhidaniya i strakhi [The way of the future in the views of today's youth: Expectations and fears]. *Logos et Praxis*, vol. 16, no. 3, pp. 97–106. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.12> (In Russian)
- Berezovskaya, S. S. (2010) Kontsept kul'turnogo geroya kak universal'iya kul'tury [The concept of a cultural hero as a universal phenomenon of culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, no. 338, pp. 68–71. (In Russian)

- Campbell, J. (2025) *Tysyachelikiy geroj [The Hero with a Thousand Faces]*. Saint Petersburg: Piter Publ., 544 p. (In Russian)
- Carlyle, T. (2001) *Geroi, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii [Heroes, hero worship, and the heroic in history]*. Moscow: Eksmo-Press, 864 p. (In Russian)
- Chernobrovkina, S. V. (2013) Obraz geroya sovremennykh podrostkov [The image of the hero of modern teenagers]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psikhologiya" — Herald of Omsk university. Series: Psychology*, no. 2, pp. 23–32. (In Russian)
- Dal', V. I. (2000) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: sovremennaya versiya [Explanatory dictionary of the Russian language: Modern version]*. Moscow: Eksmo-Press, 735 p. (In Russian)
- Ipsos iris GenZ Category Report (2025) *Ipsos iris*. [Online]. Available at: https://iris-au.ipsos.com/wp-content/uploads/2025/09/Ipsos_iris-GenZ-Report_V3.pdf (accessed 19.09.2025). (In English)
- Ivanov, D. V. (2021) Psikhologicheskij obraz geroya v rossijskoj kul'ture: sistemnyj analiz [Psychological image of the hero in Russian culture: System analysis]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya — System Psychology and Sociology*, no. 3 (39), pp. 82–92. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.39.3.7> (In Russian)
- Ivanova, E. V. (2005) Mifotvorchestvo XX veka: k probleme opredeleniya novogo kul'turnogo geroya [Myth works of the XX century: About the new cultural hero finding problem]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta — Vestnik Orenburg State University*, no. 7 (45), pp. 110–114. (In Russian)
- Kadralieva, N. T., Kaygorodov, B. V. (2025) Osobennosti obraza geroya u sovremennykh podrostkov [Features of the hero's Image among Modern Teenagers]. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika — Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, no. 5 (133), pp. 58–66. <https://doi.org/10.24158/spp.2025.5.6> (In Russian)
- Kalinin, N. K. (2025) Mekhanizmy prinyatiya obraza "geroya" sovremennoj molodyozh'yu [Mechanisms of the adoption of a hero's image by modern youth]. *Nauchnoe mnenie*, no. 3, pp. 105–116. https://doi.org/10.25807/22224378.2025_3_105 (In Russian)
- Mark, M., Pearson, C. (2005) *Geroj i buntar' [The Hero and the Outlaw]*. Saint Petersburg: Piter Publ., 335 p. (In Russian)
- Mironets, E. V., Yakovleva, I. P. (2016) Geroizm v predstavlenii studencheskoj molodezhi [Heroism in representation of student's youth]. *Politematicheskij setevoj elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta — Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University*, no. 119, pp. 192–202. (In Russian)
- Propp, V. Ya. (2024) *Morfologiya volshebnoj skazki. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [Morphology of the fairy tale. Historical roots of the fairy tale]*. Moscow: MIF Publ., 608 p. (In Russian)
- Sharapov, A. O., Sokolova, A. I. (2021) Osobennosti Ya-kontseptsii i obraza geroya u sovremennoj molodezhi [The self-concept and the image of the hero in modern youth]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 3, no. 4, pp. 401–415. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-4-401-415> (In Russian)
- Shkuratov, V. A. (2015) *Istoricheskaya psikhologiya. Kniga 1. Vvedenie v istoricheskuyu psikhologiyu [Historical psychology. Book 1. Introduction to historical psychology]*. 3rd ed. Moscow: KREDO Publ., 244 p. (In Russian)
- Strauss, W., Howe, N. (1991) *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: Morrow Publ., 544 p. (In English)
- Strauss, W., Howe, N. (1997) *The Fourth Turning: An American Prophecy*. New York: Broadway Books Publ., 352 p. (In English)
- Teryaeva, O. A. (2012) Vospitanie molodezhi: obrazy geroev, psevdogeroev i antigeroev [Education of young people: Images of heroes, pseudoheroes and antiheroes]. *Sotsial'naya pedagogika*, no. 4, pp. 107–120. (In Russian)
- Trotsuk, I. V., Subbotina, M. V. (2021) Three questions to start the sociological study of heroism. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 21, № 1, pp. 169–180. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-169-180> (In English)
- Voskresenskij, A. A., Chistova, A. D. (2025) Kul'turno-filosofskie osnovaniya formirovaniya grazhdanskoj identichnosti [Cultural and philosophical foundations of civic identity formation]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya — Social and Humanitarian Knowledge*, no. 10, pp. 246–250. (In Russian)
- Zelenina, E. V. (2014) "Portret geroya": tsennostno-smyslovye i tvorcheskije aspekty ["Portrait of a hero": Value-semantic and creative aspects]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki — Theoretical and Practical Issues of Journalism*, no. 2, pp. 33–52. (In Russian)

Сведения об авторах

Алексей Александрович Воскресенский, SPIN-код: 3145-5386, Scopus AuthorID: 59196041500, ORCID: 0000-0003-4374-7318, e-mail: voscres@gmail.com

Кандидат философских наук, заведующий кафедрой философской антропологии и истории, Институт философии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Данила Алексеевич Иванов, SPIN-код: 7110-1906, ORCID: 0009-0004-5670-9147, e-mail: frejldkinm@herzen.spb.ru
Ассистент кафедры связей с общественностью и рекламы, Институт философии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Анастасия Дмитриевна Чистова, SPIN-код: 1062-8454, ORCID: 0009-0000-0766-6647, e-mail: chistova.kult@gmail.com
Ассистент кафедры теории и истории культуры, Институт философии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Authors

Alexei A. Voskresenskiy, SPIN: [3145-5386](#), Scopus AuthorID: [59196041500](#), ORCID: [0000-0003-4374-7318](#), e-mail: voscres@gmail.com

Institute of Human Philosophy, Department of Philosophical, Anthropology and History of Philosophy, Head of the Department, Herzen State Pedagogical University of Russia

Danila A. Ivanov, SPIN: [7110-1906](#), ORCID: [0009-0004-5670-9147](#), e-mail: frejkinm@herzen.spb.ru

Assistant Institute of Human Philosophy, The Department of Public Relations and Advertising, Herzen State Pedagogical University of Russia

Anastasia D. Chistova, SPIN: [1062-8454](#), ORCID: [0009-0000-0766-6647](#), e-mail: chistova.kult@gmail.com

Assistant Institute of Human Philosophy, Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia

Check for updates

Литература народов мира

УДК 519.24

EDN HRGGXT

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-368-378>

Исследование возможного авторства произведений Шекспира методом биграмм

Ю. Н. Орлов ¹

¹ Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН, 125047, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 4

Для цитирования: Орлов, Ю. Н. (2025) Исследование возможного авторства произведений Шекспира методом биграмм. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 4, с. 368–378. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-368-378> EDN HRGGXT

Получена 30 октября 2025; прошла рецензирование 20 ноября 2025; принята 28 ноября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Ю. Н. Орлов (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Аннотация. В статье рассматривается проблема авторства произведений Шекспира с применением математического метода биграмм. Исследование направлено на статистическую проверку гипотезы о едином авторстве пьес, традиционно приписываемых Шекспиру. В работе используется метод анализа частот двухбуквенных сочетаний для определения близости текстов к эталонным распределениям автора. Проведён сравнительный анализ 36 пьес Шекспира, а также двух спорных произведений — «Тита Андроника» и «Царствования короля Эдуарда III». Установлено, что все исследуемые пьесы имеют статистически значимое сходство с эталонным распределением Шекспира. Показано, что альтернативные кандидаты на авторство (Кристофер Марло, Томас Кид) статистически менее вероятны. Результаты подтверждают гипотезу о едином авторстве большинства пьес Шекспира.

Ключевые слова: Шекспир, метод биграмм, текстология, математические методы, идентификация автора, двухбуквенные сочетания, литературный анализ

Authorship attribution of Shakespeare's works using the bigram method

Yu. N. Orlov ¹

¹ Institute of Applied Mathematics of RAS, 4 Miusskaya Sq., Moscow 125047, Russia

For citation: Orlov, Yu. N. (2025) Authorship attribution of Shakespeare's works using the bigram method. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 368–378. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-368-378> EDN HRGGXT

Received 30 October 2025; reviewed 20 November 2025; accepted 28 November 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © Yu. N. Orlov (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Abstract. This article investigates the authorship of Shakespeare's works using the mathematical method of bigrams. By analyzing frequencies of two-letter combinations, the study statistically tests the hypothesis of a single author for the plays traditionally attributed to Shakespeare, determining how close these texts are to the author's reference distributions. A comparative analysis covers 36 plays by Shakespeare, alongside two works of disputed authorship, *Titus Andronicus* and *The Reign of King Edward III*. It is demonstrated that all the studied plays share a statistically significant similarity with Shakespeare's reference distribution. The results indicate that alternative candidates for authorship (Christopher Marlowe, Thomas Kyd) are statistically less likely. These findings confirm the hypothesis of a single author for most of Shakespeare's plays.

Keywords: Shakespeare, bigram method, textology, mathematical methods, authorship attribution, two-letter combinations, literary analysis

Введение

Проблема авторства пьес Шекспира — одна из популярных в литературоведении. Существует множество мнений на этот счёт, но все они носят литературно-исторический характер. Математические методы, разработанные в настоящее время для определения идентичности автора посредством сравнительного анализа определённых статистик сравниваемых текстов, в отношении Шекспира не применялись в полном объёме. В настоящей работе акцент предлагается сместить с исторической линии (кем был реальный автор, какие тому доказательства и т. п.) на формально-статистическую: какова вероятность того, что все пьесы (не сонеты), приписываемые В. Шекспиру в соответствии с официальным полным собранием сочинений, написаны одним и тем же человеком, а не разными людьми.

Подчеркнём, таким образом, что в данной работе не обсуждается существование конкретного исторического лица Shakespeare, псевдоним ли это одного человека или группы лиц и т. п. На основе метода, достаточно подробно описанного в работах (Воронина, Орлов 2022; Voronina et al. 2023), проводится проверка того, насколько близки между собой пьесы, автором которых считается Shakespeare, а также некоторые другие произведения, относительно которых ведутся споры. Это, в частности, трагедия «Тит Андроник» («Titus Andronicus»), датированная 1594 годом, и историческая драма «Царствование короля Эдуарда III» («The Reign of King Edward III»), изданная в 1596 году. Обе пьесы анонимны.

По поводу обоснований авторства (или не авторства) этих пьес шекспироведами написана масса работ, и мы не имеем целью анализировать приводимые в них доводы. Достаточно лишь того, что они не имеют силы, убеждающей других специалистов, имеющих иные мнения.

Например, относительно авторства «Эдуарда III» имеются следующие варианты: автор — Вильям Шекспир (Sams 1998; Slater 1988); автор — Кристофер Марло (Christopher Marlowe) (Goldberger et al. 2004); пьеса частично написана Шекспиром (Oesterberg 1929); пьеса частично написана Марло (Merriam 1999); пьеса написана другим автором (Elliott, Valenza 1996); Шекспир переработал пьесу Марло (Тарлинская 2006); возможный автор пьесы — Томас Кид (Goldberger et al. 2004; Thomas 1959).

В качестве объективного аргумента мы приводим не «стиль» и разные «исторические свидетельства», а близость шекспировских пьес

в смысле статистик двухбуквенных сочетаний (биграмм). Статистический аргумент в пользу того, почему этот метод может быть применён, состоит в его верификации на большом корпусе литературных произведений. Будучи статистическим, метод даёт не точный результат, а принимаемый на определённом уровне значимости, относительно которого было проведено верифицирующее тестирование. Разумеется, применение математических методов в данном случае не закрывает литературную проблему, а лишь показывает, какая гипотеза относительно авторства наиболее вероятна в рамках данного подхода. Достоинство метода состоит в том, что вероятность принятия базовой гипотезы (автор текста — такой-то писатель) определена статистически корректно, т. е. может быть выражена числом, которое получено в соответствии с математическими процедурами. В следующем разделе кратко излагается метод биграмм и приводятся характерные статистики распределения расстояний от отдельных произведений авторов до так называемых авторских эталонов (или паттернов). Эти зависимости достаточно универсальны, что и позволяет применить такой подход к идентификации автора как в задаче парного сравнения, так и без рассмотрения конкретных альтернатив.

1. Метод биграмм и расстояние от текста до эталона автора

Кратко изложим методику оценки вероятности ошибки идентификации на примере задачи распознавания автора условно неизвестного текста методом кросс-валидации. Авторским эталоном является эмпирическое распределение частот буквосочетаний, построенное по всем достоверно известным произведениям автора. Близость между текстами понимается как близость между эмпирическими распределениями частот биграмм в смысле нормы в L_1 . Автором неизвестного текста назначается тот, к эталону которого тестируемый текст находится ближе всего.

Концепция распознавания автора текста по эмпирическим частотам буквосочетаний основана на предположении, что каждому профессиональному писателю соответствует его персональный эталон, своего рода идеальная генеральная совокупность. Отдельные тексты представляют собой выборку из этой совокупности и отклоняются от неё в силу конечности текста и некоторых различий в тематике между текстами. Пусть $F_a(j)$ есть эталонная вероятность использования символа j в текстах автора a , где j обозначает букву или n -грамму, т. е. буквосочетание из n идущих

порядка букв. Пусть также $D_a(j)$ есть эмпирическая частота использования символа j в некотором отдельном произведении того же автора. Условия нормировки имеют вид:

$$\sum_{j=1}^J F_a(j) = 1, \quad \sum_{j=1}^J D_a(j) = 1. \quad (1)$$

Пусть $D_a^i(j)$ есть эмпирически определяемое распределение частот символа j в i -ом тексте автора a , и N_a^i есть число символов в данном i -ом тексте. Пробелы, знаки препинания, числа и символы других алфавитов, кроме используемого в качестве основного, игнорируются. Прописные и строчные буквы не различаются.

Пусть n_a есть число произведений автора a . Тогда эмпирической оценкой эталона $F_a(j)$ автора a является взвешенное распределение n -грамм по совокупности всех текстов, достоверно принадлежащих данному автору:

$$F_a(j) = \frac{1}{N_a} \sum_{i=1}^{n_a} N_a^i D_a^i(j), \quad N_a = \sum_{i=1}^{n_a} N_a^i. \quad (2)$$

Расстояние между i -ым текстом автора a и эталоном $F_a'(j)$ этого же автора определяется как

$$x_{aa}^i = \sum_{j=1}^J \left| D_a^i(j) - F_a'(j) \right|, \quad (3)$$

где штрих $F_a'(j)$ означает, что распределение $D_a^i(j)$ исключено из эталона (2), т. е.

$$\begin{aligned} F_a'(j) &= \frac{1}{N_a - N_a^i} \sum_{\substack{k=1 \\ k \neq i}}^{n_a} N_a^k D_a^k(j) = \\ &= \frac{1}{N_a - N_a^i} \sum_{k=1}^{n_a} N_a^k D_a^k(j) - \frac{N_a^i D_a^i(j)}{N_a - N_a^i} = \\ &= \frac{N_a F_a(j) - N_a^i D_a^i(j)}{N_a - N_a^i} \end{aligned}$$

Тогда расстояние от текста до эталона своего автора имеет вид:

$$\begin{aligned} x_{aa}^i &= \sum_{j=1}^J \left| D_a^i(j) - \frac{N_a F_a(j) - N_a^i D_a^i(j)}{N_a - N_a^i} \right| = \\ &= \frac{1}{1 - N_a^i / N_a} \sum_{j=1}^J \left| D_a^i(j) - F_a(j) \right|. \quad (4) \end{aligned}$$

Расстояние между i -ым текстом автора a и эталоном $F_b(j)$ некоторого другого автора $b \neq a$ есть

$$y_{ab}^i = \sum_{j=1}^J \left| D_a^i(j) - F_b(j) \right|. \quad (5)$$

Объединённая формула расстояния между текстом и эталоном имеет вид:

$$z_{ab}^i = \frac{1}{1 - \delta_{ab} N_b^i / N_b} \sum_{j=1}^J \left| D_a^i(j) - F_b(j) \right|, \quad (6)$$

где δ_{ab} есть символ Кронекера.

Формула (6) относится к текстам корпуса тестирования, авторы которых достоверно известны. Формально для безошибочного распознавания автора текста требуется, чтобы

$$\forall i, a, b: z_{aa}^i < z_{ab}^i, \quad b \neq a. \quad (7)$$

Условие (7) означает, что совместное распределение расстояний от текста до своего и до чужого эталонов должно иметь треугольный носитель. В монографии (Орлов, Осминин 2012) был проведён анализ распределений расстояний для литературных произведений, написанных на различных языках, входящих в состав индоевропейской семьи. Выяснилось, что все языки в этом смысле близки, так что бенчмарк в виде распределения вероятностей расстояний от текста автора до его эталона универсален. На рис. 1 приведены распределения расстояний от текстов до эталонов в терминах биграмм по результатам обработки более 100 тыс. текстов примерно 10 тыс. авторов.

Исходя из этих двух графиков может показаться, что вероятность путаницы «свой–чужой» может быть достаточно велика, поскольку общая часть графиков составляет порядка 0,3. Однако выяснилось, что тексты, отстоящие далеко от эталона своего автора, отстоят ещё дальше от эталона чужого, что показано на рис. 2.

Эти распределения показывают, почему во многих практических задачах достаточно ограничиться случаем биграмм (график б). В этом случае почти всё распределение находится справа от области разделения «свой–чужой», а уточнение для более высокой размерности $n = 3, 4$ относительно невелико и требует использования текстов большой длины (порядка 0,5 млн знаков или больше) для оценки вероятностей буквосочетаний с точностью до второго

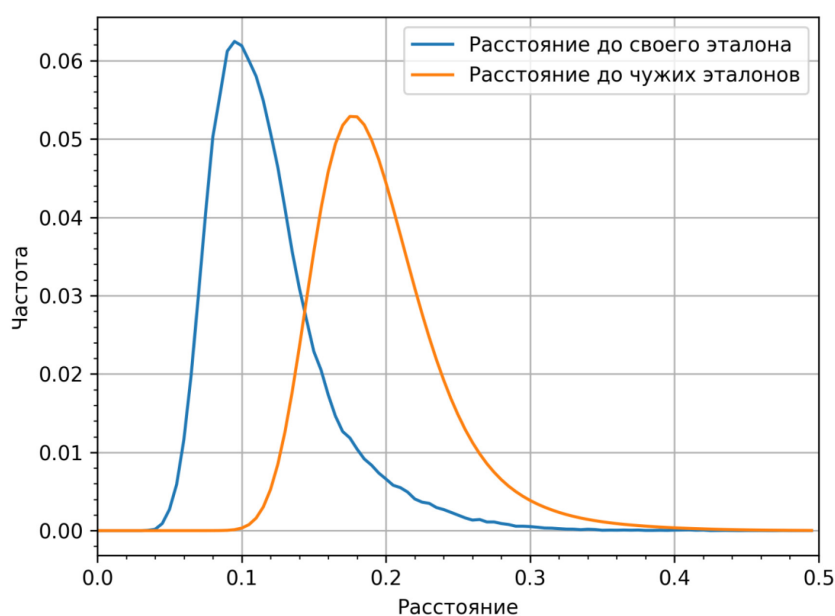

Рис. 1. Расстояния между биграмами текстов и эталонов

Fig. 1. Distances between text bigrams and reference bigrams

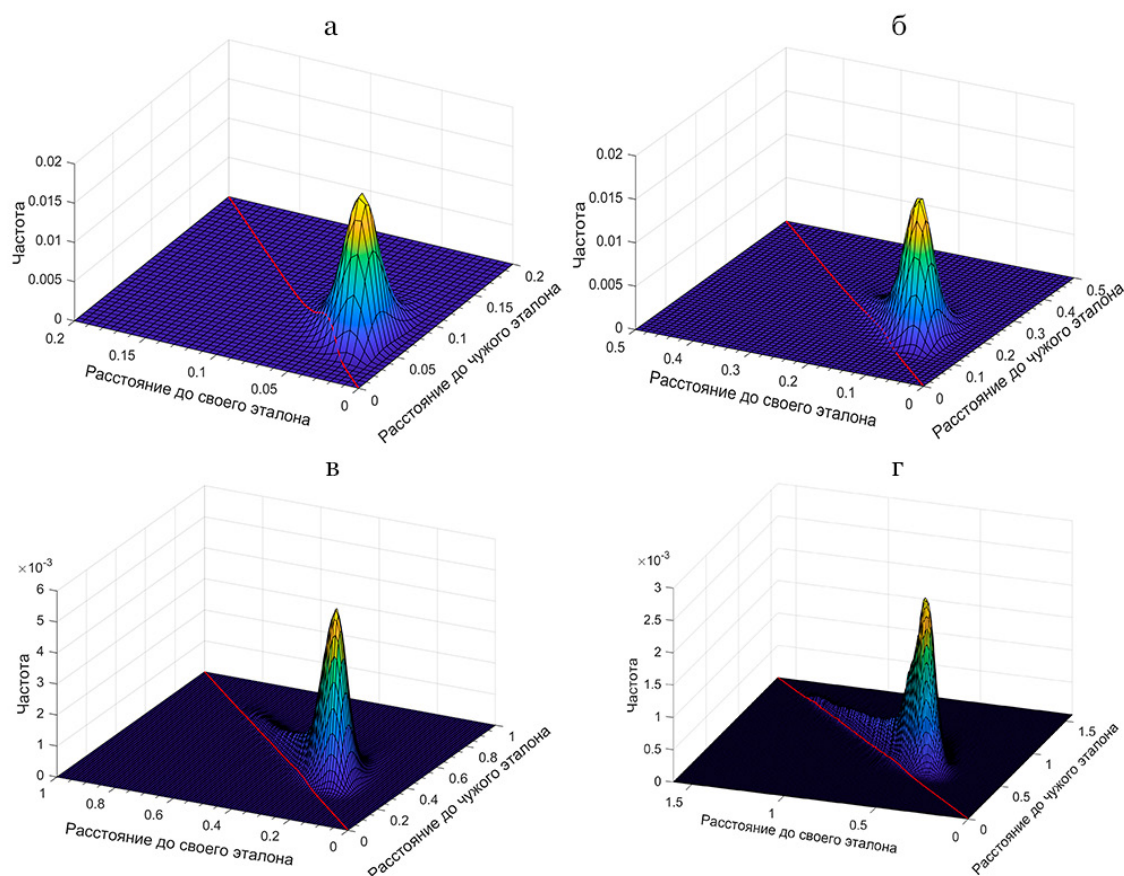

Рис. 2. Совместное распределение расстояний между текстом и эталоном своего и чужого авторов.

Графики а), б), в) и г) отображают данные распределения для n -грамм в случаях $n = 1, 2, 3, 4$ соответственно. Красная линия отображает область равенства расстояний до своего и чужого эталонов

Fig. 2. Joint distribution of distances between a text and the reference bigrams of its true and alternative authors. Graphs (a), (б), (в) and (г) display the distribution data for n -grams with $n = 1, 2, 3, 4$, respectively. The red line indicates the region where the distances to the reference bigrams of the true and alternative authors are equal

знака после запятой, что для шекспировских пьес не выполняется.

Рассмотрим в соответствии с описанным методом пьесы Шекспира.

2. Статистика расстояний для пьес Шекспира

Был сделан статистический анализ всех «достоверных» пьес Шекспира (термин «достоверный» взят в кавычки потому, что и относительно некоторых из них ведутся споры на предмет того, кто у кого списал и т. п.): 17 комедий, 9 трагедий (без «Тита Андроника») и 10 исторических хроник (без «Эдуарда III»). Тексты были взяты по полному собранию сочинений (Wells, Taylor 1998) на современном английском языке. Заметим, что «Тит Андроник» всё-таки «официально» признан шекспировским, поскольку входит в собрание (Wells, Taylor 1998), а вот «Эдуард III» в нём не содержится.

Поскольку пьесы — это произведения, читаемые вслух, то части текста, имеющие значение только для режиссёра (обозначение говорящего лица, вход и выход актёров и т. п.) были исключены из анализа.

Все 36 «достоверных» пьес Шекспира были разделены на три кластера: комедии, трагедии и исторические драмы. На рис. 3 показаны распределения вероятностей для расстояний между текстами Шекспира и его эталонными распределениями в смысле нормы в L_1 в границах каждого кластера, а также по всем пьесам в целом.

То, что наибольшее расстояние между текстом и эталоном как по жанрам, так и по набору текстов в целом не превосходит 0,15, означает, что это очень близкие по статистической структуре тексты. Из рис. 1 следует, что вероятность того, что текст написан другим автором, составляет примерно 0,13 (доля площади под оранжевым графиком от нуля до значения 0,15).

Объёмы всех рассматриваемых пьес вполне достаточны для того, чтобы эмпирическая оценка вероятностей пар букв была достоверна в смысле статистической неопределённости. Минимальный объём у «Комедии ошибок» («The Comedy of Errors»), он составляет около 58 тыс. знаков. По оценкам (Орлов, Осминин 2012), соответствующие вероятности пар буквосочетаний определены с интегральной точностью до 0,06. Средний объём текста комедий Шекспира равен примерно 84 тыс. знаков, трагедий и исторических драм 99 тыс. знаков. У таких текстов эмпирическая оценка вероятностей биграмм даётся с точностью 0,03.

Следует отметить, что если «Тит Андроник» имеет характерный для произведений Шекспира объём 85 тыс. знаков, то «Эдуард III» сравнительно небольшое произведение, всего на 43 тыс. знаков, что позволяет говорить об априорной стабилизации его двухбуквенных частот лишь на уровне 0,08. Это означает, что если расстояние между двумя распределениями превосходит суммарный уровень их неопределённости, то авторы различаются достоверно. Поскольку же для эталонных распределений уровень неопределённости обычно менее 0,001

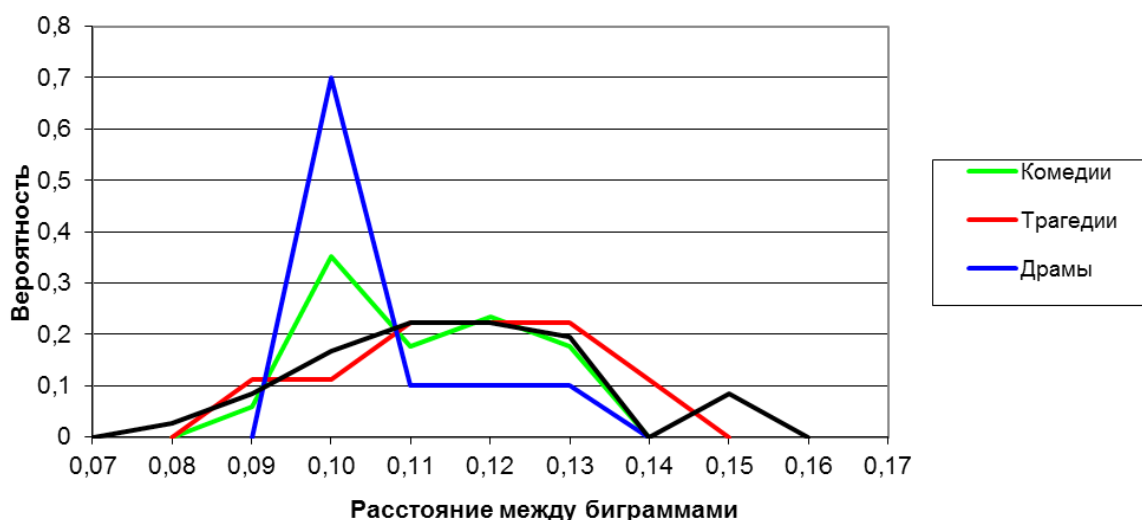

Рис. 3. Распределение расстояний между биграммами пьес Шекспира и его эталоном по кластерам

Fig. 3. Distribution of distances between bigrams in Shakespeare's plays and his reference bigrams by clusters

из-за большого суммарного объёма текста, то неопределённость содержится, главным образом, в сравниваемом тексте. Важно, однако, то, что пьеса, будучи всё-таки не случайным нагромождением букв, стабилизируется на объёме, существенно меньшем, чем даётся оценкой с использованием предельных теорем. Вычисление этого объёма — довольно трудоёмкий процесс, который следует проводить в силу необходимости при недостаточной точности априорных оценок. В частности, для «Эдуарда III» уровнем 0,03-стабилизации оказывается объём в 32 тыс. знаков. Этот объём определяется как минимальная длина фрагмента текста такая, что расстояние между любыми двумя (возможно, частично пересекающимися) фрагментами меньше заданного уровня стабилизации.

В табл. 1 приведены средние значения и стандартные отклонения расстояний от пьес Шекспира до эталонов биграмм по кластерам, а также по всем пьесам в целом (это распределения, показанные на рис. 3).

Из табл. 1 видно, что априорная кластеризация произведений одного писателя по жанрам приводит к более точному позиционированию автора.

3. Обсуждение спорных текстов

Рассмотрим расстояния от двух «спорных» текстов до эталонов Шекспира по соответствующим кластерам — трагедиям, драмам и пьесам в целом.

Расстояние от трагедии «Тит Андроник» до эталона трагедий Шекспира составляет 0,129, а по всем пьесам 0,126. Поскольку эти величины находятся в интервале ширины среднеквадратичного отклонения от средних расстояний, данное произведение можно считать «типичной» шекспировской пьесой.

Для «Эдуарда III» среднее расстояние по историческим драмам составило 0,125, а по всем пьесам Шекспира 0,139. Сравнение с табл. 1 показывает, что данная пьеса менее характер-

на для творчества Шекспира, поскольку её расстояние от эталона драмы несколько больше, чем среднеквадратичное отклонение, но, тем не менее, оно находится в пределах носителя (рис. 3).

Чтобы оценить количественно вероятность авторства рассматриваемых двух «спорных» пьес, надо построить аналогичные распределения расстояний для возможных альтернативных кандидатур. В сущности, серьёзно рассматривается только один автор — Кристофер Марло. Томас Кид представлен лишь одной пьесой, поэтому говорить о распределении тут не приходится, а следует ограничиться сравнением расстояний от исследуемого спорного произведения до данной альтернативы и до соответствующего шекспировского эталона. Спорный текст считаем написанным тем автором, которому отвечает ближайший к этому тексту эталон биграмм.

Рассмотрим предположение о том, что две спорные пьесы или хотя бы одну из них написал Кристофер Марло. Для анализа были взяты все шесть его пьес (Marlowe 2000): «Тамерлан» («Tamburlaine»), «Мальтийский еврей» («The Jew of Malta»), «Доктор Фауст» («Doctor Faustus»), «Эдуард II» («Edward the Second»), «Дидона, царица Карфагена» («Didona, Queen of Carthage») и «Резня в Париже» («The Massacre at Paris»).

Интерес представляет, конечно, пьеса «Эдуард II», которая, по крайней мере по названию, созвучна с исследуемым «Эдуардом III», особенно если учитывать «сериальность» исторических хроник Шекспира про Ричарда II, Ричарда III, Генриха IV, Генриха V, Генриха VI, Генриха VIII. Следовательно, возникают два вопроса: написан ли «Эдуард III» тем же автором, что и «Эдуард II», безотносительно к тому, кто этот автор, а также и выяснение того, к кому из двух данных авторов эта пьеса ближе всего в статистическом смысле.

В табл. 2 приведены расстояния от пьес Марло до его эталона, а также расстояния до двух

Табл. 1. Основные статистические характеристики распределений расстояний от пьес Шекспира до эталонов биграмм по кластерам

Table 1. Key statistical characteristics of distance distributions from Shakespeare's plays to reference bigrams by clusters

	Комедии	Трагедии	Драмы	Пьесы в целом
Среднее расстояние	0,107	0,113	0,101	0,111
Среднеквадратичное отклонение	0,013	0,016	0,010	0,016

Табл. 2. Расстояния от текстов Марло до его эталона

Table 2. Distances from Marlowe's texts to his reference bigrams

Пьесы К. Марло и два «спорных» текста	Число знаков, тыс.	Расстояние до эталона «с Фаустом»	Расстояние до эталона «без Фауста»
1. Tamburlaine	152	0,190	0,187
2. The Jew of Malta	73	0,159	0,159
3. Doctor Faustus	53	0,290	0,290
4. Edward the Second	87	0,178	0,170
5. DidonaDido, Queen of Carthage	58	0,176	0,165
6. The Massacre at Paris	41	0,154	0,151
Titus Andronicus	85	0,147	0,147
The Reign of King Edward the Third	43	0,147	0,150

исследуемых произведений. Поскольку оказалось, что «Доктор Фауст» не является вполне типичным текстом для Марло, то имеет смысл рассмотреть двух Марло — «с Фаустом» и «без Фауста». При этом третий знак после запятой является, строго говоря, не особенно надёжным статистически, и корректно представлять расстояния с точностью до второго знака. Третий знак представлен для формализации сравнения, если двух знаков окажется недостаточно. Впрочем, в этом случае вердикт авторства следует признать равновероятным.

Среднее расстояние от текстов Марло до его эталона значительно больше, чем у Шекспира — даже без нетипичного «доктора Фауста» оно равно примерно 0,17, однако среднеквадратичное отклонение весьма малое, равное 0,014. Это отклонение характерно для текстов, написанных одним автором, т. е. рассмотренные пять пьес (без «Доктора Фауста»), скорее всего, написаны одним и тем же писателем.

Из табл. 2 становится понятно, что аргументы сторонников авторства Марло не лишены определённых оснований: «Тит Андроник» и «Эдуард III» оказываются отстоящими от эталона Марло на расстояние, значительно меньшее среднего. Обращает на себя внимание и то, что именно спорные пьесы оказываются к Марло ближе всего, а вот его достоверно собственные пьесы находятся несколько дальше. Впрочем, они вполне укладываются в средне-статистическое расстояние для одного и того же автора с той разницей, что разброс этих расстояний как у Шекспира, так и у Марло примерно в два раза меньше, чем в среднем по авторам верификационного корпуса.

Марло в лице одного лишь «Доктора Фауста» не является автором ни одной из «спорных» пьес, поскольку соответствующие расстояния оказываются больше, чем 0,3. Отметим также, что расстояние между двумя «Эдуардами» равно 0,21, что находится уже в пограничной зоне для текстов одного и разных авторов.

Переходим теперь к сравнению расстояний между исследуемыми пьесами, а также расстояний от двух «спорных» пьес до средних авторских 2-ПФР с учётом жанровой принадлежности последних в случае Шекспира. Оценим вероятность того, что автором «Эдуарда III» является либо Томас Кид, либо Кристофер Марло.

В нашем распоряжении был только один электронный текст Томаса Кида — это «Испанская трагедия» («The Spanish Tragedy») (Kyd 1959). Вследствие этого мы можем лишь проверить, действительно ли оправданны ожидания (Goldberger et al. 2004) того, что эта пьеса ближе к «Эдуарду III», чем исторические драмы Шекспира в среднем. Отметим, что результат (Goldberger et al. 2004) получен «антиплагиатором», который назвал возможными авторами этого текста как Шекспира, так и Кида, приблизительно с равными вероятностями. Однако, как мы уже говорили, совпадение в пьесах (а не просто в литературных романах) фрагментов фраз не только не кажется странным, но, наоборот, должно быть довольно высоким вследствие определённой условности и каноничности того действия, которое предполагается разыгрывать на сцене.

На рис. 4 приведены распределения расстояний между отдельными пьесами Шекспира,

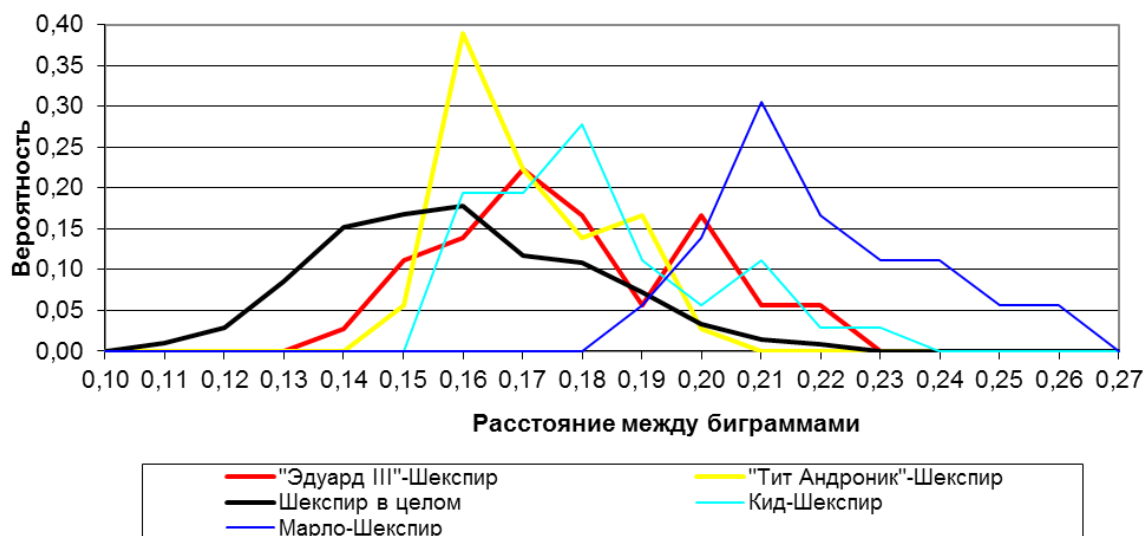

Рис. 4. Расстояния между биграмами анализируемых текстов

Fig. 4. Distances between bigrams in the analyzed texts

между каждым из двух «спорных» текстов и пьесами Шекспира, а также между пьесами других авторов и пьесами Шекспира.

Из рис. 4 видно, что Кид в среднем ближе к Шекспиру, чем Марло. Видно также, что «Тит Андроник» более характерен для Шекспира, чем «Эдуард III». Интересно отметить, что распределение расстояний от трагедии Кида до произведений Шекспира довольно близко к аналогичному распределению для «Эдуарда III», однако, как мы показали выше, этого недостаточно для того, чтобы считать Кида автором этой пьесы.

Рассмотрим теперь близость конкретных исследуемых произведений и авторских эталонов.

Для Кида таким эталоном является в данном случае просто распределение биграмм «Испанской трагедии». Расстояние между «Испанской трагедией» и «Эдуардом III» составило приблизительно 0,17. Это заметно больше, чем указанное выше расстояние 0,125 от «Эдуарда III» до эталона Шекспира по драмам. Разность между этими двумя расстояниями 0,045 превышает уровень нестационарности текста, равного по объёму «Эдуарду III» (0,02). В соответствии с алгоритмом идентификации автора, гипотеза об авторстве Кида отклоняется.

Можно проверить, насколько вообще Кид близок к Шекспиру в смысле биграмм, т. е. какие произведения Шекспира по статистической структуре находятся ближе к «Испанской тра-

гедии», чем к эталону соответствующего кластера. В соответствии со сделанными выше оценками достоверности определения вероятностей двухбуквенных сочетаний, доказательным можно считать различие между текстами, большее 0,02.

Оказалось, что все 36 пьес Шекспира ближе к трём шекспировским эталонам (комедии, трагедии, драмы), чем к Киду. Следовательно, эмпирическая вероятность того, что Кид является автором шекспировской пьесы, равна нулю.

В табл. 3 приведены расстояния между всеми пьесами Шекспира, включая «спорные», и авторскими эталонами, причём «Доктор Фауст» исключён из расчётов (с ним отклонения для Марло ещё больше).

Из табл. 3 следует, что все вообще пьесы Шекспира с большим запасом в смысле статистической достоверности отделяются от пьес как Кида, так и Марло.

Выводы по существу вопроса надо сделать следующие: обе пьесы, «Тит Андроник» и «Эдуард III», достоверно ближе к Шекспиру, чем к любому из двух других вариантов. Какова вероятность этого результата? В соответствии с обозначениями, введёнными в исследовании, было рассчитано распределение $g_{sh}^+(\rho)$ отклонений текстов Шекспира (соответствующая ПФР представлена на рис. 3), а также распределение $g_{sh}^-(\rho)$ отклонений произведений Марло и Кида от средней ПФР Шекспира. Значение ρ , при котором $g_{sh}^+(\rho) = 1$, и то, при котором $g_{sh}^-(\rho) = 0$,

Табл. 3. Расстояния между биграммами рассматриваемых текстов

Table 3. Distances between bigrams in the considered texts

Пьесы Шекспира и «спорные» тексты	Расстояние до эта- лона Шекспира	Расстояние до Кида	Расстояние до эта- лона Марло
Комедии			
1. A Midsummer Night's Dream	0,126	0,186	0,160
2. All's Well That Ends Well	0,092	0,170	0,171
3. As You Like It	0,096	0,192	0,170
4. Cymbeline	0,090	0,155	0,155
5. Love's Labour's Lost	0,100	0,173	0,152
6. Measure for Measure	0,108	0,175	0,199
7. Much Ado About Nothing	0,113	0,202	0,204
8. Pericles, Prince of Tyre	0,104	0,167	0,154
9. The Comedy of Errors	0,123	0,187	0,189
10. The Merchant of Venice	0,092	0,170	0,162
11. The Merry Wives of Windsor	0,129	0,225	0,206
12. The Taming of the Shrew	0,115	0,204	0,192
13. The Tempest	0,117	0,161	0,156
14. The Two Gentlemen of Verona	0,116	0,188	0,190
15. The Winter's Tale	0,091	0,170	0,162
16. Troilus and Cressida	0,109	0,179	0,162
17. Twelfth Night	0,099	0,191	0,185
Трагедии			
1. Antony and Cleopatra	0,116	0,201	0,170
2. The Tragedy of Coriolanus	0,123	0,204	0,191
3. The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark	0,086	0,153	0,152
4. The Life and Death of Julius Caesar	0,138	0,224	0,204
5. King Lear	0,096	0,162	0,149
6. The Tragedy of Macbeth	0,110	0,165	0,150
7. Othello, the Moore of Venice	0,101	0,174	0,169
8. Romeo and Juliet	0,126	0,162	0,149
9. Timon of Athens	0,118	0,166	0,164
Titus Andronicus	0,129	0,159	0,147
Исторические драмы			
1. King Henry the Fourth, Part I	0,098	0,156	0,155
2. King Henry the Fourth, Part II	0,100	0,173	0,154
3. The Life and Death of King John	0,097	0,177	0,159
4. The Life and Death of Richard the Second	0,091	0,159	0,140
5. The Life and Death of Richard the Third	0,099	0,153	0,155
6. The Life of King Henry the Fifth	0,096	0,158	0,141
7. The 1 st part of King Henry the Sixth, Part I	0,090	0,152	0,127
8. The 2 nd part of King Henry the Sixth, Part II	0,121	0,153	0,159
9. The 3 rd part of King Henry the Sixth, Part III	0,103	0,169	0,153
10. The Life of King Henry the Eighth	0,113	0,188	0,156
The Reign of King Edward the Third	0,125	0,171	0,150

оба оказались равными $\rho_{sh}^+ = \rho_{sh}^- = 0,14$. Расчёт эмпирической вероятности ошибки первого $g_{sh}^-(\rho_{sh}^+)$ и второго $1 - g_{sh}^+(\rho_{sh}^-)$ родов дал одинаковое значение 0,08.

Таким образом, что касается двух данных произведений и возможных альтернативных кандидатур на их авторство, Шекспир является наиболее вероятным автором обеих пьес.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Список литературы

- Воронина, М. Ю., Орлов, Ю. Н. (2022) Определение автора текста методом сегментации. *Компьютерные исследования и моделирование*, т. 14, № 5, с. 1199–1210. <https://doi.org/10.20537/2076-7633-2022-14-5-1199-1210>
- Орлов, Ю. Н., Осминин, К. П. (2012) *Методы статистического анализа литературных текстов*. М.: URSS; ЛИБРОКОМ, 312 с.
- Тарлинская, М. (2006) Кто написал «Эдуарда Третьего». В кн.: *Стих, язык, поэзия: памяти М. Л. Гаспарова*. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, с. 601–613.
- Elliott, W. E., Valenza, R. J. (1996) And The There Were None: Winnowing the Shakespeare Claimants. *Computers and the Humanities*, vol. 30, pp. 191–245. <https://doi.org/10.1007/BF00055107>
- Goldberger, A. L., Yang, C. C. A., Peng, C. K. (2004) *The Marlowe-Shakespeare Authorship Debate: Approaching an Old Problem with New Methods*. [Online]. Available at: http://www.psynetresearch.org/uploads/7/5/8/1/7581337/hoffman_essay.pdf (accessed 14.12.2025).
- Marlowe, C. (2000) *The Plays*. Ware: Wordsworth, 560 p.
- Merriam, Th. (1999) Influence Alone? Reflections on the Newly Canonized Edward III. *Notes and Queries*, vol. 46, no. 2, pp. 200–206. <http://dx.doi.org/10.1093/nq/46.2.200>
- Oesterberg, V. (1929) The “Countess Scenes” of Edward III. *Shakespeare Jahrbuch*, no. 65, pp. 49–91.
- Sams, E. (1998) *Shakespeare’s Edward III*. New Haven: Yale University
- Slater, E. (1988) *The Problem of The Reign of King Edward III: A Statistical Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 288 p.
- Thomas, K. (1959) *The Spanish Tragedy*. London: Methuen, 153 p.
- Voronina, M. Yu., Kislitsyn, A. A., Orlov, Yu. N. (2023) Algorithm to correct the bigram method to identify an author’s text. *Mathematical Models and Computer Simulations*, vol. 15, no. 2, pp. 245–254. <https://doi.org/10.1134/S2070048223020175>

References

- Elliott, W. E., Valenza, R. J. (1996) And The There Were None: Winnowing the Shakespeare Claimants. *Computers and the Humanities*, vol. 30, pp. 191–245. <https://doi.org/10.1007/BF00055107> (In English)
- Goldberger, A. L., Yang, C. C. A., Peng, C. K. (2004) *The Marlowe-Shakespeare Authorship Debate: Approaching an Old Problem with New Methods*. [Online]. Available at: http://www.psynetresearch.org/uploads/7/5/8/1/7581337/hoffman_essay.pdf (accessed 14.12.2025). (In English)
- Marlowe, C. (2000) *The Plays*. Ware: Wordsworth Publ., 560 p. (In English)
- Merriam, Th. (1999) Influence Alone? Reflections on the Newly Canonized Edward III. *Notes and Queries*, vol. 46, no. 2, pp. 200–206. <http://dx.doi.org/10.1093/nq/46.2.200> (In English)
- Oesterberg, V. (1929) The “Countess Scenes” of Edward III. *Shakespeare Jahrbuch*, no. 65, pp. 49–91. (In English)
- Orlov, Yu. N., Osminin, K. P. (2012) Metody statisticheskogo analiza literaturnykh tekstov [Methods of Statistical Analysis of Literary Texts]. Moscow: URSS Publ.; LIBROKOM Publ., 312 p. (In Russian)
- Sams, E. (1998) *Shakespeare’s Edward III*. New Haven: Yale University Press, 242 p. (In English)
- Slater, E. (1988) *The Problem of The Reign of King Edward III: A Statistical Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 288 p. (In English)
- Tarlinskaya, M. (2006) Kto napisal “Eduarda Tret’ego” [Who Wrote “Edward the Third”]. In: *Stikh, yazyk, poeziya: pamyati M. L. Gasparova [Verse, Language, Poetry: In Memory of M. L. Gasparov]*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., pp. 601–613. (In Russian)
- Thomas, K. (1959) *The Spanish Tragedy*. London: Methuen, 153 p. (In English)
- Voronina, M. Yu., Kislitsyn, A. A., Orlov, Yu. N. (2023) Algorithm to correct the bigram method to identify an author’s text. *Mathematical Models and Computer Simulations*, vol. 15, no. 2, pp. 245–254. <https://doi.org/10.1134/S2070048223020175> (In English)

Voronina, M. Yu., Orlov, Yu. N. (2022) Opredelenie avtora teksta metodom segmentatsii [Identification of the author of the text by segmentation method]. *Komp'yuternye issledovaniya i modelirovanie — Computer Research and Modeling*, vol. 14, no. 5, pp. 1199–1210. <https://doi.org/10.20537/2076-7633-2022-14-5-1199-1210> (In Russian)

Сведения об авторе

Юрий Николаевич Орлов, SPIN-код: [8085-6000](#), Scopus: [35563845700](#), ORCID: [0000-0002-1356-5137](#), e-mail: yuno@kiam.ru
Доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник, Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН

Author

Yurij N. Orlov, SPIN: [8085-6000](#), Scopus: [35563845700](#), ORCID: [0000-0002-1356-5137](#), e-mail: yuno@kiam.ru
Principal scientific researcher, Keldysh Institute of Applied Mathematics of RAS

Check for updates

Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

УДК 82

EDN PJZFRH

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-379-388>

Цирк в повести Д. В. Григоровича «Гуттаперчевый мальчик» (1883) как антипод народного театра

Е. И. Анненкова ^{✉1}, И. А. Косачева ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Анненкова, Е. И., Косачева, И. А.
(2025) Цирк в повести
Д. В. Григоровича «Гуттаперчевый
мальчик» (1883) как антипод
народного театра. *Журнал
интегративных исследований
культуры*, т. 7, № 4, с. 379–388.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-379-388> EDN PJZFRH

Получена 13 октября 2025; прошла
рецензирование 1 ноября 2025;
принята 8 ноября 2025.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © Е. И. Анненкова,
И. А. Косачева (2025).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY 4.0.

Аннотация. В статье проводится детальный сравнительный анализ эстетики циркового представления в повести Д. В. Григоровича «Гуттаперчевый мальчик» с традициями народного театра. Исследование раскрывает особенности изображения циркового пространства в контексте традиций русской литературы и массовой городской культуры XIX века. Авторы выявляют фундаментальное противоречие между карнавальной природой народного театра и трагической атмосферой цирка в произведении Григоровича. В работе показано, как писатель, опираясь на принципы реализма, разрушает традиционные представления о цирке как пространстве веселья и праздника, демонстрируя его закулисную жизнь и социальные противоречия. Особое внимание уделяется исторической взаимосвязи циркового искусства с народной смеховой культурой, при этом подчёркивается, что в повести эта связь трансформируется. Глубокий анализ произведений Григоровича 1840-х годов позволяет проследить эволюцию авторского взгляда на взаимодействие народной эстетики и реалистического метода. Авторы также рассматривают специфику создания особой карнавальной действительности в народном театре и цирке, отмечая различия в средствах художественной выразительности и атмосфере представлений. Анализ цирковой эстетики в сравнении с эстетикой народного театра обнаруживает в повести Григоровича «Гуттаперчевый мальчик» (1883) разрушение представления о цирке как пространстве смеха и всеобщей радости. Полученные результаты открывают новые перспективы для изучения роли народной культуры в поэтике натуральной школы и позволяют по-новому взглянуть на творчество Д. В. Григоровича в контексте развития русской литературы XIX века. Исследование вносит значительный вклад в понимание трансформации народных традиций в условиях городской массовой культуры.

Ключевые слова: Д. В. Григорович, «Гуттаперчевый мальчик», «Петербургские шарманщики», народный театр, цирковая эстетика, натуральная школа

Circus in the novella *The Gutta-Percha Boy* (1883) by D. V. Grigorovich as the antipode of folk theater

E. I. Annenkova ¹, I. A. Kosacheva¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb, Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Annenkova, E. I., Kosacheva, I. A. (2025) Circus in the novella *The Gutta-Percha Boy* (1883) by D. V. Grigorovich as the antipode of folk theater. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 379–388. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-379-388> EDN PJZFRH

Received 13 October 2025;
reviewed 1 November 2025;
accepted 8 November 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © E. I. Annenkova, I. A. Kosacheva (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Abstract. This article provides a detailed comparative analysis of the aesthetics of circus performance in D. V. Grigorovich's novella *The Gutta-Percha Boy* with the traditions of folk theater. The study examines the depiction of the circus space within the context of the 19th-century traditions of Russian literature and mass urban culture. The authors identify a fundamental contradiction the carnival nature of folk theater and the tragic atmosphere of the circus in Grigorovich's work. The article demonstrates how the writer, relying on the principles of realism, destroys the traditional ideas of the circus as a space of fun and celebration, revealing its behind-the-scenes life and social contradictions. Special attention is paid to the historical relationship between circus art and the folk culture of laughter, emphasizing that in the novella this connection is transformed into the opposite phenomenon. The in-depth analysis of Grigorovich's works from the 1840s makes it possible to trace the evolution of the writer's view on the interaction between folk aesthetics and the realistic method. The article also considers the specifics of creating a distinct carnival reality in folk theater and circus, noting the differences in their means of artistic expression and performance atmospheres. This comparative analysis of circus and folk theatre aesthetics in *The Gutta-Percha Boy* demonstrates the dismantling of the perception of the circus as a space of laughter and universal joy. The findings open up new perspectives for studying the role of folk culture in the poetics of the Natural School, offering a fresh look on Grigorovich's work within the development of 19th-century Russian literature. The study makes a significant contribution to the understanding of the transformation of folk traditions in urban mass culture.

Keywords: D. V. Grigorovich, *The Gutta-Percha Boy*, *The Petersburg Organ Grinders*, folk theatre, circus aesthetics, Natural School

Творчество Д. В. Григоровича 1840-х годов и более позднего периода принято рассматривать в контексте натуральной школы. В 1883 году в журнале «Нива» (№1–3) была опубликована повесть «Гуттаперчевый мальчик». Выход произведения ознаменовал возвращение автора к литературной деятельности после 23 лет перерыва, которую Григорович на время оставил после написания «Пахатника и бархатника» (1860).

К повести «Гуттаперчевый мальчик» не раз обращались критики, современники и исследователи творчества автора. Первый аспект изучения повести 1883 года — обращение к социальной проблематике, теме обездоленного детства в произведении: отношение к детям в обществе (Жукова 2014; Мещеряков 1976); жестокость в обращении с ребёнком (Тыщук 2021); смертность детей-артистов в цирке (Логвинова, Малянова 2020). В литературоведении сложилась традиция рассматривать «Гуттаперчевого мальчика» (1883) как произведение, которое продолжает традиции натуральной школы, освоен-

ные Григоровичем в 1840-е годы (Манн 1989). Исследователи неоднократно подчёркивали реалистическую направленность повести: «правдивый и реальный очерк» (Лотман 1955, 617); «повесть <...> реалистически-художественное обобщение социального явления» (Старовойтова 2023, 341); «в основе повести лежит реальный сюжет <...> Григорович творит в русле натуральной школы» (Логвинова, Малянова 2020, 52–53).

Действительно, на художественное своеобразие повести в значительной мере повлияла поэтика натуральной школы. В «Гуттаперчевом мальчике» Григорович раскрывает парадную и неприглядную стороны жизни, полные противоречий, отказывается от оптимистичного финала, а также отвергает эстетизм, указывая на противоречивый характер действительности. В повести судьба и жизнь героев определена их социальным положением. Например, акцент ставится на том, что Петя родился в бедной семье, рано остался без матери. От всех обычных детей его отличает врождённая гибкость,

необходимая для выступлений в цирке. В произведениях натуральной школы «социальное место человека — эстетически значимый фактор. Чем ниже человек на иерархической лестнице, тем менее уместным по отношению к нему были насмешка, сатирическое утрирование, включая применение мотивов анималистики» (Манн 1989, 388). Григорович отказывается от иронии, когда начинает описывать судьбу Пети. Однако писатель намеренно усиливает сентиментальный тон, начиная рассказ о его жизни: «Воспитанник акробата Беккера назывался “гуттаперчевым мальчиком” только в афишках; настоящее имя его было Петя; всего вернее, впрочем, было бы назвать его несчастным мальчиком. История его очень коротка; да и где ж ей быть длинной и сложной, когда ему минул всего восьмой год!» (Григорович 1988а, 241). В повести реализуется типичный для натуральной школы конфликт, «при котором какие-либо несчастья, аномалии, преступления, ошибки строго обуславливались прежними обстоятельствами, <...> развитие повествования состояло в выявлении и исследовании этих обстоятельств, хронологически подчас далеко отстоящих от своего результата» (Манн 1989, 393).

Несмотря на ярко выраженные физиологические и реалистические традиции натуральной школы в произведении (приближенность к действительности и быту, взаимосвязь социального положения и дальнейшей судьбы героев, отсутствие иронии по отношению к обездоленным персонажам), повесть «Гуттаперчевый мальчик» свидетельствует о выходе Григоровича за рамки тенденций творчества 1840-х годов. Отступления от поэтики натуральной школы проявили себя в сентиментальном и психологическом тоне (автор глубоко сочувствует происходящему), усиливающимся за счёт обращения к детским образам и введения темы искусства. Цирковое пространство, которое должно нести людям радость и смех и отражать представления о прекрасном, у Григоровича оказывается местом испытания и лишений для человека. В повести жизнь и черты главного героя, мальчика Пети, оказываются предопределёнными не только его происхождением, но и судьбой, о чём свидетельствует эпиграф повести.

Повествование предваряется словами, принадлежащими А. И. Куприну: «Когда я родился — я заплакал; впоследствии каждый прожитый день объяснял, почему я заплакал» (Григорович 1988а, 232). Элемент рамочной композиции соотносится с сюжетом повести и перекликается со сценой рождения Пети. В начале второй главы находим: «Новорождён-

ный явился на свет таким щедедушным, таким изнурённым, что мало даже подавал надежд прожить до следующего дня: если б не соотечественница Анны, прачка Варвара, которая, как только родился ребёнок, поспешила поднять его на руки и трясла его до тех пор, пока он не крикнул и не **заплакал**, — новорождённый действительно мог бы оправдать предсказанье» (Григорович 1988а, 242). Эпизод рождения подчёркивает кукольность образа героя, которая впоследствии отмечается Григоровичем во второй главе: «Петя был лёгок, как пух, гибок в суставах; недоставало, конечно, силы в мускулах, чтобы управлять этими природными качествами» (Григорович 1988а, 250). Для дальнейшего анализа повести важно отметить это качество в облике героя, так как имя героя связано с героем балаганных представлений — Петрушкой (в итальянской традиции — Пульчинелла).

Эпиграф обусловлен не только сюжетом повести, но и особенностью раскрытия в произведении циркового пространства.

Вместе с тем, фраза «Когда я родился — я заплакал...» отсылает читателя к ветхозаветному сюжету, который нашёл отражение в третьей главе книги Иова. Согласно нему, пророк проклял день своего рождения и тем самым обрёл себя на вечное противостояние с тьмой: «После того открыл Иов уста свои и проклял день свой. И начал Иов и сказал: погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек! День тот да будет тьмой; да не взыщет его Бог свыше, и да не воссияет над ним свет! Да омрачит его тьма и тень смертная <...> О! Ночь та — да будет она безлюдна; да не войдёт в нее веселье!» (Книга Иова 2022).

Отсылка в эпиграфе к библейскому сюжету, согласно которому человек достанется тьме, во многом объясняет символику чёрного цвета в цирке. В тексте «Гуттаперчевого мальчика» встречаются прямые соответствия и производные, символизирующие темноту этого пространства: «до начала **сумерек**, и вдруг налетела туча» (Григорович 1988а, 232); «опустевшие ряды кресел, амфитеатр, верхние галереи — уходили в **темноту**, местами неопределённо **чернея**, местами пропадая в туманной мгле» (Григорович 1988а, 233); «во всем этом обширном тёмном пространстве» (Григорович 1988а, 233); «здание цирка **чернеет** всей своей массой» (Григорович 1988а, 274). Следовательно, эпиграф к повести не только предсказывает судьбу героя и трагический финал повести, но и соотносится с описаниями циркового пространства в тексте. За счёт введения символики тьмы и черноты

Григорович усиливает контраст человека и среды, который обнаружила литература 1840-х годов.

Дальнейшее раскрытие циркового пространства с характерными особенностями атмосферы и внутреннего устройства в «Гуттаперчевом мальчике» выдержано в традициях натуральной школы. Автор стремится к наибольшей реалистичности и точности описаний, обращается к закулисной жизни артистов и представлений. Григорович открывает читателю мир цирка с двух ракурсов: внешнего, доступного зрителю представления, и внутреннего, скрытого от глаз публики кулисами.

Вместе с тем, в первой главе писатель упоминает балаганы и цирк, представления в которых приурочены к празднованию Масленицы в Петербурге: «суета и давка особенно чувствовались на площади против **цирка**. Публика, выходявшая после утреннего представления, едва могла пробираться в толпе, валившей с Царицына Луга, где были **балаганы**» (Григорович 1988а, 232). В начале повести Григорович даёт конкретную ссылку на расположение балаганов и здания цирка. На Марсовом поле, Адмиралтейской площади и Царицыном Луге действительно устраивались балаганные и цирковые представления с середины XIX века. В книге А. В. Лейферта «Балаганы» приводится реплика раёшника, опубликованная в одной из петербургских газет: «На Царицыном Луге стоят балаганы, бьют в них барабаны, из ружей стреляют, войну изображают, турок побивают» (Лейферт 1922, 55). Балаганные представления сопровождали важные для народа праздники, такие как Масленица или Святки (Некрылова, Савушкина 1991). В балаганах часто разыгрывались представления фольклорного театра, который относится к поздним явлениям традиционной культуры (сформировался в начале–середине XVIII века, а его расцвет пришёлся на XIX век). В. Е. Гусев дал следующее определение народному театру: «вид публичных “простонародных” действ, сохраняющих специфические признаки традиционного искусства: синкретизм, импровизационность, вербальность, каноничность», для которого был характерен “простой юмор”» (Гусев 1980). Балаганные представления, как и другие формы народного театра, отличали непосредственное взаимодействие исполнителя и слушателя, весёлый характер действия, сотканность из разных мотивов, мозаичность и пестрота (Некрылова, Савушкина 1991), простой площадной юмор, «направленный на всех и на себя» (Савушкина 1976, 103).

Финал повести раскрывает местоположение здания цирка. В последней главе писатель называет улицу: «Там, в конце Караванной... Там, где здание цирка чернеет всей своей массой и теперь едва виднеется из-за падающего снега» (Григорович 1988а, 274). Ссылка на адрес цирка, где развернулось действие, точная дата — 26 октября 1877 года открылся итальянский цирк Чинизелли (ныне Большой Санкт-Петербургский цирк на Фонтанке). Правдивые ссылки на местоположение балаганов и цирка подтверждают тот факт, что в основу повести легли исторические реалии конца XIX века.

Григорович в начальном абзаце первой главы упоминает два вида массовой городской культуры. Народная (балаганы как разновидность фольклорного театра) и светская (цирковые действия) формы культуры предстают в некоем единстве. В «Гуттаперчевом мальчике» балаганные и цирковые представления сопровождают празднование пятого дня Масленицы в Петербурге: «солнце <...> прибавляло к весёлости и пестроте уличного петербургского населения, праздновавшего пятый день масленицы» (Григорович 1988а, 233). В «Гуттаперчевом мальчике» Григорович не останавливается на описании балаганов. Писателя больше интересует эстетика и особенности устройства цирка, который был распространён в городской среде в середине–конце XIX века. Упоминания или описания цирковой действительности встречаются во всех главах повести. Отказ от подробного описания балаганов (в тексте они называются лишь один раз), как представляется, связан со спецификой фольклорного театра. Народная культура не направлена на раскрытие социальной проблематики. Однако упоминание балаганов не только определено фактом их существования в XIX веке, но и связано с произведениями Григоровича 1840-х годов.

Первый опубликованный литературный опыт писателя, рассказ «Театральная карета» (1844), свидетельствует об особом интересе Григоровича к театральной теме и формам массовой культуры. В наиболее известном физиологическом очерке «Петербургские шарманщики» (1844) Григорович обращается к городскому площадному искусству шарманщиков и быту уличных артистов.

Тематические пересечения более ранних произведений писателя с повестью «Гуттаперчевый мальчик» (1883) становятся очевидными при соотнесении текстов на композиционном уровне. Например, и «Петербургские шарманщики» (1844), и повесть «Антон Горемыка» (1847), и рассказ «Деревня» (1846) и повесть

«Гуттаперчевый мальчик» имеют деления на главы. Физиологический очерк, написанный в 1844 году, разделен автором на семь глав, имеющих названия: «Вступление», «Разряды шарманщиков», «Итальянские шарманщики», «Русские и немецкие шарманщики», «Уличный гаер», «Публика шарманщика», «Заключение». Подобный композиционный приём связан с жанровыми канонами натуральной школы. Писатель «не только делит уличных музыкантов на разряды, но и прослеживает жизненный путь представителей каждого из них» (Красушкина 2017, 172). Повесть «Гуттаперчевый мальчик» тоже состоит из семи глав, но заглавия Григорович им не даёт. Отказ от называния композиционно выделенных частей произведения не связан с полным отступлением от принципов изучения действительности в рамках поэтики натуральной школы. Отсутствие членения текста на главы свидетельствует о том, что внешнее маркирование факта следования канонам физиологического очерка имеет для Григоровича меньшее значение (по сравнению с произведениями 1840-х годов).

Композиционное сходство повести с выше-названными литературными опытами 1840-х годов не только формально обнаруживается (в виде заметного деления на главы), но и проявляет себя на уровне характера отражения народной эстетики и её роли в произведениях. Если рассказ «Театральная карета» и очерк «Петербургские шарманщики» проникнуты по большей части светской тематикой — Григорович обращается к городской театрализованной культуре, то следующие произведения основаны прежде всего на народной эстетике, что отражается в названиях и эпиграфах. В рассказе «Деревня» (1846) каждая из девяти глав сопровождается эпиграфами двух видов: фольклорными («русская народная песня» (1 глава), «русская песня» (2, 6, 7, 9 главы), «русская простонародная пословица» (5 глава)) и литературными, представленными цитатами из стихотворений А. В. Кольцова (3, 4, 8 главы), активно обращая к устному народному творчеству. В повести «Антон Горемыка» (1847) эпиграфом служит пословица: «Живи, коли можется; / Помирай, коли хочется» (Григорович 1988b, 141). Использование фольклорных и литературных источников обусловлено тематикой «Деревни» и «Антон Горемыки», связанной с народным бытом.

В повести «Гуттаперчевый мальчик» (1883) эпиграф не связан с фольклорными и литературными источниками, а имеет религиозную природу. Однако в повести поэтика устного

народного творчества проявляется на лексическо-образном уровне при описании Пети и его учителя Беккера. Например, примечательным является сниженное сравнение акробата с быком — символом могущества и богатства в традиционной культуре славян (Демин 1997, 52): «Раздутое лицо акробата и его шея, толстая как у быка, были красны» (Григорович 1988a, 248). Главный герой, мальчик Петя, неоднократно сравнивается с цыплёнком, существом, символизирующим жизнь, но неспособным противостоять среде из-за ничтожности своих размеров: «воображению невольно представлялся тщедушный, неоперившийся цыплёнок» (Григорович 1988a, 240); «Петя судорожно ухватился за неё руками, начал кричать и биться, как цыплёнок под ножом повара» (Григорович 1988a, 247). Подобное сопоставление способствует усилению сентиментальности описания: герой обречён и не может справиться со средой, которая явлена в цирковом пространстве.

Фольклорная тематика проявляет себя и в физиологическом очерке «Петербургские шарманщики» (1844). Произведение содержит прямые отсылки к народному театру. В главе «Уличный гаер» Григорович включает в текст очерка диалоги Пульчинеллы (Петрушки), часть которых оформлены как прямая речь: «Здравствуйте, господа! Сам пришёл сюда, вас повеселить, да себе что-нибудь в карман положить! — так начинает Пучинелла.» (Григорович 1988b, 72); а часть — как отрывки из драматического произведения:

Капитан-исправник. Экой, братец, ты, со мною торгуешься! Много ли, мало ли, ты станешь обижаться.

Пучинелла. Не то чтобы обижаться, а всеми силами стану стараться! (Григорович 1988b, 72).

В повести «Антон Горемыка» (1847) фольклорная поэтика тоже обнаруживается в диалогической форме, только вместо кукол разговаривают сами герои. В рассказе «Деревня» (1846) фольклорная поэтика, связанная с народным театром, реализуется в начале седьмой главы:

— Что словно черти обступили?.. что надо?..

— Небось чужое-то не своё — не жаль...

— Да ты чего лезешь?.. нешто твоё?

— А то чьё же?..

— Ну твоё, так твоё... и чёрт с тобою!..

— Вот мы те покажем чёрта...

— А что ты мне покажешь?..

— Да... а помнишь, как летось батька твой поймал на своих горохах мою кобылу да слупил целый рубль?.. этого ты не помнишь?

— А что мне помнить?..

— То-то, воронье пугало! теперь и тебе не уйти...

— Да чего те надо? леший!

— Э, брат! ты ещё куражишься... Хватай его, ребята!.. (Григорович 1988b, 117–118)

Приведенный фрагмент — диалог Петрухи Бездомного и Федоса Простоволосого — на уровне поэтики соотносится с диалогами Петрушки, героя одного из видов народного театра. Во-первых, имена героев (Петруха — то же самое, что и Петрушка), а также и диалогическая форма характерны для представлений народного театра. Во-вторых, фразы отрывисты, насыщены просторечными и разговорными словами, а также сниженной лексикой, за счёт чего в диалоге проступает площадной юмор, направленный на «всех и себя» (Савушкина 1976, 103). В-третьих, последняя реплика, произнесённая Федосом Простоволосым («Э, брат! ты ещё куражишься... Хватай его, ребята!..»), свидетельствует об отсутствии границы между героями и толпой. В приведённом диалоге реальное смешивается с карнавальным: диалог ведут персонажи, но их реплики и действия сливаются. Подобное отсутствие границы между публикой и актёрами является одним из важнейших признаков представлений народного театра (Савушкина 1976, 74).

Перейдем к особенностям цирка в повести «Гуттаперчевый мальчик». Пространство в повести отличается многообразием. Григорович останавливает внимание не только на петербургском цирке, где сосредоточено развитие сюжета с «гуттаперчевым мальчиком», но и вводит в текст краткое упоминание гастролей актёрской труппы в Ригу: «труппа со всем своим багажом, людьми и лошадьми перекочевала на летний сезон в Ригу» (Григорович 1988a, 249).

Для того чтобы понять своеобразие и роль цирковой эстетики в произведении, потребовалось обратиться к истории цирка. Так, в работе Ю. Дмитриева «Русский цирк» отмечалась историческая общность цирка и смеховой культуры скоморохов (Дмитриев 1953, 14). Исследование Н. И. Савушкиной дополнило эту связь цирка, имеющего общий источник с народным театром: цирковая эстрада восходит к той же ветви народных зрелищ (вероятные истоки — скоморохи), от которой берёт начало народный театр, эстрада, кукольный театр (Савушкина 1976, 122). Дальнейшее обращение к характерным особенностям народного театра и цирка позволило выделить их общие черты: массовость, особая атмосфера веселья, зрелищно-игровая направленность, общность бытования в XIX веке, а также приуроченность представлений к зна-

чимым праздникам и событиям. Несмотря на общие черты и историческую связь двух видов массовой культуры, эстетика цирка в «Гуттаперчевом мальчике» отличается от эстетики народного театра и цирка как такового, несмотря на внешнее сходство атмосферы.

Во-первых, отличия прослеживаются в способах создания особой карнавальной действительности. Представления народного театра оперируют словом, приёмами комического и простым юмором, т. е. тем, с помощью чего можно не только привлечь, но и удержать внимание площадной публики, создав образы в воображении зрителей. Организация словесного материала (монолог, диалог между персонажами, диалог со зрителем) становится более важной, чем само пространство и сопутствующие предметы. В цирке, представленном у Григоровича, средства создания атмосферы другие — декорации, внешние атрибуты, костюмы, сам круг арены; слова уходят на второй план: «вдоль закругленных коридоров громоздились сложенные декорации, расписные барьеры и табуреты, лестницы <...> Словом, тут находились все те предметы и приспособления, которые мгновенно переносят воображение к людям, перелетающим в пространстве [к артистам цирка. — И. К.]» (Григорович 1988a, 234). Важность внешних средств для создания атмосферы и перевоплощения также подтверждает образ клоуна Эдвардса, который на сцене «постепенно как бы оживал, воодушевлялся», а «без костюма, белил и румян Эдвардс представлялся только скучающим человеком, старательно избегавшим разговоров и столкновений» (Григорович 1988a, 238). Героя по его функции в цирковом представлении можно соотнести с фигурами ряженых в фольклоре. С помощью грима и костюмов Эдвардс преображался для выхода на арену, где всегда получал восторженные отзывы публики, однако его собственные внутренние переживания и личность отходили на второй план. Образ героя отличается от ряженых тем, что после выступлений карнавального очищения не происходит — клоун остаётся в начальной точке, отрыва от социальной реальности не происходит.

Во-вторых, в эстетике цирка в повести сама атмосфера отличается от действительности, отражённой в народном театре. Григорович использует приём контраста, раскрывая особенности внутренней жизни цирка. С одной стороны, цирк представлен как атрибут празднеств: «на Масленице любят веселиться, и потому цирк <...> был набит посетителями» (Григорович 1988a, 234); «встречались больше лица весёлые,

слышались по преимуществу шутки, хохот и посвистывание» (Григорович 1988а, 234). А с другой — Григорович акцентирует внимание на противоречивости атмосферы. Писатель показывает цирк как место, где «жизнь человеческая постоянно висела на волоске и с ней играли, как с мячиком» и где, несмотря на непривлекательную закулисную жизнь, «встречались больше лица весёлые, слышались по преимуществу шутки, хохот и посвистыванье» (Григорович 1988а, 234). Сравнение жизни с игрой указывает на ключевую особенность таких представлений — действия на грани невозможного и реального. Эстетика цирка в повести включает в себя социально-бытовые подробности, которые разрушают иллюзию. Контраст усиливается и при описании самого циркового представления — кульминации произведения, где восторженные крики «Браво», соседствуют с репликами «Довольно»:

— Браво!.. браво!.. — раздалось снова в зале.

— Довольно!.. довольно!.. — послышалось в двух-трех местах. (Григорович 1988а, 271)

Кроме того, в цирковом пространстве нет места естественному смеху, который В. Я. Пропп называл «ритуальным» (Пропп 1976). Цирковое представление, которое описывает Григорович, лишено подлинно карнавального смеха, свойственного народной культуре. Представления фольклорного театра и цирка как явление массовой городской культуры способны перенести зрителя в мир иллюзий из сферы социальных реалий. У Григоровича этого не происходит, и ощущение от праздника меняется. Веселье в цирке непостоянно и противоречиво, не имеет характера очищающего, в отличие от атмосферы представлений народного театра, где «карнавальное веселье — одна из обязательных составляющих наравне с «синкретизмом, импровизационностью, вербальностью и каноничностью» (Гусев 1977, 74).

В-третьих, расхождения наблюдаются и по отношению к бытовому контексту. Представления народного театра своим происхождением обязаны обрядовой культуре, где имели место магическая и эстетическая функции. «Выдвижение в обрядовых действиях на первый план эстетической функции» (Савушкина 1976, 15) и «демифологизация сознания» (отход от языческих представлений) (Савушкина 1976, 7) послужили основой для возникновения театрального искусства, в том числе и фольклорного. Источник эстетики определил весёлый характер зрелищ — «праздничная атмосфера была пронизана народным карнавальным весельем, с его свободой, фамильярностью, шутка-

ми» (Савушкина 1976, 50). В цирке, где существуют герои «Гуттаперчевого мальчика», не царит атмосфера особого веселья, несмотря на приуроченность к Масленице и её способности, как отметил в писатель, «пробуждать в душе человека чувство долга к употреблению блинов, услаждению себя увеселениями и зрелищами» (Григорович, 232). Трагический финал повести, а также постоянное использование символики чёрного цвета, темноты и мрака при описании здания цирка («там, где ночью здание цирка чернеет всей своей массой <...>, там также всё *темно и тихо* [курсив мой. — И. К.]» (Григорович 1988а, 274) разрушает привычное представление об исключительно праздничной атмосфере цирка.

Таким образом, анализ цирковой эстетики в сравнении с эстетикой народного театра обнаруживает в повести Григоровича «Гуттаперчевый мальчик» (1883) разрушение представления о цирке как пространстве смеха и всеобщей радости. Писатель сохраняет реалистическую манеру описания, принцип зависимости человеческой судьбы от положения и социальных обстоятельств, композиционное строение (деление на главы), отталкиваясь от поэтики натуральной школы, в русле которой созданы «Петербургские шарманщики» (1844), «Антон Горемыка» (1847), «Деревня» (1846). Следование тенденциям 1840-х годов также проявилось в характере изображения героев, акценте на неприглядных сторонах жизни, которые могут быть скрыты от глаз. Текст произведения свидетельствует о выходе Григоровича за рамки натуральной школы. В повести «Гуттаперчевый мальчик» писатель усиливает сентиментальный тон и психологизм, вводит религиозную тематику (судьба героя предопределена не только социально, на что наталкивает библейский сюжет, отражённый в эпиграфе) и тему искусства, которая раскрывается на материале детских образов.

Соединение в повести народной и светской культур оказывается связанным с историческими реалиями и ранними произведениями Григоровича. Писатель сохраняет фольклорную поэтику при описании героев, но при этом отказывается от подробного изображения балаганов, которые относятся к формам народного театра. Реалистическая манера раскрытия циркового пространства, внимание прежде всего к закулисной жизни артистов и общей атмосфере определено принципами натуральной школы. Образ цирка, его внутреннего устройства и атмосферы представления не имеет общих черт с эстетикой народного театра, с которым

имеет общие истоки и с которым сосуществовал в XIX веке. Григорович в реалистической манере раскрывает читателям закулисную жизнь цирка как нового явления массовой культуры. Значит, выбранный подход оказался продуктивным, так как открыл новые черты в эстетике народных празднеств. Результаты исследования открывают для дальнейшего изучения места народной эстетики в поэтике натуральной школы и творчестве Григоровича в целом.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Анненкова Е. И. — автор идеи в целом; консультант по отбору материалов для исследования. Текст: логика построения, стилистическая правка.

Косачева И. А. — соавтор в развитии этапов концепции; поиск материалов для исследования, создание текста под руководством автора проекта, его оформление.

Author Contributions

E. I. Annenkova: project conceptualization and management, consulting on research material selection, determining the logical structure and performing stylistic editing of the manuscript.

I. A. Kosacheva: co-developing the project concept, searching for research material, drafting and formatting the manuscript.

Источники

- Григорович, Д. В. (1988a) *Гуттаперчевый мальчик*. В кн.: *Сочинения: в 3 томах. Т. 2: Повести и рассказы (1856–1892); драматические произведения (1873–1891)*. М.: Художественная литература, с. 232–274.
- Григорович, Д. В. (1988b) *Сочинения: в 3 томах. Т. 1: Повести и рассказы (1856–1892); драматические произведения (1873–1891)*. М.: Художественная литература, 623 с.
- Книга Иова (2022) В кн.: *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета*. М.: Духовное преображение, с. 474.

Список литературы

- Гусев, В. Е. (1977) *Истоки русского народного театра*. Л.: Изд-во Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии, 87 с.
- Гусев, В. Е. (1980) *Русский фольклорный театр XVIII — начала XX века*. Л.: Изд-во Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии, 94 с.
- Демин, В. Н. (1997) *Тайны русского народа. В поисках истоков Руси*. М.: Вече, 560 с.
- Дмитриев, Ю. А. (1953) *Русский цирк*. М.: Искусство, 234 с.
- Жукова, Н. Д. (2014) Тема детства в рассказах и повестях Д. В. Григоровича. *Вопросы русской литературы*, № 28 (85), с. 38–50.
- Красушкина, А. В. (2017) Вещь VS человек в очерке «Петербургские шарманщики» Д. В. Григоровича. *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*, т. 17, № 43–1, с. 172–175.
- Лейферт, А. В. (1922) *Балаганы*. Петроград: Изд-во Еженедельника Петроградских государственных академических театров, 74 с.
- Логвинова, И. В., Малянова, А. А. (2020) Образ гуттаперчевого мальчика у Д. В. Григоровича и П. С. Цейхенштейна. В кн.: *Мировая словесность для детей и о детях. Материалы Международной научно-практической конференции, прошедшей в рамках Евразийского научно-методического форума. Выпуск 27*. Ярославль: Литера, с. 52–56.
- Лотман, Л. М. (1955) Григорович. В кн.: *История русской литературы: в 10 томах. Том 7: Литература 1840-х гг.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, с. 596–618.
- Манн, Ю. В. (1989) Натуральная школа: Русская литература первой половины XIX в. В кн.: *История всемирной литературы: в 8 томах. Том 6*. М.: Наука, с. 384–396.
- Мещеряков, В. П. (1976) Григорович (Творческий путь). В кн.: *Избранное*. М.: Художественная литература, с. 3–18.
- Некрылова, А. Ф., Савушкина, Н. И. (1991) *Народный театр*. М.: Советская Россия, 541 с.
- Пропп, В. Я. (1976) *Проблемы комизма и смеха*. М.: Искусство, 183 с.
- Савушкина, Н. И. (1976) *Русский народный театр*. М.: Наука, 151 с.

- Старовойтова, О. А. (2023) Трагедия гуттаперчевого мальчика в историко-культурном контексте (к рассмотрению текста в учебной аудитории). В кн.: *Русская литература в иностранной аудитории. Материалы XIV международной научно-практической конференции. Выпуск 11*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 339–345.
- Тыщук, Д. С. (2021) Особенности проблематики повести Д. В. Григоровича «Гуттаперчевый мальчик». *Новые горизонты русистики*, № 14, с. 110–116.

Sources

- Grigorovich, D. V. (1988a) Guttaperchevyj mal'chik [The Gutta-percha boy]. In: *Sochineniya: v 3 tomakh. T. 2: Povesti i rasskazy (1856–1892); dramaticheskie proizvedeniya (1873–1891)* [Works in 3 volumes. Vol. 2: Novellas and Stories (1856–1892); Dramatic Works (1873–1891)]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 232–274. (In Russian)
- Grigorovich, D. V. (1988b) *Sochineniya: v 3 tomakh. T. 1: Povesti i rasskazy (1856–1892); dramaticheskie proizvedeniya (1873–1891)* [Works in 3 volumes. Vol. 1: Novellas and Stories (1856–1892); Dramatic Works (1873–1891)]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 623 p. (In Russian)
- Kniga Iova [Book of Job] (2022) In: *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta* [The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow: Dukhovnoe preobrazhenie Publ., pp. 474. (In Russian)

References

- Demin, V. N. (1997) *Tajny russkogo naroda. V poiskakh istokov Rusi* [Secrets of the Russian people. In search of the origins of Russia]. Moscow: Veche Publ., 560 p. (In Russian)
- Dmitriev, Yu. A. (1953) *Russkij tsirk* [Russian Circus]. Moscow: Iskustvo Publ., 234 p. (In Russian)
- Gusev, V. E. (1977) *Istoki russkogo narodnogo teatra* [The Origins of the Russian Folk Theater]. Leningrad: Leningrad State Institute of Theatre, Music and Cinematography Publ., 87 p. (In Russian)
- Gusev, V. E. (1980) *Russkij fol'klornyj teatr XVIII — nachala XX veka* [The Russian folklore theater of the XVIII — early XX century]. Leningrad: Leningrad State Institute of Theatre, Music and Cinematography Publ., 94 p. (In Russian)
- Krasushkina, A. V. (2017) Veshch' VS chelovek v ocherke “Peterburgskie sharmanshchiki” D. V. Grigorovicha [Thing VS man in the essay “Petersburg Organ Grinders” by D. V. Grigorovich]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, vol. 17, no. 43–1, pp. 172–175. (In Russian)
- Lejfert, A. V. (1922) *Balagany* [Booths]. Petrograd: Ezhenedel'nik Petrogradskikh gosudarstvennykh akademicheskikh teatrov Publ., 74 p. (In Russian)
- Logvinova, I. V., Malyanova, A. A. (2020) Obraz guttaperchevogo mal'chika u D. V. Grigorovicha i P. S. Tsejkhenshtejna [The image of a gutta-percha boy in the works of V. N. Grigorovich and P. N. According to S. N. Zeikhenstein]. In: *Mirovaya slovesnost' dlya detej i o detyakh. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, proshedshej v ramkakh Evrazijskogo nauchno-metodicheskogo foruma. Vypusk 27* [World Literature for and about Children. Materials of the International Scientific and Practical Conference held within the framework of the Eurasian Scientific and Methodological Forum. Issue 27]. Yaroslavl': Litera Publ., pp. 52–56. (In Russian)
- Lotman, L. M. (1955) Grigorovich [Grigorovich]. In: *Istoriya russkoj literatury: v 10 tomakh. Tom 7: Literatura 1840-kh gg* [The History of Russian Literature: in 10 volumes. Volume 7: Literature of the 1840s]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., pp. 596–618. (In Russian)
- Mann, Yu. V. (1989) Natural'naya shkola: Russkaya literatura pervoj poloviny XIX v. [The Natural School: Russian Literature of the First Half of the 19th Century]. In: *Istoriya vsemirnoj literatury: v 8 tomakh. Tom 6* [History of World Literature: In 8 Volumes. Volume 6]. Moscow: Nauka Publ., pp. 384–396. (In Russian)
- Meshcheryakov, V. P. (1976) Grigorovich (Tvorcheskij put') [Grigorovich (Creative path)]. In: *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 3–18. (In Russian)
- Nekrylova, A. F., Savushkina, N. I. (1991) *Narodnyj teatr* [People's Theatre]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 541 p. (In Russian)
- Propp, V. Ya. (1976) *Problemy komizma i smekha* [Problems of comedy and laughter]. Moscow: Iskustvo Publ., 183 p. (In Russian)
- Savushkina, N. I. (1976) *Russkij narodnyj teatr* [Russian National Theater]. Moscow: Nauka Publ., 151 p. (In Russian)
- Starovojtova, O. A. (2023) Tragediya guttaperchevogo mal'chika v istoriko-kul'turnom kontekste (k rassmotreniyu teksta v uchebnoj auditorii) [The gutta-percha boy's tragedy in the historical and cultural context (to the problem of studying the text in the educational process)]. In: *Russkaya literatura v inostrannoj auditorii. Materialy XIV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Vypusk 11* [Russian Literature in a Foreign Audience. Proceedings of the 14th International Scientific and Practical Conference. Issue 11]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publ., pp. 339–345. (In Russian)

- Tyshchuk, D. S. (2021) Osobennosti problematiki povesti D. V. Grigorovicha "Guttaperchevyj mal'chik" [Peculiarities of the problem of the story of V. D. Grigorovich "rubber boy"]. *Novye gorizonty rusistiki — New horizons of russian studies*, no. 14, pp. 110– 116. (In Russian)
- Zhukova, N. D. (2014) Tema detstva v rasskazakh i povest'yakh D. V. Grigorovicha [The theme of childhood in D. V. Grigorovich's short stories and novellas]. *Voprosy russkoj literatury*, no. 28 (85), pp. 38–50. (In Russian)

Сведения об авторах

Елена Ивановна Анненкова, SPIN-код: 6658-4763, ORCID: 0000-0001-9703-4730, e-mail: elenannenkova@mail.ru
Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Ирина Анатольевна Косачева, e-mail: kosaceva97@gmail.com

Студентка 2 курса бакалавриата, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Authors

Elena I. Annenkova, SPIN: 6658-4763, ORCID: 0000-0001-9703-4730, e-mail: elenannenkova@mail.ru
The Doctor of Sciences (Philology), Professor or the Department of Russian Literature Herzen State Pedagogical University of Russia

Irina A. Kosacheva, e-mail: kosaceva97@gmail.com

Second-year bachelor's student, Herzen State Pedagogical University of Russia

Check for updates

Виды искусства

УДК 712.7

EDN TDHVVI

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-389-398>

Искусство, власть и вода: Грот Тетис как вершина французской традиции садово-парковых гротов

Ю. А. Филимонова ¹

¹ Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица, 191028, Россия, г. Санкт-Петербург, Соляной пер., д. 13

Для цитирования:

Филимонова, Ю. А. (2025) Искусство, власть и вода: Грот Тетис как вершина французской традиции садово-парковых гротов. Журнал интегративных исследований культуры, т. 7, № 4, с. 389–398. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-389-398> EDN TDHVVI

Получена 13 октября 2025; прошла рецензирование 1 ноября 2025; принята 8 ноября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Ю. А. Филимонова (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Аннотация. В центре внимания данной статьи — грот Тетис (Фетиды) в Версале, просуществовавший на карте резиденции относительно недолго (1664–1684), но обладавший исключительной идейной и художественной значимостью для понимания Версаля в его солярной концепции. Источниковую базу исследования составляют важные первоисточники эпохи: подробное описание грота, созданное официальным придворным историографом Андре Фелибьеном (1679), тексты его авторства, посвящённые версальским празднествам («Дивертисменты» 1668 и 1674 годов), а также опубликованные дневники Шарля Перро — брата архитектора Клода Перро, работавшего над обликом грота Тетис, — раскрывающие его основную идеологическую составляющую. В работе грот рассматривается как смысловой центр раннего Версаля, в котором визуализировались основные репрезентативные механизмы абсолютистской власти. В исследовании сознательно ограничены рамки поиска прообразов: анализ ведётся исключительно в пределах французского национального контекста, что обосновано методологическими задачами работы. Генеалогия сооружения прослеживается через обращение к трём ключевым прототипам: от ренессансного опыта в Фонтенбло, через политически ангажированные гроты Генриха IV в Шато-Нёф, к синтетическому ансамблю Во-ле-Виконта. Через призму этих аналогий версальский грот исследуется как совершенный синтез, где политическая аллегория (отождествление Людовика XIV с отдыхающим Аполлоном), барочная эстетика удивления и инженерное чудо образуют неразрывное целое. На его примере рассматривается «версальский метод», в рамках которого заимствованные формы последовательно трансформировались в уникальный инструмент визуальной легитимации власти. Грот Тетис предстаёт концептуальной моделью всего Версаля — микрокосмом, в котором искусство побеждает природу, а абсолютный монарх уподобляется творцу-демиургу.

Ключевые слова: грот Тетис, Версаль, Людовик XIV, эволюция садово-парковой архитектуры, политическая мифология, гидравлические системы, Андре Фелибьен, абсолютная монархия

Art, power and water: The Grotto of Tethys as the pinnacle of the French landscape grotto tradition

Yu. A. Filimonova ¹

¹ Stieglitz Academy, 13 Solyanoy Ln., Saint Petersburg 191028 Russia

For citation: Filimonova, Yu. A. (2025) Art, power and water: The Grotto of Tethys as the pinnacle of the French landscape grotto tradition. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 389–398. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-389-398> EDN TDHVI

Received 13 October 2025;
reviewed 1 November 2025;
accepted 8 November 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © I. A. Filimonova (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY License 4.0.

Abstract. This article focuses on the Grotto of Tethys (*la grotte de Thétys*) at Versailles, which had a relatively short existence (1664–1684) yet carried exceptional ideological and artistic significance for understanding Versailles within its solar iconography. The study draws on key primary sources from the era: a detailed description of the grotto by the official court historian André Félibien (1679), his writings on the Versailles festivities (*Divertissements* of 1668 and 1674), and the published diaries of Charles Perrault — brother of the architect Claude Perrault, who worked on the grotto's design — which reveal its core ideological component. The article examines the grotto as the semantic center of early Versailles, where the principal representational mechanisms of absolutist power were visualized. The study deliberately limits its search for precedents to the French national context, a choice justified by its methodological objectives. The genealogy of the structure is traced through three key prototypes: from the Renaissance experiment at Fontainebleau, through the politically charged grottoes of Henry IV at Château-Neuf, and to the synthetic ensemble of Vaux-le-Vicomte. Through the prism of these analogies, the Versailles grotto is examined as a perfect synthesis, where political allegory (the identification of Louis XIV with the resting Apollo), the Baroque aesthetic of wonder, and engineering marvel form an inseparable whole. It serves as an example of the 'Versailles method,' in which borrowed forms were systematically transformed into a unique instrument for the visual legitimization of power. The Grotto of Tethys emerges as a conceptual model for Versailles itself — a microcosm in which art triumphs over nature and the absolute monarch is likened to a creator-demiurge.

Keywords: Grotto of Tethys, Versailles, Louis XIV, evolution of garden and park architecture, political mythology, hydraulic systems, André Félibien, absolute monarchy

На карте Версаля эпохи правления Людовика XIV значилось множество самых разнообразных объектов, которые сегодня либо полностью утрачены, либо видоизменились почти до неузнаваемости. История бытования или «про-венанс» Грота Тетис (Грота Фетиды) попадает в категорию, кажется, наиболее интересных памятников — тех, что были утрачены ещё во времена правления их создателя (сюда же можно отнести, например, Фарфоровый Трианон или так и не реализованный в полном объёме Водный партер).

Грот Тетис — одна из наиболее бесценных жемчужин раннего Версаля — просуществовал около десяти лет и был разрушен при очередной перестройке дворца (1684 г.). В этом прагматичном приговоре нет ничего удивительного: барочная забава была принесена в жертву в пользу комфорта и репрезентативности протяжённого фасада Ж.-А. Мансара.

Пожалуй, главное, что утратил Версаль с уходом своего создателя, Людовика XIV, — это его

постоянное развитие, метаморфозы, где среда существовала в чутком взаимодействии с умонастроением монарха. Сквозь столетия мы слышим стоны главного финансиста Людовика XIV — Жан-Батиста Кольбера, который не уставал возмущаться суммами, затраченными на Версаль: «О, как жаль, что величайший и добродетельный король, обладатель истинной добродетели, которая создаёт величайших принцев, будет оценён по мерке Версаля!» (Le Roi 1866, 68). Фиксируя колоссальные расходы и бесконечные строительные работы, Кольбер не мог полностью оценить рождение такого феномена, как Версаль, которое происходило на его глазах.

Грот получил своё воплощение в период отождествления монарха с лучезарным богом Аполлоном; для короля, правившего более 70 лет, эта модель, конечно же, со временем потеряла свою актуальность. Но разрушение грота — это не только свидетельство зрелости правителя, но и красноречивый жест смены идеологических и эстетических приоритетов.

Грот Тетис занимает особое место в истории Версаля, поскольку входит в число самых первых построек, инициированных молодым Людовиком XIV. Его строительство и сопутствующие геологические изыскания начались уже в 1664 году, то есть в период, когда Версаль ещё даже на плане не был грандиозным и величественным. Примечательно, что, несмотря на скромные размеры, грот строился долго и был чрезвычайно дорогостоящим проектом, что свидетельствует о его высокой значимости в глазах заказчика. На строительство, гротическую отделку и окончательное убранство интерьера, включая установку скульптурных групп, потребовалось около 10 лет.

Строительство грота происходило во временной период, когда миф об Аполлоне был важнейшей контекстной идеей парка и замка. Вокруг дворца формировался знаменитый версальский «соларный цикл», в который, помимо грота Тетис, входили фонтан Латоны, фонтан Дракона, бассейн Аполлона и задуманный, но не полностью осуществленный проект Водного партера. Эти объекты, расположенные в непосредственной близости друг от друга, разворачивали перед зрителем единое повествование, почерпнутое из «Метаморфоз» Овидия и имевшее чёткую политическую подоплёку (Овидий 1983):

1. **Фонтан Латоны** воплощал миф о матери Аполлона и Дианы, оскорблённой жителями Ликии, — аллегория на унижения, перенесённые королевой Анной Австрийской и её детьми во времена Фронды.
2. **Фонтан Дракона** изображал поверженного Аполлоном Пифона, преследователя Латоны, которого Аполлон поверг своими стрелами, омывшись затем кровью чудовища.
3. **Водный партер** по замыслу Шарля Лебрена должен был стать моделью Вселенной, подчиняющейся безграничной власти сияющего Аполлона, что визуально воплощалось в скульптурах из так называемого «большого заказа», однако этому проекту не суждено было состояться в первоначальном замысле.
4. **Бассейн Аполлона** с золотой колесницей становился кульминацией — триумфальным шествием бога-солнца, спускающегося с небес для заслуженного отдыха.
5. **Грот Тетис** символизировал отдохновение Аполлона-короля после дневных трудов на благо государства.

Идею создания грота может поведать знаменитый Шарль Перро, в остроумных дневниках которого сохранилось множество анекдотов и занимательных историй эпохи правления

Людовика XIV. С его слов, идея строительства принадлежала королю, а вот непосредственный внешний облик и внутреннее убранство — без ложной скромности — Перро присваивает себе: *«Когда король повелел создать Версальский грот, я отразил в его идее тот факт, что Его Величество избрал своей эмблемой солнце с земным шаром под словами «Nee pluribus imra — Не многим равный», а также то, что большинство орнаментальных мотивов в Версале были взяты из мифов об Аполлоне и Солнце... Я подумал, что будет неплохо поместить Аполлона в дом богини Тетис после того, как он закончил свой дневной оборот вокруг земного шара, чтобы изобразить, как король прибывает в Версаль для отдыха после своих ежедневных трудов на благо всего мира. Я высказал свои идеи моему брату [Клоду Перро]. Он выполнил эскиз, который передавал все довольно точно, а именно: Аполлон в большой центральной нише, где нимфы богини Тетис омывают его, четыре солнечных коня по два в каждой из боковых ниш, за которыми ухаживают Тритоны. Месье Лебрен, когда король одобрил проект, выполнил к нему эскиз в масштабе и, практически ничего в нем не изменив, передал его месье Жирардону и Ренодану, для создания центральной скульптурной группы, и Марси Гаспару и Герену для — боковых групп... Мой брат также выполнил эскизы для всех орнаментальных элементов в этом гроте... Он спроектировал весьма красивый вход: золотое солнце, простирающее свои лучи через все три двери... Казалось, что солнце и вправду находится в гроте и его даже можно увидеть сквозь сияющие прутья решётки»* (Perrault 1989, 95–97).

Эта сюжетная линия, приводимая Перро, во многом раскрывает назначение Версаля в этот период. Здесь стоит напомнить, что Версаль станет официальной королевской резиденцией и важным административным центром французской монархии только в 1683 году, до этого, Версаль — резиденция для летнего времяпровождения: для празднеств, театральных представлений, охоты. Это место отдохновения монарха от своих трудов.

Стоит отметить, что и сам грот неоднократно становился площадкой в череде продолжительных празднеств, происходивших в Версале. Некоторые свидетельства об этом дополнительном функциональном использовании грота дошли до нас благодаря официальному историографу Людовика XIV Андре Фелибьену (André Félibien 1619–1695). Так, на «Большом королевском дивертисменте» 1668 года в гроте были размещены столы, предназначенные для праздничного

ужина послов (Félibien 1679b), а 19 июля 1674 года фасад грота был использован в качестве задника для постановки Ж.-Б. Мольера «Мнимый больной», что нашло отражение в тексте, описывающем это торжество (Félibien 1676).

Реконструировать внешний вид грота позволяют гравюры Жана Лепотра (*Jean le Pautre 1618–1682*) (рис. 1). Каменный фасад строения прорезали три арки с решётками диагонального рисунка, о которых восхищённо писал Шарль Перро. Фасад украшали барельефы работы Жерара ван Обсталя (*Gérard van Obstal, 1594 (1597)–1668*): центральный изображал колесницу Аполлона (рис. 2), а боковые — тритонов и сирен (рис. 3), дующих в морские раковины. Пространство между арками заполняли четыре медальона с амурами (рис. 4) на дельфинах, завершая морскую иконографию фасада.

Интерьер имел традиционную барочную гротическую отделку с использованием разнообразных раковин, туфа, перламутра, фрагментов стёкол и зеркал (рис. 5). В центральной нише располагалась группа «Аполлон и нимфы»

работы Франсуа Жирардона (*François Girardon, 1628–1715*) и Тома Ренодена (*Thomas Regnaudin, 1622–1706*). В боковых нишах помещались парные композиции «Кони Солнца» — работы Жилия Герена (*Gilles Guérin, 1611–1678*) и братьев Гаспара (*Gaspard Marsy, 1624–1681*) и Балтазара Марси (*Balthazar Marsy 1628–1674*).

Барочная эстетика здесь подчинялась строгой аллегорической программе, а изящный архитектурный облик скрывал инженерное наполнение — грот был важным узлом водоснабжения версальского парка со сложнейшими гидравлическими механизмами, работу которых курировал инженер итальянского происхождения Пьер-Франсуа Франсин (*Pierre-François Francine, 1654–1720*). Практика приглашения мастеров из Италии к французскому двору в XVI–XVII веках была довольно распространена. Пьер-Франсуа Франсин, автор гидравлической системы версальского грота, был внуком Тома Франсин — знаменитого основателя династии фонтаньеров Франсин (*um. Francini*), приглашённого из Италии ещё при Генрихе IV.

Рис. 1. Лепотр Жан. Вид на Грот Тетис в Версале. 1672. Гравюра. 41,0 × 58,0 см.
Versailles, châteaux de Versailles et de Trianon

Fig. 1. Lepautre Jean. *Vue de la façade extérieure de la Grotte de Thétis de Versailles*. Recueil «Vues des belles Maisons des environs de Paris». 1672. Estampe. 41,0 × 58,0 cm, Versailles, châteaux de Versailles et de Trianon

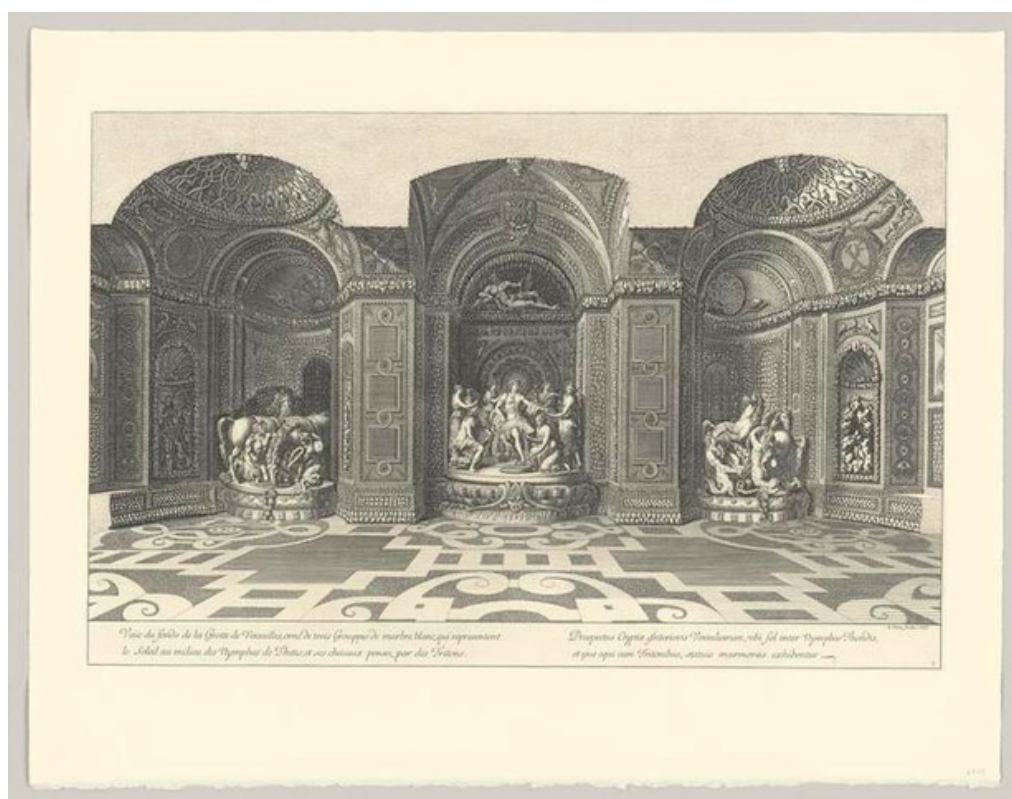

Рис. 5. Лепотр Жан. *Внутренний вид Грота Тетис в Версале*. 1676. Гравюра. 37,5 × 56,5 см.
Versailles, châteaux de Versailles et de Trianon

Fig. 5. Lepautre Jean. *Intérieur de la grotte de Téthys à Versailles, avec le bain du Soleil et ses chevaux pansés par des tritons*. Recueil «Vues des belles Maisons des environs de Paris». 1673. Estampe. 37,8 × 57,7 cm.
Versailles, châteaux de Versailles et de Trianon

На крыше грота Франсин расположил главный резервуар (водохранилище). Этот резервуар, будучи самой высокой точкой в гидравлической системе парка, обеспечивал необходимое давление для работы фонтанов.

Любопытно, что король внимательно следил за всеми деталями строительства. Важность этой гидравлической системы в частности подчёркивается в его переписке с Кольбером, которую приводит историк Ж.-А. Леруа. Король, очевидно, уже имевший печальный опыт, требовал гарантий: «Следует убедиться, что насосы в Версале работают настолько хорошо... чтобы по моему прибытии они не причинили мне никакого беспокойства, сломавшись в любой момент» (Le Roi 1866, 79). Кольбер успокаивал монарха, сообщая, что: «Господин Франсин удваивает цепь насосов... так что, я надеюсь, они будут поднимать более 120 дюймов воды» (Le Roi 1866, 80), на что король, очевидно удовлетворившись таким ответом, пишет: «Я буду очень рад по прибытии найти Версаль в том состоянии, в котором вы его описываете... если новый [насос] выбрасывает 120 дюймов воды, это будет достойно восхищения» (Le Roi 1866, 80).

«Восхищение монарха» — Людовик XIV неспроста столь обнадёживающе щедр на похвалы, кому как не Кольберу знать, сколько усилий потребовалось, для того, чтобы подвести воду в этот верхний резервуар. Технический диалог между королём и министром наглядно демонстрирует, что грот воспринимался не только как увеселительное место, но и как стратегически важный объект.

Работы по водоснабжению грота и парка в целом предварялись масштабными геодезическими изысканиями под руководством аббата Пикара (abbé Picart), автора «Трактата об измерении Земли» (*Traité de la mesure de la terre*), которые подтвердили возможность забора воды с окрестных плато: «Он обнаружил, что равнины Трапп (Trappes) и Буа-д'Арси (Bois-d'Arcy) на пять метров выше поверхности резервуара грота, который являлся самым высоким резервуаром в Версале, и что расположение этих равнин, воды которых протекали через два довольно узких ущелья, позволяло легко собрать их и таким образом образовать два больших пруда» (Le Roi 1866, 80). Так грот Тетис стал резервуаром и демонстрационным залом,

где вода, этот столь желанный ресурс Версаля, представляла перед зрителем во всей своей красе — и как элемент искусства, и как триумф человеческого инженерного гения над природой.

Исключительная значимость грота Тетис для современников Людовика XIV находит прямое подтверждение в беспрецедентном внимании, которое было уделено ему в медийном пространстве эпохи. В то время как другие объекты Версаля описывались в рамках общих текстов, грот Тетис удостоился персонального и детализированного представления, у которого не было аналогов — «*Описание версальского грота*» («*Description de la grotte de Versailles*» par A. Félibien). Сам факт публикации отдельного труда, целиком посвящённого одному парковому павильону, является уникальным. Учитывая уникальный статус этого текста, хочется остановиться на нём более детально.

«*Существует два вида пещер: одни — творения природы, другие — произведения искусства...*» (Félibien 1679a, 1) — вступительные слова Андре Фелибьена к описанию грота Тетис можно воспринять как манифест, отражающий фундаментальный мировоззренческий поворот эпохи Людовика XIV. Его противопоставление Природы и Искусства напрямую коррелирует с основными интеллектуальными течениями времени: рационализмом Декарта и идеологией абсолютизма: «...*поскольку они [природа и случай] работают слепо, мы не видим ни пропорции, ни симметрии в том, что они создают*» (Félibien 1679a, 1). Здесь Фелибьен озвучивает картезианский взгляд на материальный мир, где природа — это механизм, лишённый сознательной цели, которую можно понять и покорить с помощью разума. Версальский парк с его строгой геометрией, осями симметрии и перспективами — это воплощение декартовского идеала ясности и отчётности. Искусство здесь не просто подражает природе, а исправляет и совершенствует её, наводя математический порядок на материю, предоставленную природой.

«*Можно сказать о Версале, что это место, где Искусство работает в одиночку, и что Природа, как будто, покинула его, чтобы дать Королю возможность явиться здесь, посредством своего рода творения, если можно так выразиться, множеством великолепных произведений и бесконечное множество необыкновенных вещей; но что нет места во всём этом Королевском Доме, где Искусство расцвело наиболее счастливо, чем в Гроте Фетиды*» (Félibien 1679a, 1). Людовик XIV уподобляется Богу-творцу не в религиозном, а в политическом смысле. Он — верховный Разум, наводящий

порядок в «естественном состоянии». Королевская воля преодолевает фундаментальные природные ограничения, буквально заставляя реки течь вспять. Версаль — это модель идеального государства, созданного волей монарха из хаоса дикой природы и хаоса социального (Фронды).

Фелибьен провозглашает грот местом, «*где Искусство расцвело наиболее счастливо*». Это точка максимальной концентрации творческого усилия, где разум, воля и искусство человека достигли своей наивысшей победы над слепой материей, создав совершенный, управляемый и удивительный мир — микрокосм, который на метафорическом уровне отражает абсолютную власть Короля-Солнца. Не менее показателен корпус визуальных источников: ни один другой версальский боскет не был запечатлён в таком количестве детализированных гравюр. Жан Лепотр (*Le Pautre Jean, 1618–1682*) создал целую серию, включающую общие виды фасада, разрез, интерьеры, изображения барельефов, скульптурных групп, маскаронов и люстр.

Обратившись к тексту Фелибьена, современный читатель может получить довольно любопытное впечатление: он описывает грот в таких деталях и подробностях, что можно практически реконструировать его. Этот эффект усиливается, когда автор переходит в своем повествовании к скульптурам, украшающим грот, так как описания эти весьма необычны для нас: «[нимфа] что касается волос Аполлона, обладает... благородным обликом: её причёска и одежда пышны и величественны.... Та, что омывает водой руки Аполлона, облачена в одежду, застёгнутую лишь на бёдрах, но кажется сшитой из такой тонкой ткани, что, будучи видна сбоку, едва скрывает её; и по красоте её шеи, рук и плеч видно, насколько красивы все очертания её тела...» (Félibien 1679a, 9). В этом абзаце Фелибьен упоминает авторов нимф (Жирандона и Ренодена) упоминания в качестве сноски внизу страницы.

Стоит ещё раз напомнить, что Фелибьен не литератор, а официальный историограф короля, при этом он описывает скульптуры так, словно они — живые актёры на сцене, визуализируя то, что должно быть увидено. Его задача — сделать так, чтобы читатель пережил тот же эффект потрясения и узнавания, что и придворный, посетивший версальский грот. Он заставляет мрамор «дышать», а складки одеяний — «шелестеть», в попытке добиться полного стирания грани между искусством и жизнью. Это словесное чудо было равноценно чуду инженерному или скульптурному: все они служили одной цели — доказать способность Короля-Солнца и его художников превзойти природу,

а не слепо подражать ей. Здесь в Версале сотворяется новый, совершенный мир, подчинённый Разуму и Воле.

При рассмотрении прототипов грота Тетис представляется методологически оправданным ограничиться рамками французской традиции, оставив за скобками как итальянские истоки, так и иные гроты, возведённые по заказу аристократии (например, в Мёдоне или Анэ). Последние, безусловно, отражали моду, но редко несли столь же концентрированную и программную идеологическую нагрузку.

Три избранных объекта — гроты в Фонтенбло (Франциск I), Шато-Нёф (Генрих IV) и Во-ле-Виконт (Николя Фуке) — выстраиваются в последовательную цепочку, где на базе итальянского опыта, как технического, так и концептуального, подготавливается фундамент для появления самобытного версальского грота Тетис.

Грот в Фонтенбло

Этот грот, созданный при Франциске I, принято считать первым искусственным гротом во Франции. Монарх, известный увлечением культурой итальянского Ренессанса и Античности, сделал гроты обязательным элементом королевской резиденции. Расположенный в павильоне, завершавшем галерею Улисса, грот выступал смысловым и архитектурным финалом ансамбля нового сада (Jardin des Pins).

На сегодняшний день состояние грота весьма приблизительно позволяет судить о его изначальном внешнем виде и функциях, однако Фламиния Бардати в своей статье «Грот сосен в Фонтенбло» делает интересные выводы, основанные на осуществлённых реставрационных и археологических работах: *«Результаты исследований, проведённых главным архитектором Бернаром Колеттом (Bernard Collette) ... поднимают центральный вопрос о фактическом использовании этого пространства: никаких следов систем водоснабжения, ни бассейнов, ни фонтанов обнаружено не было. Более того, наличие воды никогда не было задокументировано ни в описаниях строительства, ни в изображениях»* (Bardati 1999, 40). В связи с этим автор предполагает, что грот в Фонтенбло задумывался не как источник-родник, а как музей (*musaeon*) или святилище (*amaltheion*).

Шато-Нёф (гроты террасы)

Целая система гротов была создана для Генриха IV с участием братьев Франчини (Франсинов), где сложные гидравлические механизмы, движущиеся фигуры-автоматы и водные органы сочетались с гротической отделкой из раковин. Среди всех гротов Шато-Нёф наибольшего внимания в контексте данной статьи заслужи-

вают гроты Персея и Орфея. Они демонстрируют, как работал язык политической мифологизации при Генрихе IV. *«Персей из грота Шато-Нёф, по-видимому, не носил королевских черт, иначе посетители наверняка бы это заметили. Политическая аллегория, однако, оставалась подразумеваемой и, несомненно, понятной зрителям ... Битва Генриха-Персея за освобождение Франции-Андромеды могла приобрести более широкий, космологический смысл, если рассматривать её, сопоставляя с гротом Орфея. Этот грот, по-видимому, был главной темой вселенской гармонии, воплощаемой и гарантируемой героической и священной личностью короля»* (Lurin 2016).

Данная двусоставная мифологическая модель давала многообещающий рецепт для репрезентативных задач искусства в эпоху правления Людовика XIV: победоносная сила + умиротворяющая мудрость. Внук Генриха IV унаследовал и развил оба этих архетипа в своей версальской программе — через образ бога Аполлона, удачно сочетающего эти две ипостаси: Аполлона-героя, повергающего Пифона, и Аполлона-Мусажета — предводителя муз.

Во ле виконт

Эта резиденция стала непосредственным художественным и технологическим прототипом не только для грота, но и для всего ансамбля Версаля в целом. Замок и парк были созданы для министра финансов Николя Фуке архитектором Луи Лево, художником Шарлем Лебреном и садоводом Андре Ленотром. Именно здесь были впервые синтезированы те принципы, которые позже определяют Версаль: масштабная осевая планировка, игра оптических иллюзий и введение водных сооружений в общую символическую программу сада. Если гроты Шато-Нёф предложили идеологическую модель (король-герой и король-миротворец), то Во-ле-Виконт предоставил готовую, апробированную команду мастеров и набор художественных решений. Визит Людовика XIV на празднество в Во в августе 1661 года завершился арестом Фуке и стал печальной страницей в истории этого поместья. Король не только конфисковал имущество министра, но и воспользовался творческим коллективом создателей Во, поставив их таланты на службу своей славе в Версале. Грот в Во, а в особенности, небольшой павильон «Исповедальня» Le Confessionnal (рис. 6), находящийся в непосредственной близости от грота, без сомнения являются важными прототипами, однако достоверной и развёрнутой информации по истории создания и бытования этих памятников на данный момент не удалось найти.

Рис. 6. Семья Перелль. Вид на перспективу каскадов в Во. Из собрания «Виды красивых домов вокруг Парижа». 1680. Гравюра. 31 × 40,7 см

Fig. 6. Perelle, Family. *Vue de perspective des cascade de Vaux*. Recueil «Vues des belles Maisons des environs de Paris». 1680. Gravure. 31 × 40,7 см. Versailles, châteaux de Versailles et de Trianon

Но, даже основываясь на столь скудном материале, можно предположить, что грот Тетис предстает не просто следующей ступенью в эволюции французского гротостроения, а осознанным актом королевского присвоения и превосходства: то, что было создано для самого могущественного подданного, должно быть многократно усилено и превзойдено для прославления монарха.

Грот Тетис, просуществовавший менее двадцати лет, сконцентрировал в себе суть раннего Версаля. Он стал точкой схождения и высшим выражением главных тенденций эпохи: оттачиваемой десятилетиями гидравлической науки, эволюции политической аллегории от Генриха IV к Людовику XIV и беспрецедентной способ-

ности королевской власти присваивать лучшие художественные и интеллектуальные достижения для создания безупречного образа абсолютного монарха. Его утрата — не забвение, а закономерный финал: идеальный символ, как и хороший танцор, не должен стареть.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential

Источники

- Овидий, П. Н. (1983) *Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии*. М.: Художественная литература, 512 с.
- Félibien, A. (1679a) *Description de la Grotte de Versailles*. Paris: De l'Imprimerie Royale Publ. [Online]. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k19140886/f1.planchecontact> (accessed 25.11.2025).
- Félibien, A. (1679b) *Relation de la feste de Versailles du 18e juillet 1668*. Paris: Imprimerie Royale Publ. [Online]. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8626217x.r=Félibien> (accessed 25.11.2025).
- Félibien, A. (1676) *Les Divertissemens de Versailles, donnez par le Roy à toute sa Cour, au retour de la Conquete de la Franche-Comté, en l'année 1674*. Paris: Imprimerie Royale Publ. [Online]. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8626218b/f1.item> (accessed 25.11.2025).
- Perrault, Ch. (1989) *Memoirs of My Life*. Columbia: University of Missouri Press, 138 p.

Список литературы

- Bardati, F. (1999) *La Grotte des Pins a Fontainebleau*. Florence: Centro Di Publ. [Online]. Available at: https://www.academia.edu/1433077/La_Grotte_des_Pins_a_Fontainebleau (accessed 25.11.2025).
- Le Roi, J.-A. (1866) Travaux hydrauliques de Versailles sous Louis XIV 1664-1688. In: *Société des Sciences Morales, des Lettres et al. Mémoires de la Société des sciences morales, des lettres et des arts de Seine-et-Oise*. Versailles: Imprimerie Aubert Publ., vol. 7, pp. 61–128.
- Lurin, E. (2016) Restauration, parachèvement, prouesses. Un portrait d'Henri IV en bâtisseur. In: C. Nativel (ed.). *Henri IV. Art et pouvoir*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, pp. 341–359. <https://doi.org/10.4000/books.pufr.8461>

Sources

- Félibien, A. (1679) *Description de la Grotte de Versailles [Description of the Versailles Cave]*. Paris: De l'Imprimerie Royale Publ. [Online]. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k19140886/f1.planchecontact> (accessed 25.11.2025). (In French)
- Félibien, A. (1679) *Relation de la feste de Versailles du 18e juillet 1668 [Relation of the Versailles festival of July 18, 1668]*. Paris: Imprimerie Royale Publ. [Online]. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8626217x.r=Félibien> (accessed 25.11.2025). (In French)
- Félibien, A. (1676) *Les Divertissemens de Versailles, donnez par le Roy à toute sa Cour, au retour de la Conqueste de la Franche-Comté, en l'année 1674 [The Entertainers of Versailles, given by the Roy to his entire court, on the return of the Conquest of Franche-Comté, in the year 1674]*. Paris: Imprimerie Royale Publ. [Online]. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8626218b/f1.item> (accessed 25.11.2025). (In French)
- Ovidij, P. N. (1983) *Lyubovnye elegii. Metamorfozy. Skorbnnye elegii [Love Elegies. Metamorphoses. Mournful Elegies]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 512 p. (In Russian)
- Perrault, Ch. (1989) *Memoirs of My Life*. Columbia: University of Missouri Press, 138 p. (In English)

References

- Bardati, F. (1999) *La Grotte des Pins a Fontainebleau [The Pine Cave in Fontainebleau]*. Florence: Centro Di Publ. [Online]. Available at: https://www.academia.edu/1433077/La_Grotte_des_Pins_a_Fontainebleau (accessed 25.11.2025). (In Italian)
- Daniel', S. M. (2003) *Evropejskij klassitsizm Epokha Pussena. Epokha Davida [European Classicism: The Age of Poussin. The Age of David]*. Saint Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 300 p. (In Russian)
- Le Roi, J.-A. (1866) Travaux hydrauliques de Versailles sous Louis XIV 1664-1688 [Hydraulic works of Versailles under Louis XIV 1664-1688]. In: *Société des Sciences Morales, des Lettres et al. Mémoires de la Société des sciences morales, des lettres et des arts de Seine-et-Oise [Society of Moral Sciences, Letters et al. Memoirs of the Society of moral sciences, letters and arts of Seine-et-Oise]*. Versailles: Imprimerie Aubert Publ., vol. 7, pp. 61–128. (In French)
- Lurin, E. (2016) Restauration, parachèvement, prouesses. Un portrait d'Henri IV en bâtisseur [Restoration, completion, prowess. A portrait of Henry IV as a builder]. In: C. Nativel (ed.). *Henri IV. Art et pouvoir [Henry IV. Art and power]*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, pp. 341–359. <https://doi.org/10.4000/books.pufr.8461> (In French)

Сведения об авторе

Юлия Андреевна Филимонова, SPIN-код: 2649-6488, ORCID: 0000-0002-0402-1859,
e-mail: julia.a.filimonova@yandex.ru

Кандидат искусствоведения, доцент кафедры живописи и реставрации, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица

Author

Yulia A. Filimonova, SPIN: 2649-6488, ORCID: 0000-0002-0402-1859, e-mail: julia.a.filimonova@yandex.ru
PhD in Art History, Associate Professor Department of Painting and Restoration, Saint Petersburg State Academy of Art and Design named after A. L. Stieglitz

Check for updates

Виды искусства

УДК 72.01

EDN YLKWYS

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-399-429>

Становление самоидентификационного вектора в архитектуре России в 2010-е — середине 2020-х годов (тенденции и предпосылки)

Д. Е. Фесенко ¹

¹ Журнал «Архитектурный вестник», 123001, Россия, г. Москва, Гранатный пер., д. 7

Для цитирования:

Фесенко, Д. Е. (2025) Становление самоидентификационного вектора в архитектуре России в 2010-е — середине 2020-х годов (тенденции и предпосылки). *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 4, с. 399–429. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-399-429> EDN YLKWYS

Получена 23 августа 2025; прошла рецензирование 15 сентября 2025; принята 30 октября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Д. Е. Фесенко (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Аннотация. Выявлены «внешние» предпосылки и «внутренние» тенденции развития современной российской архитектуры. Показано, что развитие самоидентификационного, или самобытного тренда обусловлено общественным запросом, общегосударственной санкцией, наличием экономического ресурса. В трудах отечественных ученых выдвинут ряд положений, которые могли бы служить основанием развития самоидентификационного начала в архитектуре. Проанализирован ряд кризисных явлений в геополитической, социокультурной и экономической сферах, включая военно-стратегические, демографические, расселенческие макроугрозы и риски, которые предполагают адекватную реакцию со стороны российской архитектуры. Выявлены и описаны три феномена, получившие развитие в рамках самобытного тренда в отечественной архитектуре, в том числе: охрана памятников и реставрация, возрождение малых поселений и развитие национальных и региональных традиций. Так, механизмом обретения новой жизни городскими и сельскими поселениями предстает реиндустриализация, что предполагает отказ от стягивания демографических ресурсов в крупнейшие города и возрождение расселенческой сети, восстановление и строительство жилых домов и объектов инфраструктуры, параллельное развитие местных производств — от деревообработки до агро- и льнопроизводства, что позволяет избежать монопрофильности. Делается вывод, что развитие малых и средних городов, сельских территорий и национальных и региональных архитектурных традиций нуждается в дополнительной поддержке. Представлены несколько пилотных проектов, в том числе в области реиндустриализации, близ районных центров Вологодской и Тверской областей — Грязовца и Торжка, которые могли бы способствовать возрождению малых поселений и развитию национальных и региональных традиций в архитектуре России.

Ключевые слова: российская архитектура, вестернизационный и самоидентификационный тренды, геополитика, культура, образование, демография, экономика, охрана наследия и реставрация, возрождение малых поселений, развитие национальных и региональных традиций

Development of the self-identifying vector in Russian architecture from the 2010s to the mid-2020s: Trends and prerequisites

D. E. Fesenko ¹

¹ Architectural Herald, 7 Granatny Ln., Moscow 123001, Russia

For citation: Fesenko, D. E. (2025) Development of the self-identifying vector in Russian architecture from the 2010s to the mid-2020s: Trends and prerequisites. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 399–429. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-399-429> EDN YLKWYS

Received 23 August 2025;
reviewed 15 September 2025;
accepted 30 October 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © D. E. Fesenko (2025).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Abstract. This article identifies the ‘external’ prerequisites and ‘internal’ trends in the development of contemporary Russian architecture. It shows that the development of a self-identifying, or original, trend is driven by public demand, state endorsement, and the availability of economic resources. Russian scholars have advanced several propositions that could serve as a basis for developing a self-identifying principle in architecture. The article analyzes crises in the geopolitical, sociocultural, and economic spheres, including military–strategic, demographic, and settlement–related macro-threats and risks that require an adequate response from Russian architecture. It identifies and describes three phenomena that have developed within the self-identifying trend in Russian architecture: the protection and restoration of monuments, the revival of small settlements, and the development of national and regional traditions. Reindustrialization is presented as a mechanism for reviving urban and rural communities. This involves abandoning the concentration of demographic resources in the largest cities and reviving the settlement network, restoring and constructing residential buildings and infrastructure, and simultaneously developing local industries — from timber industry to agricultural and flax production — to avoid single-industry economy. The author concludes that the development of small and medium-sized towns, rural areas, and national and regional architectural traditions requires additional support. The author describes several pilot projects — including those related to reindustrialization — near the district centers Gryazovets and Torzhok in the Vologda and Tver regions. These projects could contribute to the revival of small settlements and the development of national and regional architectural traditions in Russia.

Keywords: Russian architecture, Westernization and self-identifying trends, geopolitics, culture, education, demography, economics, heritage protection and restoration, revival of small settlements, development of national and regional traditions

Проблема идентичности постсоветской архитектуры поднималась в 1990-е годы в связи с распространением нарратива «Россия, которую мы потеряли». В 2000-е годы она ассоциировалась с издержками лужковского стиля и в этой связи мало-помалу сошла на нет. Чтобы вновь всплыть в 2010-е — например, архитектурное бюро «Мегабудка» еще десятилетие назад ставило целью разработку нового русского стиля. Правда, в отличие от практических работ их теоретические изыскания не представляют особого интереса.

В 2020-е годы обращение к теме национальной идентичности в архитектуре носит регулярный характер. Последний по времени импульс она получила с педализированием ее со стороны Д. Трампа по отношению к современной американской архитектуре. В отечественном архитектурном дискурсе она представлена, например:

в проекте «Маяки русского мира», реализациях, которые можно отнести к героической разновидности русского стиля, а также теоретических работах А. О. Комова, который не сводит идентичность в архитектуре к «чему-то стилевому». В его определении, «...это вопрос выживания нашей цивилизации, синтеза лучших традиций национальной архитектуры, современного технологического и художественного опыта, глубокого смысла и сакральных символов», а «не просто набор форм или отсылок к прошлому». Автор подчеркивает, что большой стиль всегда рождается «на грани», на сломе эпох. «Мы должны дать миру ни более ни менее новую формулу, новую парадигму бытования человека... И архитектура здесь играет ведущую роль» (Формула Комова... 2025).

Если говорить о самотождественности, или самобытности российской архитектуры

(представляется, что это понятие более адекватно описывает архитектурный феномен, по сравнению с традиционализмом, идентичностью или аутентичностью), то в такой формулировке проблема ставилась в наших работах с начала 2010-х годов. Среди разработанных пяти теоретических моделей, описывающих российский архитектурный процесс, фигурирует так называемая синергетическая, в соответствии с которой грядущему макросдвигу середины — конца 2010-х годов предшествовало формирование двух оппонирующих параметров порядка. Они получили название «вестернизационный» и «самотождественнический», или самобытный (Фесенко 2012).

В более поздней статье противостояние между западническим и самотождественническим (самобытным) трендами в отечественной архитектуре рассматривалось как вторая производная от сшибки на высших уровнях: общемировом — глобализации и макрорегионали-

зации, и внутрироссийском — неокOLONиальной экономики и суверенной геополитики (первая производная). С опорой на работы российских исследователей (от А. И. Фурсова и В. Ю. Катонова до М. Г. Делягина и Максима Калашникова (В. А. Кучеренко)) отмечалось, что в случае победы первого тренда общество ждет мир, распадающийся на касты «коротко-» и «долгоживущих», отличающиеся в том числе видовыми характеристиками. Если Виктория будет за вторым, то появляется надежда на более демократичный и национально и социально ориентированный сценарий. Делался вывод, что положение дел внутри профессии фактически воспроизводит общую рамочную конструкцию, на которой держится современное мироздание (Фесенко 2016).

В настоящей статье автор актуализирует и развивает вышеуказанную тему, сосредоточиваясь на выявлении и описании «внешних» предпосылок и «внутренних» тенденций.

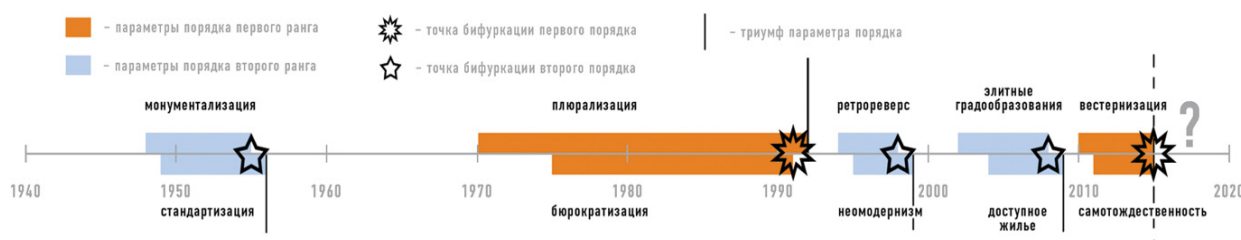

Рис. 1. Синергетическая модель эволюции российской архитектуры середины XX — начала XXI вв. 2012. Автор Д. Е. Фесенко

Примечание: Данная модель опирается на известное положение одного из основателей синергетики Г. Хакена о возникновении в окрестности точки бифуркации параметров порядка, или наиболее медленно меняющихся переменных, эскалация взаимоотношений между которыми служит маркером приближения макроисторического слома. Один из управляющих параметров рано или поздно одерживает победу, как правило, определяя лицо следующей архитектурной эпохи. Введены различия между параметрами порядка и точками бифуркации первого и второго уровней — в зависимости от базовых характеристик первых (размерность, содержание) и глубины историко-архитектурных трансформаций (слома / переформатирование). На разных этапах развития российской архитектуры середины XX — начала XXI вв. такими оппонирующими парами являлись: монументализация и стандартизация (конец 1940-х — первая половина 1950-х), плюрализация и бюрократизация (первая половина 1970-х — начало 1990-х), ретрореверс и неомодернизм (середина — конец 1990-х), элитные градообразования и доступное жилье (середина — конец 2000-х), вестернизация и тяга к самотождественности (начало — конец 2010-х).

Fig. 1. A synergetic model of the evolution of Russian architecture from the mid-20th to the early 21st centuries. 2012. Author: D. E. Fesenko

Note: This model is based on the established proposition by Hermann Haken, a founder of synergetics, regarding the emergence of order parameters (the most slowly changing variables) near a bifurcation point. The escalating interaction between these parameters signals an approaching macro-historical breakdown. One governing parameter eventually prevails, typically shaping the character of the subsequent architectural era. The model distinguishes between first- and second-level order parameters and bifurcation points, depending on the basic characteristics of the former (dimension, content) and the depth of historical and architectural transformations (breakdown or reformatting). At different stages of Russian architectural development from the mid-20th to the early 21st centuries, such opposing pairs included: monumentalization and standardization (late 1940s—first half of 1950s); pluralization and bureaucratization (first half of 1970s—early 1990s); retroreverse and neomodernism (mid- to late 1990s); elite urban developments and affordable housing (mid- to late 2000s); and Westernization and a drive for self-identification (early to late 2010s).

Вслед за постсоветской культурой российская архитектура 1990–2010-х годов в общем и целом следовала в фарватере западного архитектурного процесса. Важнейшим фактором, оказавшим воздействие на отечественную архитектурную практику, как эксплицитно, со ссылками на труды выдающихся философов и культурологов (от Ж. Деррида и Ф. Джеймисона до К. Леви-Стросса и Ч. Дженкса), так и с опорой на достижения мировой практики архитектуры, прокатившиеся по международным архитектурным журналам проекты и постройки, основанные на положениях этих мыслителей, являлась философская и культурологическая мысль Запада. Российская архитектура постсоветских десятилетий впитала культурную атмосферу постмодерна, дезавуировавшего идеологический каркас современной эпохи.

Однако первые симптомы смены вестернизационной культурной матрицы, установившейся после распада Советского Союза, относятся уже к 2000-м годам. Причем прослеживаются они не только внутри консервативно мыслящего научного и культурного сообщества, но и со стороны высшей государственной власти. С 2000-х этот процесс шел по нарастающей, сопровождаясь отдельными всплесками, в частности, патриотического подъема после возвращения Крыма, чтобы с началом СВО составить значимую альтернативу захватившей многодесятилетнюю монополию неолиберальной парадигме.

Источником социокультурных трансформаций являются, прежде всего, инициативы, исходящие от первого лица. Имеются в виду выступления президента России и официальные документы, указы и постановления правительства. Большую роль в изменении повестки сыграли также значимые научно-философские труды, принимающие на себя роль ориентиров будущих социально-политических, экономических и социокультурных изменений и оказавшие заметное влияние на развитие отечественной общественной мысли. В целом ряде социально-философских работ российскими мыслителями — философами и культурологами, политологами и экономистами — был выдвинут круг идей в различных областях знания от геополитики и культуры до экономики и демографии, имеющих целью смену уходящей в историю неолиберальной культурной матрицы.

В архитектуре трансформации происходят со сдвижкой, заметно растянуты во времени. Тем не менее, несмотря на заторможенную динамику, в том числе в силу сопротивления внутри профессии в связи с сугубой ангажированностью неолиберальным дискурсом, эти

подвижки захватывают различные разделы и уровни профессии.

Теоретико-методологические предпосылки развития российской архитектуры в 2010-е — середине 2020-х годов

В качестве стратегических ориентиров, задающих новую политическую повестку, являются выступления президента России В. В. Путина, в частности, его речь на 43-й Мюнхенской конференции по безопасности о неприемлемости и невозможности однополярного мира и господства Соединенных Штатов (2007); интервью изданию *The Financial Times*, в котором президент подчеркнул, что либеральная идея себя изжила и вступила в противоречие с интересами подавляющего большинства населения (2019); выступление в Международном дискуссионном клубе «Валдай» (Сочи) об исчерпанности капитализма и кризисе человеческой цивилизации (2021). 30 сентября 2022 года перед подписанием договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул, что «диктатура западных элит направлена против всех обществ, в том числе и народов самих западных стран. Это вызов всем, такое полное отрицание человека, ниспровержение веры и традиционных ценностей, подавление свободы приобретает черты религии наоборот — откровенного сатанизма» (Текст обращения Путина... 2022). Позднее выходит Указ Президента Российской Федерации от 9.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», который определяет стратегические ориентиры в области обеспечения национальной безопасности страны в сфере культуры.

Отечественными мыслительными центрами консервативной ориентации подготовлен ряд программных документов, в основе которых лежит критика современных мировых тенденций развития человеческой цивилизации, ведущих ее к самоликвидации и захвативших также постсоветскую Российскую Федерацию, и понимание России как Ноева ковчега для всего человечества. Среди них: коллективный труд «Русская доктрина» (под редакцией А. Б. Кобыкова, В. В. Аверьянова, 2005) и последующие фундаментальные работы «Россия — Ноев Ковчег человечества» (под редакцией Ю. В. Громыко, Ю. В. Крупнова), «Русский Ковчег. Альтернативная стратегия

мирового развития» (под редакцией В. В. Аверьянова, 2019–2020).

Основные идеи, выдвинутые с конца 1990-х годов, многие из которых со временем стали общим местом не только российского, но и мирового дискурса, охватывают различные тематические разделы и дисциплины.

Геополитика как поворотная точка в эпоху перемен

Осознание исчерпанности капитализма, зародившегося в период «длинного XVI века», вступления его в терминальную фазу восходит к трудам последних десятилетий XX века, в частности, к исследованиям И. М. Валлерстайна, А. Г. Франка и др. Появление в начале 2020-х годов работы К. Шваба и Т. Маллере «COVID-19: великая перезагрузка» является индикатором осознания и обнародования глобальными центрами управления непреложного факта надвигающегося цивилизационного слома, того, что «мир уже не будет прежним», и отчаянной попыткой оказаться на гребне волны со спешно разработанной дорожной картой перехода к инклюзивному капитализму с его «совершенно новыми видами собственности» (Великая перезагрузка... 2020). Пандемия использовалась как «окно возможностей», по сути, трамплин для порабощения человечества. Всемирный экономический форум превентивно, еще во второй половине 2010-х годов, выпустил ролик «У вас не будет ничего, и вы будете счастливы» с прицелом на 2030-й.

С обезоруживающей критикой человеконенавистнической концепции «новой нормальности», в действительности исходящей от мирового управляющего класса, фронтменом которого является К. Шваб, выступили отечественные ученые А. И. Фурсов, В. Ю. Катаронов, М. Г. Делягин, М. А. Хазин, В. А. Лепехин и др. Так, Фурсов указывает на разрабатываемые в тиши кабинетов разновидности способа управления человеческой массой: цифровой и биологический контроль населения, метафорически он называет это биоэкотехнофашизмом (Фурсов 2024).

Вслед за Дж. Арриги появляется все больше работ, исследующих особенности и закономерности смены западного цикла накопления капитала и мировой гегемонии азиатским и указывающих на надрыв Америки как мирового гегемона, следствием чего является движение в сторону многополярного мира либо, как возможный вариант, смена мирового гегемона.

С начала 2000-х годов обсуждается тема смены глобализации макрорегионализацией,

под которой понимается обусловленный макроэкономическими причинами распад мира на шесть-семь панрегионов, импероподобных образований, относительно автономных геополитически и геоэкономически. Складываются критерии формирования таких образований — от количества населения до годового ВВП. Как комментирует М. Г. Делягин, индикатором распада рынка на макрорегионы является объявление Д. Трампом торговой войны Китаю. «При этом считалось, что, в частности, информационный рынок не может распасться в принципе. А что мы видим? Он уже рассыпался! И это не конец общего распада, а только его начало» (Глобализация умерла... 2023).

Применительно к России: у страны нет альтернативы создания собственного панрегиона, в противном случае ее территория будет поделена между геополитическими хищниками.

Прослеживаются истоки зарождения и развития новой волны неомальтузианства и политики сокращения «избыточного» населения (от 1–2 млрд до 500 млн человек), начиная от первых докладов Римского клуба, датированных первой половиной 1970-х годов. Среди инструментов депопуляции: от активации региональных конфликтов и войн и навязывания ЛГБТ-повестки (в России ЛГБТ признана экстремистской и террористической организацией) до содействия распространению эпидемий и вакцинации населения.

Альтернативой всевластию транснациональных корпораций и банков, охватившему весь мир геополитическому, геоэкономическому, геокультурному кризису, неуклонно приближающемуся Потопу предстает государство-цивилизация Россия, позиционируемое как Ноев ковчег для всего человечества. Этот библейский образ, используемый авторами «Русского Ковчега», противостоит «потопу невидимому, ментальному, потопу информации, образов, мысленного хаоса, растления, который изнутри самого человечества грозит затопить последний живой клочок его сердца, растворить его жизненные смыслы» (Русский Ковчег... 2020).

Геополитическая логика определяет военно-стратегические приоритеты. Исследователи констатируют размывание границ между войной и миром в эпоху гибридных и сетцентрических войн. Так, в одном из наиболее системных документов военно-политической сферы, увидевших свет в последнее время, в докладе РЭНД Корпорейшн «Dispersed, Disguised and Degradable» («Рассеянный, замаскированный и разлагающийся», май 2025) война предстает не отклонением от мира, а его новой формой, итеративным

процессом, системной глобальной нестабильностью. «Война не как хирургия, а как химиотерапия — изнурительная, токсичная, долгая». «Победа больше не выглядит как флаг над руинами. Победа — это когда противник не может понять, проиграл он или еще сражается». По сути, доклад РЭНД представляет собой технократический манифест войны нового типа, соответствующей эпохе управляемого хаоса, войны не за территорию, а за продвижение инструментов нового принуждения, «где фронт — понятие условное, а победа — эффект совокупных системных перегрузок противника» (Новый стандарт... 2025).

Известный феномен «туман войны» рассеивается в опыте боестолкновений 2020-х годов, благодаря беспрецедентному рывку в развитии средств наблюдения за действиями противника, — от спутниковых до БПЛА, абсолютной прозрачности линии фронта и появившейся возможности наносить высокоточные удары практически на любую глубину, вплоть до стратегической. Риски сосредоточения войсковых соединений и техники в одной точке, в том числе за линией боевого соприкосновения, заставляют менять основы военного дела. Боевые действия теперь должны вестись мелкими подразделениями и отдельными боевыми машинами, что требует изменения подходов ко всем аспектам боевого, тылового и технического обеспечения, организации войск и сил и развития всех систем вооружения и военной техники. Как настаивает бывший начальник Генштаба ВС РФ, генерал армии Ю. Н. Балувевский, необходим пересмотр доктрины военных действий и принципов организации линии фронта, вооруженных сил и планирования обороны в целом (СВО и революция... 2024).

В связи с изменением характера войны и боевых действий становятся сверхактуальными не востребованные в свое время у нас разработки стратегии не прямых действий (по Б. Г. Лиддел Гарту) и теории специальных военных операций, восходящие к концу 1990-х годов.

Если говорить о перспективах развития военно-стратегической ситуации в мире, то по факту большая часть предпосылок Четвертой мировой войны сложилась.

1. *Геополитические.* Сформированы коалиции: по одну сторону — страны Запада со слабеющими Соединенными Штатами и дышащим на ладан Евросоюзом, по другую — ось Москва — Тегеран — Пекин — Пхеньян. Это отражает главную коллизию эпохи — смену центров накопления капитала и мировой гегемонии: США и — шире — Запад уступают место КНР и странам АТР.

2. *Социально-экономические.* Приближение идеального экономического шторма в мировом масштабе, вхождение экономик большинства государств в кризисное состояние, снижение основных макроэкономических показателей, нарастающая имущественная поляризация населения и сокращение численности среднего класса.

3. *Социокультурные.* Запад, подготавливая мировое общественное мнение к грядущей гекатомбе, на протяжении как минимум последнего десятилетия последовательно демонизирует Россию, расчеловечивая русских. Подобное имело место, к примеру, в 1820-е — первой половине 1850-х годов, в преддверии Крымской войны (1853–1856).

4. *Социологические.* На высшие посты в руководстве ЕС и ведущих европейских странах поставлены реваншистски настроенные потомки высшего офицерства СС (от Ф. Мерца и А. Бербок до Д. Туска и У. фон дер Ляйен).

5. *Военно-стратегические.* Если говорить только о России, то в качестве болевых точек предстают: эксклав в лице Калининградской области и Приднестровская республика, которые обступают заметно превосходящие силы противника, наращивающего военный потенциал и уже приступившего к организации провокаций. В последнее время в связи с искусственно формируемой англосаксами смычкой Армении и Азербайджана к ним добавился Северный Кавказ.

6. *Логистические.* Подписана декларация о свободном перемещении войск НАТО («военный Шенген»), в рамках которой функционирует военно-транспортный коридор между Нидерландами, Германией и Польшей. Развиваются крупнейшие инфраструктурные проекты в Европе: Via Baltica (до 2030 г.), Via Carpatia (до 2027 г.), коммуникационный порт «Солидарность» (до 2028 г.); грузовой порт Роттердама готовится к приему грузов военного назначения с резервацией специально выделенных причалов и складов. В Молдавии модернизируют аэродромы Маркелушты и Бельцы, а также передаваемый Румынии порт Джурджулешты, обустраивают площадки для концентрации боевой техники. По железнодорожному маршруту, соединяющему балтийские порты и Западную Украину через логистический хаб под Краковом, идут военные грузы (главным оператором выступает Deutsche Bahn). Разрабатывается ТЭО скоростной автомагистрали Унгены — Кишинев — Одесса, предназначенной для военных поставок. В конце октября 2025 года Литва перекрывает Сувалкский коридор, обеспечивающий

транзит грузов из России и Беларуси в Калининградскую область (военное прикрытие осуществляет дислоцирующаяся в Литве 45-я бронетанковая бригада Бундесвера, оснащенная в том числе БПЛА-камикадзе). Это указывает на то, что развертывание войск НАТО носит не только оборонительный, но и наступательный характер.

7. *Военно-технические.* ЕС приняты план ReArm EU («Готовность-2030») и программа SAFE, направленные на закупку вооружений и развитие военно-промышленного комплекса стран Евросоюза. В частности, Германия планирует приобрести у США и в 2026 году разместить на своей территории пусковые установки Turphon, приспособленные под использование класса ракет средней и меньшей дальности, включая Томагавки, в том числе в ядерном снаряжении с дальностью полета 1,5 тысячи км. Активно развиваются европейские оборонные стартапы, включая производителей дронов-камикадзе, в частности, Helsing и Stark. Производство ударных БПЛА также налажено германским оборонным концерном Rheinmetall, который сотрудничает с американской и израильской компаниями-производителями беспилотников Anduril и UVision. Начиная с 2022 года площади военно-промышленных мощностей в странах ЕС выросли на 7 млн м², и строительство продолжается — так, Rheinmetall планирует построить на территории Украины завод по производству снарядов. Определяющим для принятия решения о начале боевых действий может оказаться достигнутое противником опережающее развитие в ряде важнейших военно-технических направлений, связанных с конвенциональными вооружениями, начиная от роевых порядков БПЛА, возможно, в комплекте с пилотируемой авиацией и заканчивая платформами ИИ типа Maven Smart System от Palantir Technologies, интегрирующими и обрабатывающими гигантские объемы данных от спутниковой разведки, беспилотных систем слежения и морской навигации до социальных сетей, и содействующими военному командованию в принятии решений.

Единственное, что может затормозить развязывание военных действий — нарастающий дефицит бюджета в большинстве стран Европы: от 2,8 % в Германии и 5,75 % в Великобритании до 5,8 % во Франции и 6,6 % в Польше (данные по 2024 г.). Впрочем, перед Первой мировой войной, в 1913–1914 годах, задолженность европейских стран и России также варьировалась от \$3,44 млрд в Великобритании и \$3,8 млрд в Австро-Венгрии до \$5,05 млрд в Германии, \$6,37 млрд во Франции и \$8,82 млрд в России,

что не помешало 28 июля 1914 года Австро-Венгрии объявить войну Сербии.

Можно вспомнить еще готовые в любой момент прорваться гнойные узлы на карте мира, как Китай — Тайвань и Иран — Израиль, Индия — Пакистан, Турция — Греция и станет очевидно, что достаточно к одной из этих зон уязвимости поднести фитиль, чтобы полыхнуло. А, как известно, у англосаксов по этой части многовековой опыт.

От культуры как «мягкой силы» до образования и демографии

На Западе осознание культуры как действенного инструмента проецирования силы имело место еще до работ Дж. Ная, датированных последними десятилетиями XX века, которые посвящены «мягкой силе» как форме политической власти. В России к такому инструментальному пониманию культурных практик приходят — и то, пока скорее в теории — с большим запаздыванием.

Тем не менее, критика постмодернизма в культуре и процессов вестернизации российской социокультурной сферы в постсоветскую эпоху относится к 1990–2000-м годам и связана с трудами А. И. Фурсова, В. Ю. Катасонова, Г. Г. Малинецкого, А. Г. Дугина, В. В. Аверьянова, М. Г. Деягина, В. П. Семенко и др.

Исследователи признают, что макроисторические сдвиги неизменно находят опору в художественной культуре и искусстве, которые смягчают и облагораживают присущий революционным изменениям воинствующий нигилизм. Как подчеркивает Н. А. Хренов, именно в искусстве и через искусство оформляются контуры будущей культуры (Хренов 2024).

Ученый выявляет основные особенности русской культуры, прежде всего ее переходный характер, непрерывную длительность и экзистенциальную изменчивость, сцепление флангов и дуалистическое взаимопроникновение, радикализацию границ. Как замечает В. И. Ионесов в рецензии на монографию Н. А. Хренова, «неизбежным синдромом переходности являются воспроизводимые ею ситуации неопределенности, непредсказуемости и критической напряженности. Эти ситуации могут превращать малозначительные факторы в судьбоносную силу, поэтому даже локальное или эпизодическое смещение способно радикально преобразовать систему» (Ионесов 2024).

Начиная с 1990-х годов в работах Н. А. Хренова проводится мысль о характерном для транзитных периодов разрушении верхнего культурного слоя с последующим прорывом

более ранних пластов ментальности. Первые десятилетия XXI века определяются именно таким «всплыванием реликтов», если воспользоваться формулировкой С. Б. Переслегина. По словам В. Т. Ионесова, кризис деформирует и оголяет «телесность» культуры, обнажаются нижележащие отложения, выходящие на поверхность. «В образовавшиеся щели, швы, трещины и разломы пробиваются примордиальные антропогенетические компоненты, близкие первобытности. Всякий кризис так или иначе сопровождается декультурацией социума, следствием чего становится неизбежный откат к пограничным состояниям, далекому прошлому, даже нередко к догосударственным и примордиальным сущностям, к биологическому субстрату человеческой натуры... Расшатывание такой взаимной конфликтной сопротивляемости всякий раз приводит к нагнетанию одного из флангов, что оборачивается институциональной деструкцией и подрывает основы жизнеспособности культуры» (Ионесов 2024).

Исследователи, опираясь на мировой опыт, в частности, стратегические документы англосаксонских стран, прежде всего датированные 2010–2020 годами, показывают, что понятия «ценность» и «культура» задают смысловой каркас современного геополитического дискурса. Сшибка мировоззрений и систем ценностей различных стран и цивилизаций нередко предшествует или идет в ногу с военно-политическими конфликтами и торгово-экономическими войнами. В определении А. В. Костиной и С. В. Сапожниковой, ценности — «это глубинные, сложившиеся веками и обусловленные особенностями исторического развития народа установки, которые имеют для него огромную значимость, находят отражение в языке, традициях и обычаях, становятся основой юридических установлений». Они обуславливают политический выбор людей, их представления о должном, образ будущего. Несмотря на то, что в 1960–1980-е годы работы советских философов в области аксиологии разворачивались параллельно с аналогичными разработками на Западе, закладывая фундамент разворачивающейся войны идеологий, в отличие от последних они оказались неустраиваемыми властью и обществом, что можно рассматривать как одну из предпосылок поражения СССР в Холодной войне (Костина, Сапожникова 2025).

Основу любой культуры составляют традиционные ценности, которые, с одной стороны, видоизменяются под воздействием новой культурной матрицы, сменяющей уходящую в исто-

рию, а с другой — выступают в качестве стабилизирующего, консервативного начала, вставая на пути обезоруживающего влияния агрессивных ценностей, чуждых, неорганичных принимающей культуре. Исследователи рассматривают традиционную культуру как «систему воспроизводства тех образцов деятельности, социальных институтов и норм, которые прошли многократную апробацию в аналогичных социокультурных обстоятельствах, и узаконены самим фактом их существования в прошлом. То есть, в субстанциональном аспекте традиционная культура представляет те элементы социокультурного опыта, которые транслируются — то есть, передаются» (Костина, Сапожникова 2025).

В культуре все чаще видится «якорь», позволяющий избежать, по Э. Тоффлеру, шока от столкновения с будущим, «бастион сопротивления» на пути глобалистских трендов. Иначе говоря, культура выступает как фактор национальной безопасности, препятствуя «разрушению всех идейных и ценностных опор, всех символов, которые придают смысл существованию любого народа», именно поэтому против культуры ведутся информационные и когнитивные войны (Костина, Сапожникова 2025).

В настоящее время, как подчеркивают исследователи, российские ценности испытывают постоянный прессинг со стороны идеологической машины стран коллективного Запада, продолжающего последовательный курс на вестернизацию российской культуры. «Любая экспансия и слом системы начинается с информационного воздействия и давления на аксиосферу. И именно собственные ценности и смыслы, в первую очередь, продвигают в окружающий мир страны в процессе конфликтов и войн, стремясь к изменению завоеванных пространств в соответствии со своими аксиологическими установками». То есть идеологическая обработка, переформатирование культурной матрицы противника предшествуют и опосредуют непосредственное проецирование силы (Костина, Сапожникова 2025).

В последнее десятилетие эта стратегия получила название «аксиополитика» (в 2013 г. термин ввел социолог-эмигрант И. Н. Андрушкевич). По сути, слово «аксиополитика» синонимично определению А. Азимова «психоисторического оружия», которое в последние десятилетия получило распространение в отечественной социо- и культурофилософской литературе (Костина, Сапожникова 2025). Основным направлением противостояния Советскому Союзу (ныне — Российской Федерации) является геокультурный аспект, который по объективным

причинам не получил должного внимания в рамках марксистской теории с её непреложной дихотомией базиса и надстройки. Не исключено, что данный подход сохраняется и в современной российской научной парадигме в силу инерции.

Тогда как англосаксонские фабрики мысли, начиная с 1960-х годов активно применяли и, надо думать, применяют психоисторические техники, в частности, с целью разрушения отечественного идеологического поля, при этом они эволюционировали от работы с бинарными к тернарным противоречиям (Сергей Переслегин... 2021).

В ситуации нарастающего кризиса культуры подвергаются критике бытовавшие с 1990-х годов ложные смыслы, или антисмыслы и антиценности, которые подчинили отечественную культуру, общество и государство. Сегодня очевидной становится необходимость расчистки социокультурного поля от накопившейся лжи и строительства на ее месте нового патристического мировоззрения. Как настаивает А. Г. Дугин, перед страной стоит задача деколонизации сознания (Это даст нам шанс... 2024).

Исследователи указывают на агрессивный характер идеологии либерализма, начиная с 1990-х годов оккупировавшей российское культурное пространство. Либерализм позиционируется как операционная система современности, рукотворная, навязанная и манипулятивная структура, в действительности, откровенно тоталитарная. «То есть либерализм — это своего рода махинация, симулякр, иллюзия» (Мелентьева 2023b).

Исследуются механизмы разрушения ценностного базиса России в эпоху перестройки и в 1990-е годы: специфика российской культурной матрицы отождествлялась с отсталостью, а расхождение с западными ценностями подлежало волевой корректировке. При этом, согласно Стратегии национальной безопасности США, американские ценности позиционировались как универсальные, общечеловеческие. «Подобное восприятие ценностей соответствует позициям позитивистского подхода, где ценности могут восприниматься как потребности. А потребности у человека как биологического существа фактически универсальны, и их отличия определяются только интересами человека» (Костина, Сапожникова, 2025).

Исследователи приводят подборку высказываний лидеров мнений конца 1980-х — начала 2000-х, в достоверность которых из нашего далека трудно поверить из-за отсутствия конкретных ссылок. Так, в издании «Советский

простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х» (под редакцией Ю. А. Левады, 1993) конструируется образ «простого советского человека» как обладающего «негативной идентичностью», конформного, ленивого и не способного к планомерному движению к цели, но завистливого к успехам других. Для И. М. Клямкина установка «каждый за всех» является формулой перманентной войны, которая используется для организации мирной жизни в «осажденной крепости». Сегодня чудовищным выглядит знак равенства между справедливостью и «уравнильностью вследствие бедности», нестяжательством и подрывом «стимулов к труду и бережливости, предприимчивости», самопожертвованием и «покорностью власти, холопством» (Е. Г. Ясин) (Костина, Сапожникова 2025).

Умопомрачение на какое-то время захватило даже лучшие умы. Так, Ю. М. Лотман полагал, что социокультурный слом конца 1980-х годов может привести к перекодировке российской культуры (от бинарности к искомой тернарности, свойственной западноевропейскому культурному типу исторического процесса). Аналогично А. С. Ахиезер в рамках концепции инверсии-медиации возлагал надежды на актуализацию последней слабо выраженной в русской культуре «смыслопорождающей середины» (А. П. Давыдов) (Памяти Александра Самойловича Ахиезера... 2025). Но оба ученых (Лотман в начале 1990-х, Ахиезер чуть позднее) отошли от утопических упований эпохи перестройки. Так, в последней своей книге «Культура и взрыв» Ю. М. Лотман констатирует: «Процесс, свидетелями которого мы являемся, можно описать как переключение с бинарной системы на тернарную. Однако нельзя не отметить своеобразие момента: сам переход мыслится в традиционных категориях бинаризма» (Лотман 2001). Сегодня становится очевидным, что бинарность, равно как и инверсионное развитие являются историко-культурными доминантами, можно сказать, константами русской социокультурной системы, подобно ускорению свободного падения или числу Авогадро в сфере естественнонаучного знания.

Неолиберальная элита расписалась в своей несостоятельности в имплементации социальных проектов, в свое время подкупив человечество утопическими картинами постиндустриализма. «Постмодерн стал орудием в руках западных элит в подведении человечества к бездне энтропии и финального уничтожения человека. Перед лицом этой угрозы, осознавая эсхатологический характер современной Битвы

умов (Ноомахии) в планетарном масштабе и имея ключи к ее парадигмам, традиционалисты призваны объединить свои усилия в битве за человечество, за жизнь и достоинство Человека» (Мелентьева 2023а).

А. Г. Дугин с опорой на исторический материал прослеживает истоки формирования «трех-членки»: дикость — варварство — цивилизация, включая ее практические приложения (от закабаления Западом других народов до искусственного раздувания конфликтов и войн). Он обосновывает необходимость радикального разрыва с Западом, что предполагает отказ от последовательно и навязчиво внедряемых им, начиная с Нового времени основных принципов и постулатов: от индивидуализма и материализма до экономизма и культуры гедонизма и распада. Философ подчеркивает, что эти принципы не имеют точек соприкосновения ни с одной из больших культур (Дугин 2023).

Перебрасывая мост к сегодняшнему дню, А. Г. Дугин рассматривает СВО как начало эсхатологической битвы между Традицией, с одной стороны, и современной либеральной идеологией и глобалистской политикой, с другой. «Именно поэтому все чаще мы говорим об Армагеддоне, последней решающей битве между армиями Бога и сатаны», — заключает ученый, ссылаясь на известные слова президента России (Директива... 2023).

Если конкретизировать «свидетельства обвинения»: объектами пристрастного анализа становятся получившие широкое распространение на рубеже XX–XXI веков концепции технологической сингулярности (В. Виндж, Р. Курцвейл и др.), трансгуманизма и иммортализма (Н. Бостром, Д. Пирс и др.), а также имеющего глубокие исторические корни экуменизма как неолиберального движения в лоне церкви.

В самое последнее время в связи с приходом к власти в Соединенных Штатах интеллектуальной и политической технофаши, в определении Максима Калашникова, — от И. Маска и П. Тиля до А. Карпа и П. Лаки — набирает силу критика поднимающего голову американского техноимпериализма. Так, Калашников подробно разбирает вышедший в 2025 году манифест «эльфийского технофашизма» — книгу лидеров компании «Палантир Технолоджиз» А. Карпа и Н. Замиска «Технологическая республика: жесткая сила, мягкая вера и будущее Запада». Он показывает, что трамписты, беря на себя прогрессорскую функцию, выстраивают «технологическую республику» — демонтируют либерально-глобалистскую повестку, вокизм

и идеологию потребительства, выдвигают программу восстановления альянса науки, ВПК и государства, обеспечения очередного цивилизационного рывка, стратегического технологического превосходства Штатов, тем самым готовя американское военно-стратегическое доминирование в преддверии нового техномира и связанного с ним мирохозяйственного уклада (Калашников 2025).

Соответственно, дабы не остаться на обочине разворачивающегося процесса «пересдачи карт истории», России вслед за Америкой необходимо отказаться от политики искусственного торможения научно-технического прогресса, восходящей ко второй половине 1960-х и связанной, по А. И. Фурсову, с отказом от проектов, которые могли бы обеспечить прорыв Советского Союза в посткапитализм, а именно: общегосударственной автоматизированной системы (ОГАС) В. М. Глушкова, разработок по холодному термоядерному синтезу И. С. Филимоненко и инноваций в военно-технической области В. Н. Челомея. Речь идет, опять же следуя новейшему американскому опыту, об альянсе государства, науки, армии и спецслужб (В СССР... 2019).

Как бы то ни было в 2020-е годы в культуре России происходят решительные изменения — достаточно упомянуть о принятой в 2021 году Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и указе «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», который, ставя во главу угла приоритеты обеспечения национальной безопасности в сфере культуры, обосновывает необходимость патриотического воспитания молодежи и распространения традиционных ценностей. Среди них — жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Наша страна позиционирует себя как носителя христианских ценностей в условиях противостояния с постхристианским Западом с его множющимися культурно-нравственными девиациями: от LGBTQ (в России признана экстремистской и террористической организацией) до BLM.

В последнее время разворачивается процесс реабилитации исторически сложившихся

в дореволюционной России и СССР моделей образования, которые целенаправленно тратировались в постсоветскую эпоху. Г. Г. Малинецкий с цифрами в руках показывает катастрофические результаты многодесятилетней политики в образовательной области с ее демократизацией, открытостью, регионализацией, гуманизацией, вариативностью и т. п. Согласно данным международной организации PISA, анализирующей уровень образованности 15-летних школьников 80 стран, с 2010-х по 2020-е годы, россияне из третьего десятка перекочевали в четвертый, в первой же десятке оказываются страны, нацеленные на реализацию понятий «справедливость» и «научно-техническое развитие»: КНР, Южная Корея, Япония, Финляндия (Педсовет... 2024).

А. В. Савватеев, автор «Манифеста спасения массовой школы в России», положенного в основу доктрины движения «Родная школа», призывает признать школу государствообразующей структурой, проведя пересборку системы массового образования (Неученья тьма... 2025).

В 2022 году Россию исключили из международного образовательного соглашения, именуемого Болонской системой. Первоначальной реакцией на этот демарш явилось решение о сокращении обучения бакалавров и постепенный отказ от ЕГЭ. Если обратиться к результатам социологических исследований, то свыше 60 % российских граждан приветствуют отказ от двухступенчатой образовательной модели, с их точки зрения, не дающей систематических знаний. Что касается ЕГЭ, то законопроект о его отмене, внесенный в 2024 году в Госдуму, был отклонен. В ближайший год ситуация вряд ли изменится, несмотря на углубляющиеся кризисные явления в сфере российского образования.

Другая перезревшая проблема, имеющая прямое отношение к национальной безопасности страны, связана с потенциальными рисками наблюдаемого на протяжении более 60 лет демографического сжатия. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) оказывается ниже 1,4, при том, что простое воспроизводство населения предполагает 2,1–2,15. В настоящее время положение дел в демографической области таково: с марта 2025 года статистические данные перестали официально публиковаться Росстатом.

Разворачивается критика концепции демографического перехода, авторы которой придерживаются сугубо прогнозно-констатирующего, пассивного подхода, в отличие от плано-преобразующего, проектного. Актуальная демографическая политика, включая

завоз мигрантов как способ решения проблемы нехватки рабочих рук в ряде сфер экономики, в частности, организация Минстроем РФ так называемых узбекских поездов, вызвала решительное противодействие со стороны силовых структур.

В общественном сознании демографические и миграционные проблемы выходят на главные роли. Так, в докладе «Россия-2050. Образ будущего», который подготовлен по итогам Форума будущего под редакцией Константина Малофеева, организованного Институтом «Царьград» (июнь 2025 г.), тема демографии и миграции занимает лидирующее положение. В глазах авторов демографическая яма предстает одной из главных проблем, блокирующих развитие России.

В качестве альтернативы предлагается повышение СКР посредством увеличения материальной помощи молодым семьям, разрежения заселения крупнейших и крупных городов и ландшафтно-усадебной урбанизации, развития программ поддержки многодетности, в том числе предоставления земли под застройку и др.

В 2010-е годы Ю. В. Крупновым выдвинута концепция так называемого русского миллиарда. Автор исходит из того, что к концу XXI века европейская и латиноамериканская цивилизации будут насчитывать 1 млрд, китайская и индийская — 1,5–2 млрд, исламская превысит 2 млрд, а африканская — 3 млрд человек. При том, что, согласно официальным прогнозам, население России сократится до 100 млн человек, что вряд ли совместимо с жизнью в окружении миллиардных цивилизаций (Русский миллиард... 2018).

Производительная экономика на смену финансиализации

Прежде всего об общемировой рамке. Начиная с эпохи неолитической революции до второй половины XVIII века мировая экономика давала прирост 0,2–0,4 % в год. Только первая промышленная революция, затронувшая вслед за Великобританией остальные страны Запада, а за ним и Востока, позволила десятикратно увеличить годовой экономический рост, перейдя от асимптотического к экспоненциальному развитию. Этот рывок нашел отражение в экономике, политике, культуре. Такое положение дел сохранялось до рубежа XX–XXI веков. В формулировке А. И. Фурсова, «отсрочка в чetyреста лет окончена». Следствием является каскад дисфункций — нарастающее имущественное расслоение и сокращение среднего класса, вынашивание ультраглобалистами неомальтузианских планов и переход к кастовому обществу,

ликвидация частной собственности и построение Digital Public Infrastructure как проекция концепции инклюзивного капитализма (Фурсов 2023).

Переход от финансового капитализма к посткапиталистической стадии развития не может не изменить сложившуюся социальную конфигурацию — эксисты вытесняют финансистов, цифровые технологии и социальные платформы угрожают стать могильщиками банковского капитала (Делягин 2025). Закат империи доллара, провозглашенный еще в середине 2000-х А. Б. Кобяковым и М. Л. Хазиным, может стать свершившимся фактом. Экономисты не только прогнозируют надвигающийся крах на фондовой бирже, но и предполагают, что второе пришествие Д. Трампа связано с осознанием наднациональными структурами согласования и управления неминуемости финансово-экономического коллапса, распада рынков, разрушения системы мирового хозяйства. А. Б. Кобяков и М. Калашников не исключают, что было принято судьбоносное решение, развязав торговую войну, «подтолкнуть падающего», спровоцировать мегакризис, броситься в эту экономическую пучину первыми, чтобы первыми же выскочить из омута, реиндустриализовавшись и оставив барахтаться, да еще и топя всех остальных. В принципе возможен и контрвариант — гражданская война в США, инициированная покидающими историческую сцену леволиберальными кругами. В обоих случаях наиболее незавидна участь стран деиндустриализованных, являющихся топливно-сырьевым придатком развитого мира — цены на углеводороды в схлопывающейся мировой экономике упадут до возможного минимума («Тайная доктрина»... 2025).

С начала 1990-х годов российская экономика следует букве Вашингтонского консенсуса, разработанному в 1980-е гг. своду правил для стран периферийного капитализма, имеющему целью обеспечение их стратегического неразвития, в случае с Россией — исполнения роли топливно-сырьевого придатка развитых стран, ликвидации либо минимизации объема физической экономики.

Начиная с 2010-х годов активизируется критика неокOLONиальной экономической модели — равно как и системообразующих основ капитализма и, в частности, капитализма финансового: от ссудного процента до финансовализации экономики и угнетения реального сектора. Так, В. Ю. Катасонов убежден, что ссудный процент неизбежно приводит к кризису — в экономике, политике, социальных

отношениях, духовной жизни (Катасонов 2023). Недоступность кредита как следствие хронически завышенной ключевой ставки Центробанка оказывает разрушающее действие на экономику, приводит к сжатию производства, росту банкротств прежде всего обрабатывающих предприятий.

Среди других экономических бед России специалисты называют: открытость экономики, снятие ограничений для трансграничного движения капитала, отток капитала, в том числе осуществляемый самим ЦБ, офшоризацию и долларизацию экономики, плавающий курс рубля, проведение жесткой монетарной политики: от сжатия денежной массы до таргетирования инфляции. Один из наиболее принципиальных критиков проводимого экономического курса, известный промышленник В. Н. Боглаев подробно разбирает так называемую ловушку Э. С. Набиуллиной, которая возникла в последние полтора-два года и заключается в невозможности изменения курса рубля, минуя негативные последствия для экономики. Возникает вилка: либо ослабление рубля и рост цен на импортные товары, доля которых составляет до 70 %, соответственно раскручивание маховика инфляции, приводящей к закрытию предприятий, либо сохранение текущего курса — на выходе неисполнение бюджета, нарушение социальных обязательств и вытеснение дешевым импортом товаров отечественных производителей. «Бескровного выхода нет», — вынужден констатировать В. Н. Боглаев (Боглаев... 2025). Анализируя взаимоотношения между тремя сферами: природной рентой, производством и сегментом услуг, Боглаев приходит к выводу, что в нашей стране в условиях схлопывающейся обрабатывающей промышленности и развития топливно-сырьевой отрасли сервисная экономика, по сути, является раковой опухолью на теле страны.

С. Ю. Глазьев связывает перспективу изменения существующей экономической модели, обрекающей страну на темпы экономического роста ниже среднемировых, с происходящей одновременной сменой мирохозяйственного и технологического укладов. В настоящее время мир переживает транзит от имперского к интегральному мирохозяйственному укладу с ядром в странах Юго-Восточной Азии, который характеризуется совмещением централизованного стратегического планирования с механизмами рыночной самоорганизации «Такие события... 2022).

Многие экономисты — В. Ю. Катасонов и М. Г. Делягин, А. Б. Кобяков и М. Л. Хазин,

С. О. Сухарев и Е. Н. Ведута — видят выход из создавшегося геоисторического тупика в комплексе мер: это и суверенизация Центробанка, и деофшоризация экономики, и введение государственной монополии на внешнюю торговлю, и изменение бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики, и внутреннее ценообразование, и обращение к таким проверенным во многих странах, в том числе капиталистических, инструментам, как государственное планирование и межотраслевой баланс.

Разрабатываются и новые организационно-управленческие модели, например, солидаристская экономика с ее общинно-кооперативным началом, принадлежащая В. А. Лепехину. В конце 1990-х — 2010-х годах модель солидаристского капитализма сумел реализовать в отдельно взятом российском регионе губернатор Белгородской области, ныне сенатор, Е. С. Савченко.

В самое последнее время плановое начало получает государственную санкцию. Фонд «Кристалл роста» приступил к разработке цифровой системы стратегического планирования «ИИ-Госплан 2.0» с опорой на искусственный интеллект. Заказчиком выступает Совет безопасности РФ в рамках контракта с Администрацией Президента России во исполнение Указа Президента РФ «Об основах государственной политики в сфере стратегического планирования».

С развитием капиталистических отношений и формированием финансового и промышленного капитала разворачивается картина их постоянной борьбы за первенство. Последние десятилетия XX и первые XXI века характеризуются доминированием финансового капитала над промышленным, что стало особенно очевидным с победой неолиберализма в мировом масштабе в 1980–1990-е годы. При этом, как отмечает А. И. Фурсов, с активизацией военных конфликтов в первые десятилетия XXI века их соотношение стало заметно меняться, как следствие роста потребности в системах вооружений и расширения портфеля заказов военно-промышленного комплекса.

Подвергается критике деиндустриализация мировой экономики под прикрытием постулата об устойчивом развитии, экологических приоритетов и «зеленых» инноваций с подачи глобалистских структур — от Римского клуба до ВЭФ, восходящая ко второй половине 1960-х годов. По сути, идеологема экологической устойчивости явилась одним из инструментов в руках «восставших элит» (по К. Лэшу), направленных на сдерживание научно-технического и промышленного развития и отказ от завоеваний демократии. Что со всей очевид-

ностью было зафиксировано в докладе для Трехсторонней комиссии «Кризис демократии: управляемость демократических государств» (1975), подготовленном М. Крозье, С. П. Хантингтоном и Дз. Ватануки и имеющем целью «восстановление престижа и авторитета центральных государственных институтов» (Фурсов 2022).

Альтернативой этому инволюционному процессу, разворачивавшему вектор общемирового социального развития последних полутора-двух веков, предстает политика разумного протекционизма, которая не миновала ни одну из промышленно развитых стран: от Британии и СССР до США, Южной Кореи и Китая, как предпосылка и основание реиндустриализации российской экономики.

Когда практики постиндустриализма переводили промышленность из развитых стран в развивающиеся, дабы обезопасить высшие классы от присутствия «синих воротничков» и одновременно увеличить прибыли за счет более дешевой рабочей силы и низких эксплуатационных расходов, они были уверены в собственной непогрешимости — раз управление, наука и образование остаются в странах-метрополиях, будто бы все оказываются в выигрыше. Однако дальнейший ход событий показал, что это вовсе не так — в третьих странах рядом с перенесенными туда производствами возникают менеджмент, наука и образование, тогда как в метрополиях в отсутствие промышленного ядра они последовательно деградируют.

На Западе к осознанию данного скорбного факта пришли в первые десятилетия XXI века. В это время в России также появляются голоса, констатирующие неразрывность связи производства, науки и образования. Анализируются процессы искусственного торможения научно-технического прогресса и индустриального развития в мире и в СССР во второй половине 1960-х годов. Исключение делалось только для потребительско-развлекательной линейки товаров, а также технических средств наблюдения и контроля населения, столь значимых для общества потребления, постепенно превращающегося в общество надзорного капитализма, по Ш. Зубофф.

Объектами критики становятся «одноразовые» предметы и бизнес-схемы, предполагающие искусственное ограничение срока службы товаров: от электрических чайников до автомобилей, которые получили широкое распространение в 2000-е и последующие годы. Так, Г. Г. Малинецкий в качестве примера «обратного прогресса» приводит холодильники, последние

марки которых не только характеризуются ограниченным сроком службы, но и более низким КПД по сравнению с их аналогами середины XX века.

Сегодня, внимательно наблюдая за трампиистой Америкой, отечественные эксперты из патриотического лагеря не видят путей преодоления надвигающихся социально-экономической и политической катастроф, кроме как альянс государственной власти, новой науки о человеке, обществе, мире в целом и силового блока. А. И. Фурсов убежден, что XXI век, на который приходится переходный период от капитализма к новой социальной системе, станет полем битвы на предмет того, кто кого отсекает от будущего, и в этой перспективе победит тот, кто упадет последним, желательно на труп врага (Фурсов 2024).

Традиционалистский поворот в архитектуре России в 2010-е — середины 2020-х годов — начальный этап

Как изменения, происходящие в сфере культурного сознания общества, отражаются в материале архитектуры? Какие из ее разделов оказываются в лидерах, а кто запаздывает или вовсе воспроизводит нарративы, скрывшиеся за поворотом истории?

Прежде всего, следует отметить значительный интервал запаздывания архитектуры как следствие инерционности данного вида человеческой деятельности — первые симптомы смены западоцентричной архитектурной парадигмы обнаруживают себя только в 2010-е годы. И оказываются они в значительной мере «обратной» реакцией на активизацию неолиберальной повестки, спроецированной на сферу архитектуры, а также следуют логике внутривидовой эволюции.

Имеются в виду, прежде всего, связанные с возрождением тенденции:

- 1) интереса общественности и власти к сохранению объектов культурного наследия и реставрации;
- 2) дисциплин градостроительство и территориальное планирование, в частности, сегмента малых поселений;
- 3) национальных и региональных архитектурных традиций.

Охрана наследия и реставрация как ведущий тренд

Охрана памятников и реставрация всегда держались особняком внутри архитектурной

профессии. Это очевидно по целому ряду причин — от идеологических до сугубо профессиональных, связанных со спецификой предмета, образа деятельности, набора знаний, умений и навыков. И даже отпочковалась дисциплина «Охрана культурного наследия и реставрация» от древа архитектуры ранее других субдисциплин еще в середине XIX века. Правда, называлась она тогда «Художественная археология» и первоначально связана была с созданием сводов древностей, то есть, говоря современным языком, памятников.

С тех пор охрана наследия и реставрация прошла большой путь: от стилистической, «авторской», реставрации, когда архитектор-реставратор вслед за Э. Виолле ле Дюком пристраивал к телу древнего собора, возводившегося, как правило, на протяжении столетий, «не хватающие» с его точки зрения фрагменты или детали, до постулатов Венецианской хартии 1964 года с ее рекомендациями скорее консервационного, нежели реставрационного свойства — новые включения не должны подстраиваться, мимикрировать «под старину», реставратору следует минимально затрагивать тело памятника, новое должно существовать «на отnose», чтобы можно было эти новые включения в любой момент убрать, демонтировать без каких-либо последствий для тела объекта культурного наследия (ОКН). В рамках данной профессиональной матрицы подлинность, аутентичность материальной субстанции представляют собой главную ценность. Соответственно, воссоздание утраченных памятников — строительство так называемых «новоделов», равно как и произвольная, «авторская», реставрация не приветствуются, хотя напрямую и не запрещаются.

Обладают ли эти профессиональные рекомендации универсальностью? Дело в том, что формулировались они в первой половине XX века с опорой в основном на опыт работы с культурным наследием западноевропейских стран. Его отличают, во-первых, высокий уровень сохранности, а во-вторых, количество дошедших до нас памятников, представляющих практически все исторические эпохи, включая Античность.

По обоим этим показателям отечественное наследие определенно уступает европейскому опыту — историко-культурный слой у нас не в пример более тонкий и уязвимый по сравнению с западными странами в силу ряда объективных причин. Во-первых, в зимний период число циклов замораживания-оттаивания у нас на порядок больше. Во-вторых, российская история с ее постоянными набегами кочевников, война-

ми, бунтами и революциями гораздо более прерывиста, чревата пожарами и разрушениями. В-третьих, качество строительных материалов и собственно строительства, равно как профессиональные и человеческие качества подрядчиков, как правило, ниже. В-четвертых, по многим причинам — от более благоприятных природно-климатических условий до колониального ограбления других стран и народов — уровень богатства большинства стран Запада выше российского.

Все это обуславливает специфичность подходов к охране и реставрации объектов культурного наследия в нашей стране, принципиальную несводимость их к западным прописям и рецептуре. За исключением псковско-новгородской реставрационной школы у нас доминирует практика воссоздания утраченных памятников, а также их реставрация, в отличие от западной традиции трактуемая скорее не как консервация, а носящая более свободный характер. При подготовке проекта реставрации ОКН учитывается не только ценность материальной субстанции, его аутентичность, но и значимость памятника для национального самосознания, его градостроительная и средовая ценность, наличие сохранившихся «родственных» объектов культурного наследия — представителей того или иного исторического периода, архитектурной школы и др.

Эпоха постмодерна, породившая такие концепты, как пастиш и симулякр, придавала дополнительный импульс коллизии подлинник / новодел, столь актуальной для отечественного общекультурного и внутрипрофессионального дискурса.

Таким образом, значимость историко-культурного наследия для отечественного общественного сознания исключительно высока. На изломах истории, вслед за гимном, флагом, фигурами национальных героев, архитектурные памятники берут на себя роль общекультурных символов, концентрирующих национальные смыслы, формирующих чувство гордости, призванных сплотить народ, укрепить моральный дух.

На 2010-е годы приходится растянутый во времени процесс осознания надвигающегося перерыва постепенности, грядущего исторического слома. Носители неолиберальной культурной матрицы, очевидно, предчувствуя крах господствовавшего с 1990-х западнического мировоззрения, по сути, механически, не задумываясь о разнице условий, прежде всего градостроительных, перенесли из актуальной мировой практики и фетишизировали одно из направ-

лений профессиональной деятельности — благоустройство общественных пространств, по факту поставив его на службу политическим интересам.

На Западе, а вслед за ним и на Востоке имплементации тенденции средоустройства предшествовала программа многолетней структурной реорганизации планировочной структуры городских центров от модернизации транспортной и инженерной инфраструктуры до развития типологии социального жилья. Нашу же страну эти процессы обошли стороной. В конце 1970-х — начале 1980-х годов подготовка к Олимпиаде-80 и ввод войск в Афганистан, в 1990-е распад Советского Союза и последующий экономический коллапс поставили крест на модернизации и структурной трансформации советских и российских городов. Можно сказать, что мы вынужденно пропустили важнейший эволюционный этап.

Тренд благоустройства получил санкцию со стороны российской власти, прежде всего, в начале 2010-х годов в Москве, затем в Московской области, наконец, во второй половине 2010-х на федеральном уровне. Сложился искусственно поддерживаемый миф, что не появление новых рабочих мест и объектов транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры, а развитие благоустроенной городской (сельской) среды, косметическая составляющая способны остановить бегство селян и жителей малых городов в крупные центры.

Параллельно развивались процессы, связанные с повторной вестернизацией профессиональной сферы, от распоряжения Правительства о применении «типовых западных проектов» (впоследствии сошло на нет) и попытки использования в метростроительстве мадридской двухпутной модели до инвазии зарубежных архитекторов, в том числе ничем не выдающихся, средней руки и ниже, в ущерб занятости российских специалистов, и распространения высших учебно-образовательных учреждений, следующих в фарватере или прямо аффилированных с западными институтами.

Альтернативой этому мощному вестернизационному вектору стал самотождественнический тренд, ориентированный на отстаивание интересов российской архитектуры. Это и противостояние архитекторов, особенно в российских регионах с их дефицитом заказов по сравнению со столицами неравноправной, недобросовестной конкуренции со стороны западных специалистов в условиях отсутствия элементарных защитных механизмов отечественного рынка проектных услуг, и слаженное противодействие

профессиональных институций протоколу о приоритетности типовых западных проектов, и нарастание внимания к охране объектов культурного наследия и реставрации.

Собственно, этот последний тренд, очевидно, оказался наиболее заметным и значимым. В первой половине 2010-х годов происходит ряд организационных подвижек, свидетельствующих об изменении культурного статуса профессии реставратора, оказавшейся на задворках общественного и властного внимания в 1990–2000-е годы и сумевшей сохраниться и пережить эти тяжелые времена.

В 2014 году был основан Союз реставраторов России, в настоящее время охватывающий 50 регионов страны. В 2013 году появилось звание «Почетный реставратор города Москвы», в 2012-м Московским правительством учрежден ежегодный конкурс «Московская реставрация». С 2018 года Союз архитекторов России проводит всероссийский конкурс «Архитектурное наследие». Лауреатами этих смотров-конкурсов становятся самые разные с типологической и стилистической точки зрения объекты реставрации: от храмов до особняков и доходных домов и от барокко до конструктивизма и сталинской архитектуры.

Следует заметить, что до 2010-х в России отсутствовал опыт реставрации и приспособления зданий советского конструктивизма, которые требуют нетрадиционного подхода в силу ряда обстоятельств: от специфичности пространственных решений и конструктивной основы до уязвимости материальной субстанции и особого качества архитектурных деталей. Первым опытом стала реставрация, реконструкция и приспособление дома-коммуны И. С. Николаева на улице Орджоникидзе в Москве, возведенного в 1928–1930 годах (2007–2017, архитекторы В. О. Кулиш, Н. И. Зайцева, научный руководитель А. П. Кудрявцев) (Кулиш 2014). Вынужденный уклон в сторону реконструкции — здание, пережившее пожар, приспособлено под общежитие студентов МИСиС — вызвал противоречивые отклики и оценки.

Однако этот первый опыт открыл дорогу последующим реставрациям объектов советского авангарда. Одним из бесспорных достижений стала реставрация и приспособление здания Наркомфина на Новинском бульваре в Москве, построенного в 1928–1930 годах М. Я. Гинзбургом, И. Ф. Милинисом и инженером С. А. Прохоровым (2016–2020, бюро А. В. Гинзбурга). Наряду с восстановлением объемно-пространственного решения здания, в частности, высвобождением застроенного в 1960-е годы про-

странства первого этажа, разработана методика работы с плотью здания, включая изготовление реплик отдельных элементов в соответствии с исторической технологией, их визуальное дистанцирование от подлинной субстанции, а также интеграцию новых технологических систем, от лифтов до стеклопакетов и «умного дома», выполненных в подчеркнуто нейтральной стилистике и, по мысли реставраторов, развивающих инновационные решения 1920-х (Гинзбург 2014). Борьба за сохранение подлинности и духа времени, в определении А. В. Гинзбурга, была достойно оценена — реставрация дома Наркомфина удостоена множества наград, включая премию конкурса «Московская реставрация» и Гран-при «Архитектурного наследия».

В последнее десятилетие все более значимые финансовые средства направляются на реставрацию, реконструкцию и приспособление объектов культурного наследия. В 2025 году президентом России анонсирована программа реставрации более тысячи памятников к 2030 году, которая предусматривает их приспособление к различным функциям, от музейной до образовательной и гостиничной. В Москве за последнее десятилетие отреставрировано порядка 2500 зданий, в результате чего по официальным данным доля аварийных памятников составляет 3,1 % — ниже, чем в Лондоне с его 4 % и в Париже с 7 %. В частности, в прошлом году отреставрировано 157 объектов культурного наследия.

Достоверным свидетельством роста престижности охраны наследия и реставрации является переток архитекторов в смежную область — тенденция, диаметрально противоположная тренду 1990–2000-х годов, когда профессия реставратора оказалась не у дел, особенно в провинции.

Возрождение градостроительства и территориального планирования — к малым городам и сельским поселениям

Дисциплины градостроительство и территориальное планирование, равно как и охрана культурного наследия и реставрация, в 1990–2000-е годы выпали из профессионального обихода. С конца 1980-х — начала 1990-х годов финансовые средства перетекали из кармана государства в карманы частных собственников, которым не было дела ни до российских городов, ни до памятников архитектуры. Разворот тренда — возрождение градостроительства — относится к концу 2000-х — началу 2010-х годов.

Первой в этой дисциплинарной цепочке была ландшафтная архитектура, или благоустройство

общественных пространств — можно сказать, первый масштабный уровень градостроительства. Признаки возрождения ландшафтной архитектуры относятся к середине — второй половине 2000-х — отправной точкой послужили молодежные архитектурные фестивали на пленере, целью которых было обустройство среды посредством организации различных пространственно-пластических мизансцен, от качелей и скамеек до павильонов и арт-объектов. Первыми в этом ряду были фестивали «Архстояние» в деревне Никола-Ленивец и каждый раз менявшие свою локацию «Города», возникшие в 2004 году, после чего их опыт был масштабирован на всю страну от Иркутска и Казани до Нижнего Новгорода и Самары.

Вслед за ландшафтной архитектурой наступил черед следующего по масштабу в этой последовательности «ландшафтная архитектура — градостроительство — территориальное планирование — расселение» градостроительства, за ним — территориального планирования, которое имеет дело уже не с одним, а с несколькими населенными пунктами и связями между ними (имеются в виду транспортная, социокультурная, инженерная инфраструктура).

Эта тенденция, связанная с осознанием значимости пространственного планирования для развития страны, находит отражение в утвержденном в 2014 году Федеральном законе № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и принятых в середине 2010-х схемах территориального планирования (СТП) транспорта, трубопроводного транспорта, объектов здравоохранения и высшего образования, национальной безопасности.

К 2010-м годам относится появление интереса — как со стороны местных властей, так и предпринимателей, и общественности — к возрождению малых городов и сельских поселений, пусть он и носит избирательный — дисперсный — характер. Тем не менее, к настоящему времени насчитывается несколько десятков примеров таких возрожденных и возрождаемых малых городов, сел и деревень. Нельзя сказать, что существуют какие-то общие закономерности, новая жизнь связана каждый раз с особыми обстоятельствами: в одном случае это близость обители и энтузиазм батюшки (с. Губино близ Оптиной пустыни), в других — неумность отдельного предпринимателя, обуреваемого перспективой наживы, либо чаще патриотической, мемориальной, демографической сверхидеи (Доброград, Киржач, с. Вятское, д. Ловчиково, на очереди Менделеевград), посткиношный эффект (с. Териберка), сувенирная установка,

исходящая от местных властей или общественности (Суздаль, Плес), артистические устремления, направленные на создание арт-общин или арт-городков (куст деревень Ошевенск, Знатная сторона под Плесом). Есть города айтишников (Иннополис) и рекреационно-туристические дестинации (проект «Белая Дюна»).

В качестве примера приведем организацию арт-общины в Ошевенске на Каргополье, инициированной профессором Московского архитектурного института (МАРХИ), основателем Мастерской ТАФ А. П. Ермолаевым. Все началось с поездок студентов А. П. Ермолаева на практику в Каргополь с заездом в Ошевенск в середине — конце 1980-х годов, курсовых и дипломных проектов на тему развития Каргопольской земли и Ошевенского куста деревень; затем, в начале — середине 1990-х выставок в церквях Введенской, Троицкой, Иоанна Предтечи по заказу Каргопольского музея, расчистки территории заброшенного в то время Александро-Ошевенского монастыря и установки поддерживающих подпорок, сооружения автобусной остановки, и наконец в 1995 году приобретения первого жилого дома за 2 млн руб. (тогда эквивалент \$1 тыс.). «Это практически ненужное приобретение положило начало нашему укоренению в Ошевенске и приобретению опыта восстановления «дома для жизни», — пишут ТАФовцы (Северная лаборатория... 2025). За ним последовали приобретение, последующая реконструкция и приспособление под жилье, музей, мастерские еще десяти и строительство нескольких домов, в том числе Летней школы ТАФ, не считая арт-объектов, бань, помостов, артистических, спортивных и рекреационных площадок и туалетов.

В результате напротив Александро-Ошевенского монастыря, ныне действующего, через реку Чурьегу, по обе стороны от дороги, связывающей монастырь и деревни Низ, Ширяха, Погост, Выползово, образовалось компактное арт-поселение, точка сборки ТАФовцев, близких им архитекторов, художников и студентов кафедры Дизайна архитектурной среды МАРХИ. По сути, сформировалась и развивается новая модель гармоничного мироустройства, подразумевающего неразрывность повседневной жизни и работы, учебы и отдыха. Помимо прочего, удалось сохранить одну из частей поселения, к 2000-м находилась в состоянии упадка. (рис. 2, 3).

«Длительная работа в Ошевенске над пристройками, перестройками, реконструкциями, новыми объектами привела нас к пониманию глубины „простого делания“, ценности работы,

Рис. 2. Арт-община в Ошевенске на Каргополье. Середина 1990-х — по настоящее время. Вид сверху. Арт-городок на переднем плане, на противоположной стороне реки Чурьегы, за мостом — действующий Александр-Ошевенский монастырь

Fig. 2. Art community in Oshevensk, Kargopolye. Mid-1990s–present. Aerial view. Art town in the foreground; on the other side of the Churyega River, beyond the bridge, is the active Alexander Oshevsky Monastery

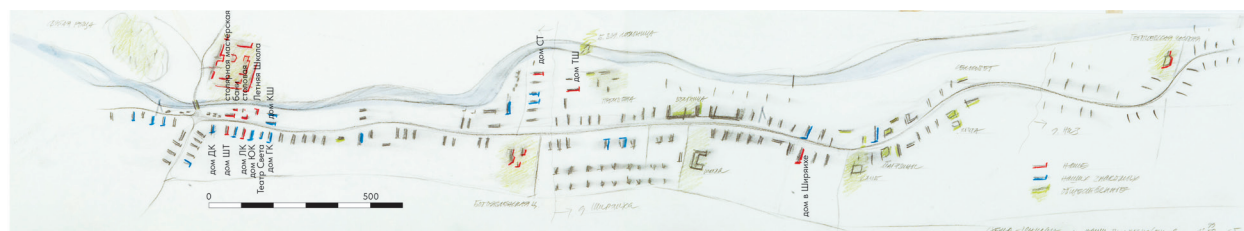

Рис. 3. Арт-община в структуре куста деревень Ошевенск. Схема ситуационного плана

Fig. 3. Art community within the Oshevensk cluster of villages. Site plan

свободной от нарочитого устремления удивить, украсить, делать что-то сверх необходимого, сохраняя таким образом, то, что принято называть вернакулярной архитектурой» (Северная лаборатория... 2025), — из творческих принципов ТАФовцев, рифмующихся с бартовским концептом «смерть автора» и одновременно приоткрывающих новую страницу в истории российской архитектуры, переступающей через скрывшуюся в тумане эпоху 1990–2010-х годов.

Выше перечислены самые разные сценарии возрождения малых поселений, в большинстве своем уже реализованные. Несмотря на наличие обнадеживающих примеров, они не способны

кардинально изменить ситуацию в требуемом масштабе. Для чего требуются прежде всего социальный запрос, общегосударственная санкция и солидный экономический ресурс.

В действительности, реальным механизмом обретения новой жизни сотнями и тысячами поселений, заброшенных и влачащих жалкое существование, могла бы стать реиндустриализация, предполагающая отказ от гиперконцентрации населения в крупнейших и крупных центрах и возрождение расселенческой сети, а именно, наложение карты заброшенных поселений и существующих, возрождаемых или новых производств: от ОПК и газоперерабатывающих кластеров до агропроизводств

и деревообработки. С этой целью необходимо принять специальные госпрограммы, узаконить зависимость ключевых показателей эффективности (КПИ) губернаторов от возрождения промышленности и, соответственно, содействия более равномерному расселению, обеспечить поощрение предпринимателей-промышленников, льготное налогообложение и пр.

Уже есть первые проектные предложения, направленные на возрождение малых городов и сельских подсистем расселения посредством реиндустриализации. В качестве таких точек роста, драйверов возрождения могут служить

газоперерабатывающие кластеры близ компрессорных станций на магистральных трубопроводах. В частности, разработаны концепции развития кластеров по производству аммиака и азотных удобрений из природного газа при КС «Грязовецкая» в Вологодской области (2024, авторы Д. Е. Фесенко, С. Н. Рыбаков, Н. Ю. Мельничук) (рис. 5, 6) и КС «Торжокская» в Тверской области (2025, авторы Г. Г. Малинецкий, Д. Е. Фесенко, В. А. Полторакова).

Последнее из этих проектных предложений, предназначенное для Торжка, кратко представлено ниже (Деградирующее... 2025) (рис. 4).

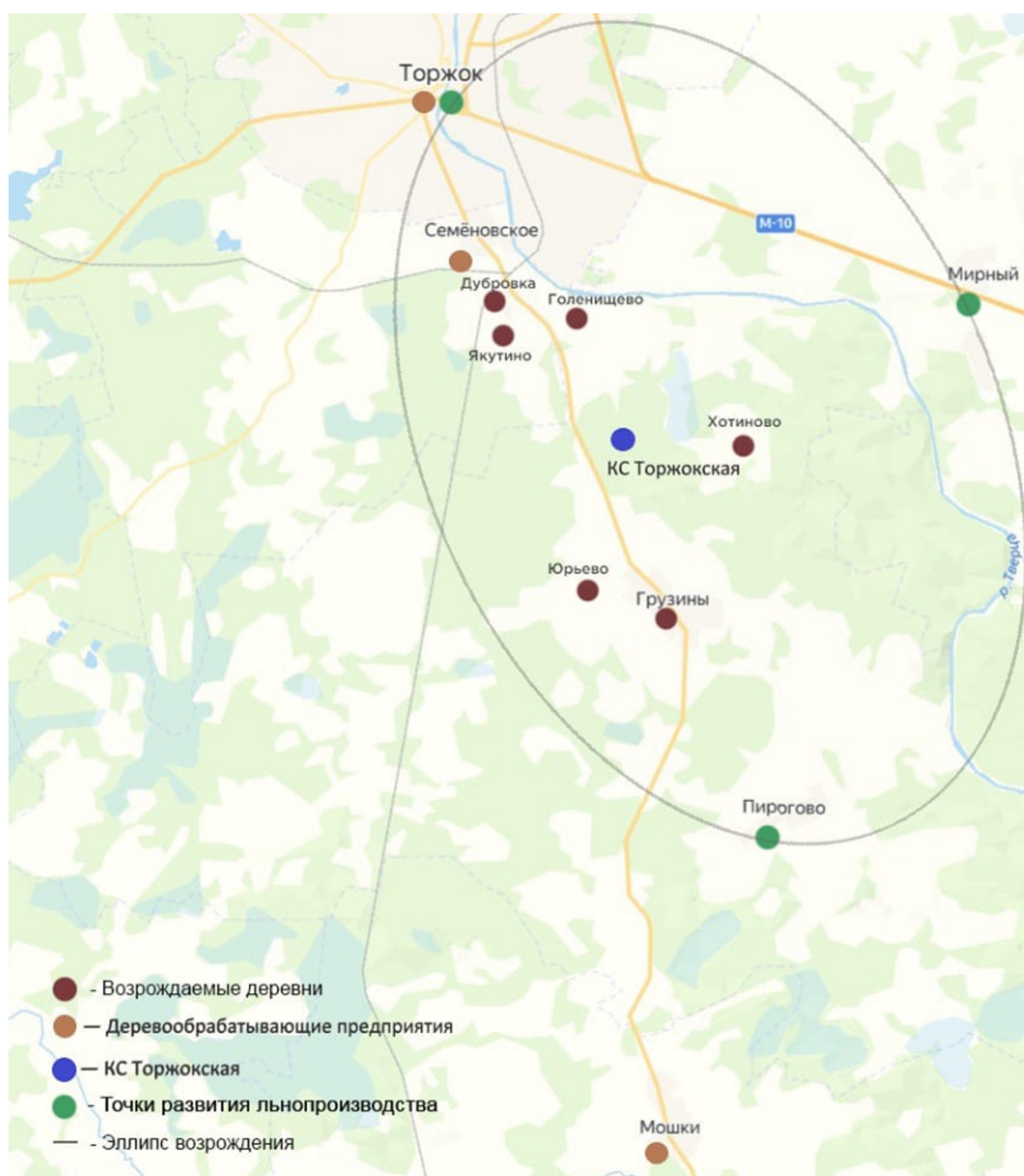

Рис. 4. Г. Г. Малинецкий, Д. Е. Фесенко, В. А. Полторакова. «Эллипс возрождения», генерируемый газоперерабатывающим кластером на основе КС «Торжокская». Предпроект. 2025

Fig. 4. G. G. Malinetsky, D. E. Fesenko, and V. A. Poltorakova. 'Renaissance Ellipse' generated by a gas processing cluster based on the Torzhok compressor station. Preliminary design. 2025

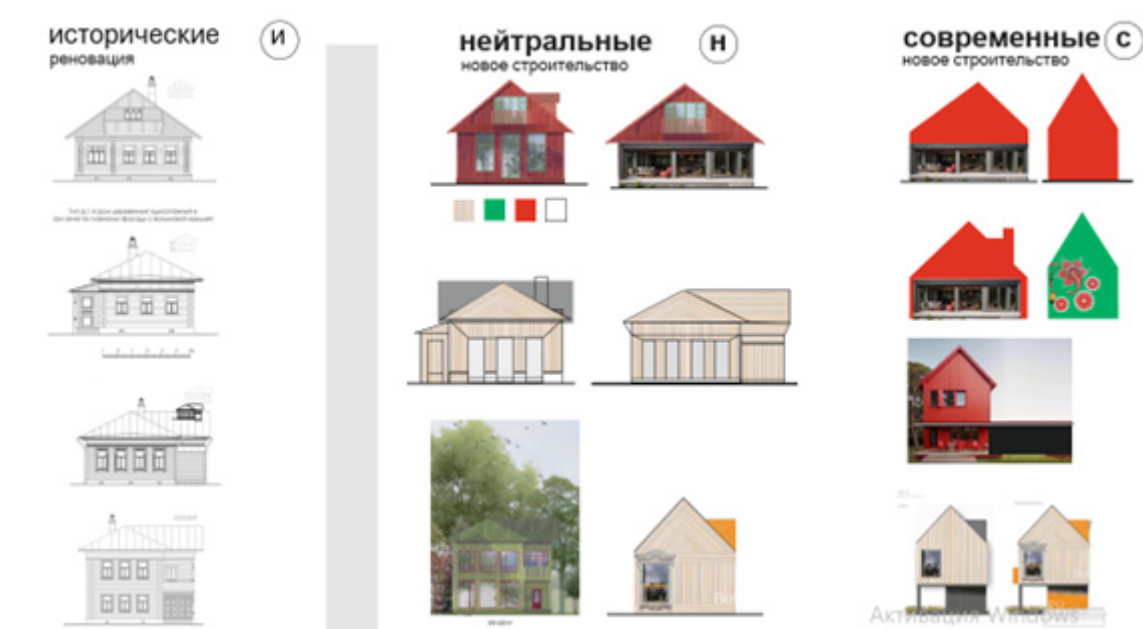

Рис. 5. Д. Е. Фесенко, С. Н. Рыбаков, Н. Ю. Мельничук; А. С. Кривов, В. М. Серов (финансово-экономическое обоснование). Студенты ВолГУ Е. Пантина, Д. Махина, А. Матвеева, Е. Лукичева. Концепция возрождения подсистемы сельского расселения на основе газоперерабатывающего кластера близ КС «Грязовецкая». 2024

Типология индивидуальных жилых домов — от реновации к новому строительству.
Исторические — нейтральные — современные.

Fig. 5. D. E. Fesenko, S. N. Rybakov, and N. Yu. Melnichuk; A. S. Krivov and V. M. Serov (financial and economic justification); VolSU students E. Pantina, D. Makhina, A. Matveeva, and E. Lukicheva. Concept for the revival of a rural settlement subsystem based on a gas processing cluster near the Gryazovetskaya compressor station. 2024

Typology of individual residential buildings: from renovation to new construction. Historical–neutral–modern.

Рис. 6. 3D-модель поселения

Fig. 6. 3D model of the settlement

В последние годы объемы транспортируемого газа в Европу резко сократились. Развитию газоперерабатывающих мощностей на территории России, что позволяет увеличить монетизацию газа в десятки раз, нет альтернативы. При этом РФ перерабатывает около 2 % природного газа, тогда как США — более 70 %. Согласно стратегии развития химической промышленности до 2030 года, предусматривается реализация 200 инвестпроектов на сумму более 1 трлн руб.

Перспектива переработки газа связана со строительством соответствующих мощностей в непосредственной близости от компрессорных станций, что предполагает ряд шагов, среди них — определение площадок для размещения производственных мощностей с учетом территориального ресурса их развития, близости к транспортным коридорам и пр., определение специализации газоперерабатывающего кластера в зависимости от химического состава транспортируемого газа и перспектив сбыта конечной продукции, определение состава приближенных к производству возрождаемых поселений, а также территорий для развития новых, так называемого «эллипса возрождения», выявление взаимоподдерживающих аграрно-промышленных специализаций, ТЭО программы развития кластера, предпроектные исследования и проектирование кластера, поселенческой сети и «подстраховывающих» производственных специализаций.

КС «Торжокская» имеет ряд преимуществ, в том числе, расположение в непосредственной близости от ВСМ и автомагистрали М11, в пределах северо-западного луча Тверской агломерации и опорного пункта Торжок; в окружении исторически сложившихся поселений — г. Торжок (40 тыс.) и порядка 10 деревень; вблизи деревообрабатывающих мощностей; имеется ряд «подстраховывающих» функций: льнопроизводство, туризм, рекреация.

В качестве аналога предприятия по газопереработке, в данном случае — производству азотных удобрений — может служить планировавшееся с конца 2010-х годов ПАО «Куйбышев-Азот» на территории Курска, но застопорившееся строительство завода по производству: аммиака — 200 тыс. т в год, карбамида — 800 тыс. т и карбамидно-аммиачной смеси — 365 тыс. т. Стоимость проекта «КурскАзот» составляла порядка 75 млрд руб.

Новое предприятие, если принять в качестве образца «КурскАзот», должно обеспечить 200–250 рабочих мест (без учета логистики, обслуживания и пр.). Появление 200–250 новых до-

мохозяйств потребует модернизации и нового строительства 30–35 тыс. м² жилья, не считая социальных объектов и накладных расходов, в реконструируемых и возрождаемых сельских населенных пунктах. Из расчета средней стоимости 1 м² в деревянном доме 50 тыс. руб. смета составит 1,5–2 млрд руб. — до 2 % от стоимости всего проекта.

Развитие газоперерабатывающих производств при КС позволяет не только внести существенную лепту в возрождение малых городов (Грязовец, Торжок), но и создать «эллипс возрождения», вызвав к жизни десятки прилегающих сел и деревень, восстановив и заново построив сотни жилых домов и объекты инфраструктуры, а также способствовать развитию местных производств — от деревообработки до агро- и льнопроизводства, что позволяет избежать монопрофильности.

Возрождение национальных и региональных архитектурных традиций — стилизаторство и стилизация

Начиная с середины 2010-х годов наблюдается прогрессирующий процесс обращения к национальным и региональным образцам архитектуры, в частности, появляются проекты и реализации в нео- и псевдорусском стиле. Вряд ли можно говорить о беспрецедентности данного феномена — он имел место и ранее, однако носил спорадический характер.

Следует заметить, что в орбиту влияния постмодернистской культуры Запада в 1990–2010-е годы попал весь спектр отечественных архитектурных течений и направлений. Не является исключением и нео- и псевдорусский стиль, соответственно, регионализм, пропущенный сквозь призму модернизма, и стилизаторская версия русского стиля. Они более или менее активно проявились во второй половине 2010-х.

В качестве примера можно привести: в первом случае — туристический комплекс «Кудыкина гора» в Липецкой области (2021) и проект «Нового русского города» (2018), принадлежащие бюро «Мегабудка», во втором — жилой комплекс «Русский дом» в Басковом переулке в Санкт-Петербурге (2015–2018, «Евгений Герасимов и партнеры»).

Авторы дома гостеприимства «Кудыкина гора» (архитекторы А. Баранов, А. Бурлакова, М. Вергинская, К. Губернаторов, Д. Листопад, А. Укропов, Е. Цыба), включающего вестибюль, кафе и ресторан, сувенирную лавку, аттестуют свое произведение как первое в мире здание,

построенное в новом русском стиле, который ими разработан на основании многолетних научных изысканий, позволивших вывести, со слов авторов, «определитель русскости дизайна» и свести воедино понятия авангарда и традиции (Центр гостеприимства 2021).

Данный подход выходит за пределы одного здания, охватывая различные уровни туристического комплекса, начиная от фирменного стиля и заканчивая парком, в основу которого положен кольцевой пешеходный маршрут со сменяющимися друг друга точками притяжения, обеспечивающими процесс поэтапного лицезрения и вчувствования в нетронутый ландшафт. Собственно центр гостеприимства отмечает стартовую точку маршрута, организуя перспективный вид на Крепость — главную достопримечательность парка.

Комплекс состоит из разновысоких скульптурных объемов-«теремов», объединенных стилобатом. С круговой террасы открываются роскошные виды на крепость, пруд и скульптуру Горыныча. Фасады обшиты черненой доской — по словам архитекторов, словно обветренной и выгоревшей на солнце, подобно бревнам срубов. Богатая пластика, от аркад и строчек треугольных оконных проемов до стен, плавно переходящих в кровли, пропущена сквозь метафизическое видение в духе Дж. де Кирико.

Интерьеры комплекса выполнены на контрасте — разновысотные внутренние пространства, которые могут работать в автономном режиме, по большей части напоены светом, доминирует высветленное дерево, активно используется орнаментика с опорой на богатство русского узорочья, впрочем, без перебора, характерного для XVII века. Особенно эффектно пространство кафе — пронизанный светом и воздухом протяженный неф, отсылающий скорее к типологии базилики — как планировочно, так и пространственно.

В отличие от «Кудыкиной горы» авторы жилого комплекса «Русский дом» (архитекторы Е. А. Герасимов (руководитель), С. Д. Меркушева (ГАП), А. Ю. Яковлева (руководитель архитектурной группы), Е. П. Апполонова, Е. Н. Будылина, С. И. Бурдонская, А. В. Сморгин, Е. А. Горюнова, О. С. Леушина) не склонны акцентировать его поисковость и экспериментальность. Очевидно, посыл здесь был иной, больше коммерческий, и, надо сказать, девелоперу — «АСР. Недвижимость — СЗ» — его задумка удалась. Если верить маркетологам, комплекс стал новой достопримечательностью Санкт-Петербурга, в отличие от большинства ново-

строек в историческом центре города жители ее «приняли». Впрочем, сами архитекторы апеллируют к качеству хэнд-мейд и человеческому теплу, а критики выстраивают сложносочиненные конструкции про синтез русофильства, эскапической романтики и новых гениев места.

В центре города застройщикам и архитекторам редко удается получить большие участки, позволяющие замахнуться на создание ансамбля. В данном случае авторы обращаются к типологии доходного дома конца XIX — начала XX века с курдонером и развитыми дисимметричными крыльями и замкнутыми прямоугольными дворами. Только масштаб совсем не дореволюционный — в разы больше.

Если же говорить об архитектуре, то она вырастает скорее из палат допетровского времени — с башенками, двускатными клиновидными кровлями и пузатыми колоннами. Фасады всех корпусов уснащены барельефами заводского изготовления, отрисованными графическим дизайнером «по мотивам». При этом архитекторы отмежевываются от возможных обвинений в киче, указывая на достигнутый баланс, а искусствоведы изыскивают «третью производную первоисточника» в лице древнерусских палат и теремной архитектуры.

«Благодаря обилию отсылок, которые считаются неосознанно, «чувствуются кожей», дом становится универсальным, емким, и даже в рамках, казалось бы, специфической темы вызывает разные ассоциации: с теремом, псковской церковью, романтическим замком, заставляет вспомнить сказки с иллюстрациями Ивана Билибина, град Китеж, школьные путешествия», — пишет критик на одном из архитектурных порталов (Кузнецова 2018).

Возвращаясь к дилемме стилизаторство / стилизация, псевдо- / нео-: если говорить о регионалистской версии — неорусском стиле, то истоки критического регионализма восходят к 1970–1980-м годам, он связан с именами К. Фремптона, А. Тзониса и др. и опирается на философские труды П. Рикера, в которых делается акцент на синтез традиции и современного взгляда на мир, что положено в основу построений К. Фремптона.

В то же время в дореволюционной России имелась своя богатая традиция работы как в псевдорусском, так и неорусском стиле. Имелись свои безусловные лидеры: от А. М. Горностаева и Ропета (И. Н. Петрова) до А. В. Щусева и В. А. Покровского.

Регионализм противостоит постмодернизму, будучи при этом идеологически связанным с эпохой постмодерна. В потенциале как

неорусский, так и псевдорусский стили могли бы разорвать постмодернистские путы в пользу «автохтонного» развития — с опорой на традиционалистские ценности и богатые архитектурные традиции — допетровские, дореволюционные, послереволюционные и т. д.

Как нам представляется, в обозначенной перспективе одним из вероятных маяков могло бы служить построенное еще в 2000 году Мастерской-ТАФ здание Летней школы в Ошевенске, являющее собой плодотворный синтез народной архитектуры, «умного делания» и русского архитектурного авангарда 1920-х. Сами архитекторы видят в нем сплав «естественной работы с материалами, с формой, с пространством, базирующимися на ценностях традиционного народного формообразования, с духом времени нашей жизни» (Ермолаев 2001).

От центра гостеприимства «Кудыкина гора» и жилого комплекса «Русский дом» ТАФовскую школу отличают эскизность, ненадуманность, безыскусность, ненапыщенность, демократизм. Авторы «Кудыкиной горы» проговариваются: их комплекс таков, «как если бы его строил русский мужик», а Ошевенскую школу и взаправду строили ошевенцы Валерий Боголепов, Евгений Лапушкин и Алексей Пухов. Функцио-

нальное предназначение дома — место обучения будущих профессионалов средового дизайна, носителей творческого сознания, «взращенного на фундаментальных народных традициях, опираясь на которые во все времена работали те, кто занят материей — каменщик, плотник, кузнец, керамист, ткач, творили мастера XX века — Райт, Мис, Корбюзье, Мур, Гери, Соттсасс и другие, слишком многие, чтобы их называть» (Ермолаев 2001).

Здание Школы представляет собой сруб, рубленный в обло, с неуплощенными бревнами в интерьере и свободно выпущенными хвостами. Поставленный на гранитные валуны, благодаря отрыву от земли дом пропускает под собой внешние воды. Кособокость западной стены подсказана изгибом реки Чурьеги. Основа плана — единое двусветное, по слову авторов, связно-структурированное пространство мастерской с лестницей сбоку, ведущей на обширную антресоль, предназначенную для отдыха и сна. Горизонтальные окна — вразбежку по фасадам: их горизонтальные размеры проектные, вертикальные определялись «по месту» в связи с «топорной» технологией. Покрытие — кровельная доска в два слоя, срок жизни которой 25–30 лет (рис. 7–10).

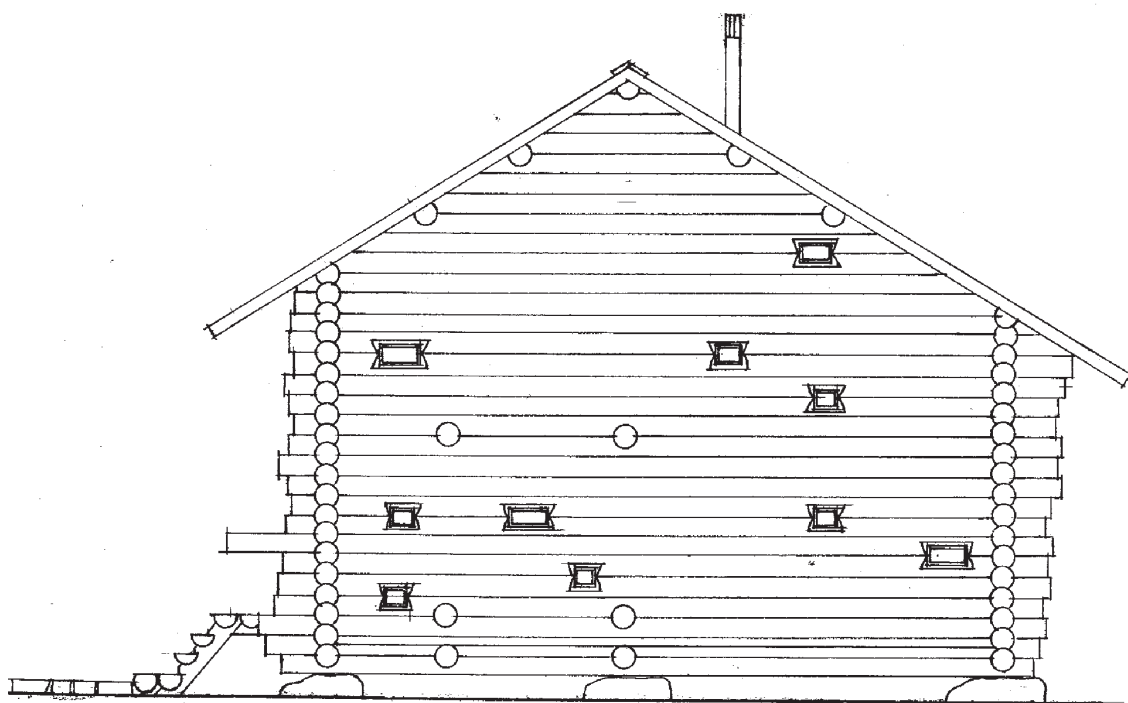

Рис. 7. А. П. Ермолаев и Мастерская-ТАФ. Летняя школа в Ошевенске. 2000. Фасад

Fig. 7. A. P. Yermolaev and TAF Workshop. Summer School in Oshevensk. 2000. Façade

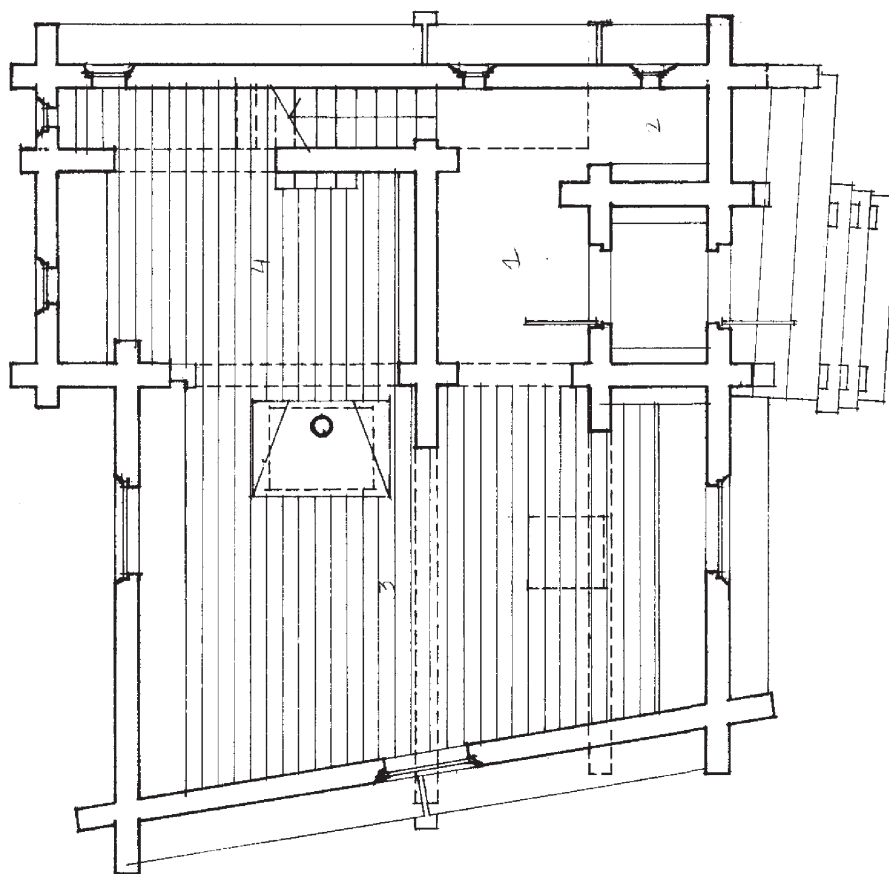

Рис. 8. А. П. Ермолаев и Мастерская-ТАФ. Летняя школа в Ошевенске. 2000. План
Fig. 8. A. P. Yermolaev and TAF Workshop. Summer School in Oshevensk. 2000. Plan

Рис. 9. А. П. Ермолаев и Мастерская-ТАФ. Летняя школа в Ошевенске. 2000. Общий вид. Фото В. Чайка
Fig. 9. A. P. Yermolaev and TAF Workshop. Summer School in Oshevensk. 2000. General view. Photo V. Chaika

Рис. 10. А. П. Ермолаев и Мастерская-ТАФ. Летняя школа в Ошевенске. 2000. Интерьер. Фото К. Шулика

Fig. 10. A. P. Yermolaev and TAF Workshop. Summer School in Oshevensk. 2000. Interior. Photo K. Shulika

По центру — открытый очаг с дымоходом, смонтированный и сваренный из деталей сельхозтехники с ближайшей свалки: дефлектора от комбайна «Колос», сеялки и цилиндра-веялки от комбайна «Нива-2М», задвижки от веялки УПМ-9, трубы оросительной системы ОСА-18, коробка воздуходувки ВЭ-1200 и др. (рис. 11).

Предметно-вещевой комплекс в интерьере состоит из трех слоев: 1) системы досок, опирающихся на места стыка бревен — рабочие столы, стеллажи, лавки и пр.; 2) рациональной рабочей мебели типа «венская» или «трансформируемая»; 3) авторской мебели — результата соединения материалов разобранных построек и обработанных стволов ольхи и черемухи, растущих по берегам Чурьег (Ермолаев 2001).

После Летней школы ТАФовцы вошли во вкус — за последующие два десятилетия было построено, приобретено, реконструировано и приспособлено более дюжины домов, бань, хозпостроек и др.

В свете ослепительной, образно, пластически и технологически изощренной архитектуры столиц ошевенский опыт не может не вызывать снисходительной улыбки. И это по-человечески понятно и объяснимо — прежде всего многолетним присяганием архитектурной профессии эпохе постмодерна и связанному с нею неолибе-

ральному взгляду на мир. Тем более что именно архитектурный цех стал одним из бенефициаров геополитической катастрофы начала 1990-х годов, что зафиксировано в расхожей формуле: «миллионеры обслуживают миллиардеров». Отсюда — и нынешние реалии: строительство в Москве 250 высоток выше 100 м, реновация районов индустриального домостроения, мультипликация общественных пространств и др.

Справедливости ради следует отметить, что в последние десятилетия очевидно возрождение интереса к региональным и местным архитектурным традициям, в частности, в республиках, от Татарстана до Якутии и Северного Кавказа. В качестве примера можно привести интерьеры введенного в 2025 году Татарского государственного академического театра им. Г. Камала в Казани, где национальная тема — от литературных образов до орнаментики — и современный художественный язык сплавлены в единое целое.

В заключение укажем еще на один возможный поворот темы, связанной с проявлением качества самостождественности (самобытности) в современной российской архитектуре, — это православное зодчество, активно развивающееся с конца 1980-х — начала 1990-х годов. Однако это особый сюжет, который заслуживает отдельного развернутого исследования.

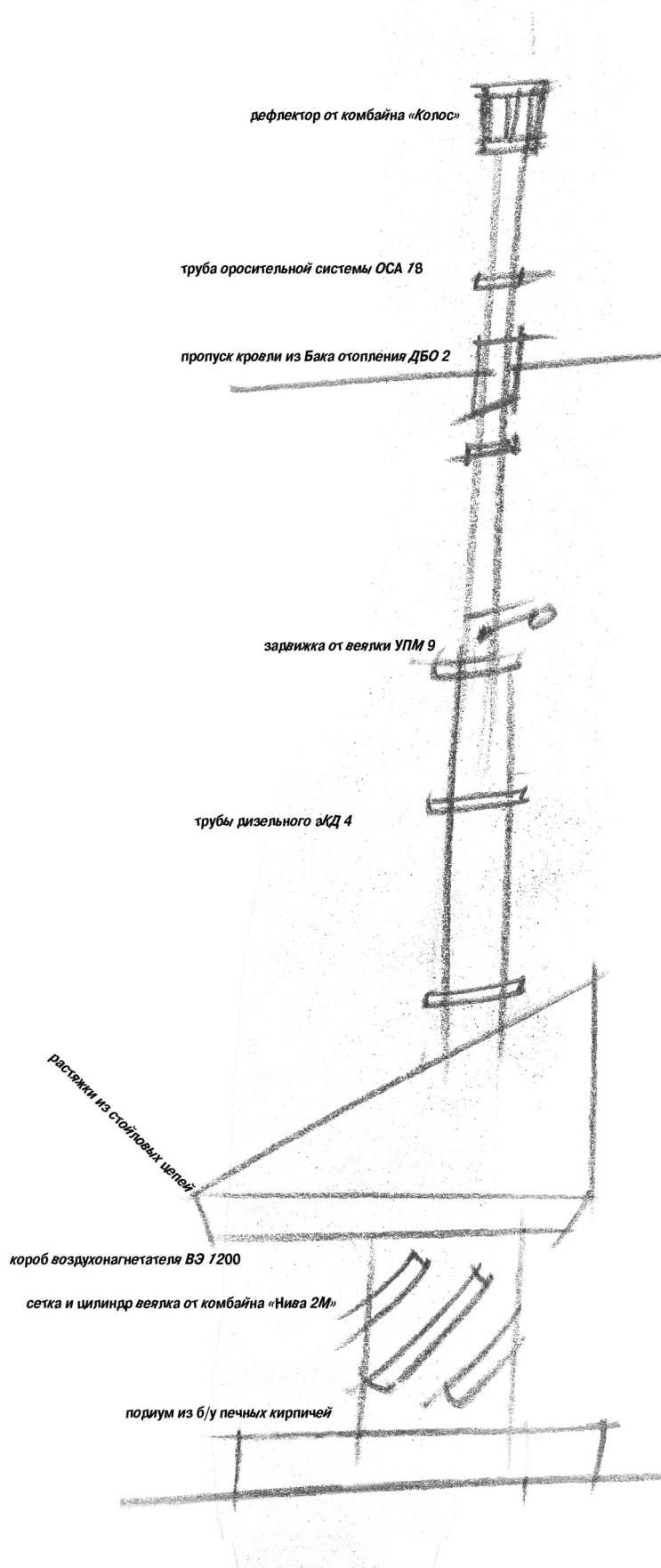

Рис. 11. Эскиз очага с раскладкой по составным элементам
Fig. 11. Sketch of the fireplace with the layout of its component parts

Выводы

1. Развитие самotoждественнического, или самобытного тренда в архитектуре России обусловлено общественным запросом, общегосударственной санкцией, наличием или отсутствием экономического ресурса.

2. В трудах отечественных ученых сформулированы теоретические положения, могущие служить основанием перехода от неолиберальной к посткапиталистической эпохе и, соответственно, являются предпосылкой развития самotoждественнического тренда в архитектуре.

3. Кризисные явления в мировой геополитике, отечественной культуре и экономике представляют собой серьезный исторический вызов, в том числе для российской архитектуры, предполагая с ее стороны адекватный ответ.

4. Начиная с 2010-х годов в рамках самotoждественнического тренда в архитектуре России получают развитие три основных феномена: охрана наследия и реставрация, возрождение малых и средних городов, сельских территорий

и развитие национальных и региональных архитектурных традиций.

5. Если охрана памятников и реставрация получила государственную поддержку, то два других направления — возрождение малых поселений и развитие национальных и региональных архитектурных традиций — нуждаются в дополнительном общественном и властном внимании.

6. В настоящее время подготовлен ряд пилотных проектов, в частности, в области реиндустриализации, способных придать импульс возрождению малых и средних городов, сельских поселений, а также развитию национальных и региональных традиций в архитектуре России.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Список литературы

- Боглаев/Бобылев: *Аварийная посадка*. (2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/video/watch/687272fb27b84310adc19761> (дата обращения 05.09.2025).
- В СССР были предпосылки для построения коммунизма — историк. (2019) *Красная весна*. [Электронный ресурс]. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/afaf7b32> (дата обращения 05.09.2025).
- Великая перезагрузка: от либерального капитализма к рабовладению. (2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/X-BEFifOmCRavdOd> (дата обращения 05.09.2025).
- Гинзбург, А. В. (2014) Дом Наркомфина М. Гинзбурга: о рамочных условиях реставрации памятника. *Архитектурный Вестник*, № 1 (136), с. 64–69.
- Глобализация умерла. Осталось пережить последствия. В каком году начнётся новая Великая депрессия. (2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZCXIAZsgdGEZqXqR> (дата обращения 20.09.2025).
- Деградирующее Нечерноземье — есть ли выход? (2025) *Архитектурный вестник*. [Электронный ресурс]. URL: <https://archvestnik.ru/2025/02/19/degradiruyushcheye-nechernozemye-yest-li-vykhod/> (дата обращения 05.09.2025).
- Деягин, М. Г. (2025) *От стабильности к модернизации*. [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/Z72QLTUIP2L947Bq> (дата обращения 05.09.2025).
- Директива Дугина: Последняя русская битва, шесть главных позиций. (2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZHYJBfCA5TirvWcw> (дата обращения 20.09.2025).
- Дугин, А. (2023) Новый многополярный порядок. Гептархия и её смыслы. *Изборский клуб*. [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/24700> (дата обращения 20.09.2025).
- Ермолаев, А. П. (2001) Дом на Севере. *Архитектурный Вестник*, № 2, с. 18–22.
- Ионесов, В. И. (2024) Наука об искусстве в эпоху смены культурных парадигм: размышления о новой монографии Николая Андреевича Хренова. *Сфера культуры*, т. 5, № 2 (16), с. 135–143. https://doi.org/10.48164/2713-301X_2024_16_135
- Калашников, М. (2025) «Технологическая республика». *Livejournal*. [Электронный ресурс]. URL: <https://m-kalashnikov.livejournal.com/4726658.html> (дата обращения 05.09.2025).
- Катасонов, В. Ю. (2023) *О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. «Денежная цивилизация» и современный кризис*. М.: Тион, 744 с.
- Костина, А. В., Сапожникова, В. С. (2025) *Традиция в цифровую эпоху: Ценности в сетевом обществе и «новый русский стиль»*. М.: Ленанд, 304 с.

- Кузнецова, А. (2018) *Новое воспоминание*. [Электронный ресурс]. URL: <https://archi.ru/russia/83905/russkii-dom> (дата обращения 05.09.2025).
- Кулиш, В. О. (2014) «Дом-коммуна» И. Николаева — условия сохранения памятника. *Архитектурный Вестник*, № 1, с. 58–63.
- Лотман, Ю. М. (2001) Культура и взрыв. В кн.: *Семииосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи, исследования, заметки*. СПб.: Искусство-СПБ, с. 12–149.
- Мелентьева, Н. В. (2023b) Философские основания либерализма. Главный компонент парадигмы современности. *Завтра.ру*. [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/filosofskie_osnovaniya_liberalizma (дата обращения 20.09.2025).
- Мелентьева, Н. В. (2023a) Последняя битва парадигм: русский традиционализм против мирового либерализма. *Katehon*. [Электронный ресурс]. URL: <https://katehon.com/ru/article/poslednyaya-bitva-paradigm-russkiy-tradicionizm-protiv-mirovogo-liberalizma> (дата обращения 20.09.2025).
- Неученья тьма. Математик Савватеев предложил «пересобрать» российскую школу. (2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/aKzRPq2WuAfbdlk> (дата обращения 05.09.2025).
- Новый стандарт войны. Анализ доклада RAND Corporation «Dispersed, Disguised and Degradable». (2025) *AfterShock*. [Электронный ресурс]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/1513591&full> (дата обращения 05.09.2025).
- Памяти Александра Самойловича Ахиезера (1929–2007). (2007) *Демоскоп Weekly*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2007/0305/nauka01.php> (дата обращения 20.09.2025).
- Педсовет. Сергей Белашов. (2024) [Электронный ресурс]. URL: <https://m.ok.ru/group/53995195465925/topic/156163359012293> (дата обращения 5.09.2025).
- Русский Ковчег. Альтернативная стратегия мирового развития. (2020) *Изборский клуб*. [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/18825> (дата обращения 05.09.2025).
- Русский миллиард. Юрий Крупнов о стратегии демографического взрыва и рывка. (2018) *Красная линия*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rline.tv/podrobnosti/2018-04-10-russkiy-milliard-yuriy-krupnov-o-strategii-demograficheskogo-vzryva-i-ryvka/> (дата обращения 05.09.2025).
- СВО и революция военного дела. (2024) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/121805/> (дата обращения 05.09.2025).
- Северная лаборатория. ТАФ-Ошевенск. (2025) М.: Мастерская-ТАФ, 152 с.
- Сергей Переслегин: история как предмет управления. (2021) *БизнесOnline*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/522642> (дата обращения 20.09.2025).
- «Тайная доктрина» трампизма: единственный вариант для Америки пережить потерю мирового лидерства. (2025) *БизнесOnline*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/680786> (дата обращения 05.09.2025).
- «Такие события, как сейчас, происходят раз в столетие»: Сергей Глазьев о сломе эпох и смене укладов. (2022) [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/YkChu2tOf1nzoSp7> (дата обращения 05.09.2025).
- Текст обращения Путина. (2022) *Интерфакс*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/865716> (дата обращения 20.09.2025).
- Фесенко, Д. Е. (2012) Архитектурная профессия: синергетическая трактовка актуального момента и взгляд в будущее. *Архитектурный Вестник*, № 5, с. 6–13.
- Фесенко, Д. Е. (2016) Архитектура и строительство как вторая производная. *Архитектурный Вестник*, № 4, с. 72–73.
- Формула Комова: как тактический урбанизм и философия суверенной архитектуры меняют реальность. (2025) *Строительство.ги*. [Электронный ресурс]. URL: <https://rcmm.ru/kto-est-who/71180-formula-komova-kak-takticheskij-urbanizm-i-filosofija-suverennoj-arhitektury-menjajut-realnost.html> (дата обращения 20.09.2025).
- Фурсов, А. (2022) Мир посткапитализма. *Изборский клуб*. [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/22303> (дата обращения 05.09.2025).
- Фурсов, А. (2024) На смену капитализму идет биоэкотехнофашизм. *Союзное вече*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.souzveche.ru/articles/community/84168/> (дата обращения 05.09.2025).
- Фурсов, А. И. (2023) Приходит мир, который не ждали. Что для планеты означает конец прогресса. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.km.ru/v-rossii/2023/05/24/904894-prihodit-mir-kotoryi-ne-zhdali-cto-dlya-planety-oznachaet-konets-progre> (дата обращения 05.09.2025).
- Фурсов, А. И. (2024) Закрывающаяся дверь в будущее. *Завтра.ру*. [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/zakrivayushayasya_dver_v_budushee_desyatiletie_kotoroe_opredelit_blizhajshie_70-80 лет (дата обращения 05.09.2025).
- Хренов, Н. А. (2024) *Искусство в ситуации культурологического поворота: методологические поиски*. М.: Канон+, 624 с.
- Центр гостеприимства. (2021) *Мегабудка*. [Электронный ресурс]. URL: <https://megabudka.ru/posts/1918> (дата обращения 05.09.2025).
- «Это даст нам шанс победить». Александр Дугин обнародовал концепцию деколонизации России. (2024) *Первый русский*. [Электронный ресурс]. URL: https://tsargrad.tv/investigations/jeto-dast-nam-shans-pobedit-dugin-obnarodoval-koncepciju-dekolonizacii-rossii_1054358 (дата обращения 20.09.2025).

References

- Boglaev/Bobylev: *Avariynaya posadka* [Boglaev/Bobylev: *Emergency landing*]. (2025) [Online]. Available at: <https://dzen.ru/video/watch/687272fb27b84310adc19761> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Degradiruyushchee Nechernozem'e — est' li vykhod? [The degrading Non-Black Earth Region — is there a way out?]. (2025) *Arkhitekturnyj vestnik — Architectural Herald*. [Online]. Available at: <https://archvestnik.ru/2025/02/19/degradiruyushcheye-nechernozemye-yest-li-vykhod/> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Delyagin, M. G. (2025) *Ot stabil'nosti k modernizatsii* [From stability to modernization]. [Online]. Available at: <https://dzen.ru/a/Z72QLTUIP2L947Bq> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Direktiva Dugina: *Poslednyaya russkaya bitva, shest' glavnykh pozitsij* [Dugin's Directive: The last Russian battle, six main positions]. (2023) [Online]. Available at: <https://dzen.ru/a/ZHYJBFcA5TirvWcw> (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Dugin, A. (2023) *Novyj mnogopolynarnyj poryadok. Geptarkhiya i ee smysly* [The new multipolar order. Heptarchy and its meanings]. *Izborskij klub*. [Online]. Available at: <https://izborsk-club.ru/24700> (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Ermolaev, A. P. (2001) *Dom na Severe* [House in the North]. *Arkhitekturnyj Vestnik — Architectural Herald*, № 2, pp. 18–22. (In Russian)
- “Eto dast nam shans pobedit’”. Aleksandr Dugin obnarodoval kontseptsiyu dekolonizatsii Rossii [“This will give us a chance to win”. Alexander Dugin unveiled the concept of decolonization of Russia]. (2024) *Pervyy russkij*. [Online]. Available at: https://tsargrad.tv/investigations/jeto-dast-nam-shans-pobedit-dugin-obnarodoval-koncepciju-dekolonizatsii-rossii_1054358 (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Fesenko, D. E. (2012) *Arkhitekturnaya professiya: sinergeticheskaya traktovka aktual'nogo momenta i vzglyad v budushchee* [The architectural profession: a synergetic interpretation of the current moment and a look into the future]. *Arkhitekturnyj Vestnik — Architectural Herald*, no. 5, pp. 6–13. (In Russian)
- Fesenko, D. E. (2016) *Arkhitektura i stroitel'stvo kak vtoraya proizvodnaya* [Architecture and construction as a second derivative]. *Arkhitekturnyj Vestnik — Architectural Bulletin*, no. 4, pp. 72–73. (In Russian)
- Formula Komova: kak takticheskij urbanizm i filosofiya suverennoj arkhitektury menyayut real'nost' [Komov's formula: How tactical urbanism and the philosophy of sovereign architecture are changing reality]. (2025) *Stroitel'stvo.ru*. [Online]. Available at: <https://rcmm.ru/kto-est-who/71180--formula-komova-kak-takticheskij-urbanizm-i-filosofiya-suverennoj-arhitektury-menjayut-realnost.html> (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Fursov, A. (2022) *Mir postkapitalizma* [The world of postcapitalism]. *Izborskij klub*. [Online]. Available at: <https://izborsk-club.ru/22303> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Fursov, A. (2024) *Na smenu kapitalizmu idet bioekotekhnofashizm* [Bioecotechnofascism is replacing capitalism]. *Soyuznoe veche*. [Online]. Available at: <https://www.souzveche.ru/articles/community/84168/> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Fursov, A. I. (2023) *Prikhodit mir, kotoryj ne zhdali. Chto dlya planety oznachaet konets progressa* [The unexpected world is coming. What the end of progress means for the planet]. [Online]. Available at: <https://www.km.ru/v-rossii/2023/05/24/904894-prikhodit-mir-kotoryi-ne-zhdali-cto-dlya-planety-oznachaet-konets-progre> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Fursov, A. I. (2024) *Zakryvayushchayasya dver' v budushchee* [The closing door to the future]. *Zavtra.ru*. [Online]. Available at: https://zavtra.ru/blogs/zakrivayushayasya_dver_v_budushee_desyatiletie_kotoroe_opredelit_blizhajshie_70-80_let (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Ginzburg, A. V. (2014) *Dom Narkomfina M. Ginzburga — o ramochnykh usloviyakh restavratsii pamyatnika* [The House of the people's commissariat of finance of M. Ginzburg — on the framework conditions for the restoration of the monument]. *Arkhitekturnyj Vestnik — Architectural Herald*, no. 1, pp. 64–69. (In Russian)
- Globalizatsiya umerla. Ostalos' perezhit' posledstviya. V kakom godu nachnetsya novaya Velikaya depressiya* [Globalization is dead. All that's left is to live with the consequences. What year will the next Great Depression begin?]. (2023) [Online]. Available at: <https://dzen.ru/a/ZCXIAZsgdGEZqXqR> (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Ionesov, V. I. (2024) *Nauka ob iskusstve v epokhu smeny kul'turnykh paradigm: razmyshleniya o novoy monografii Nikolaya Andreevicha Khrenova* [Art science in the epoch of the cultural paradigms change: Reflections on a new monograph by Nikolai Andreevich Khrenov]. *Sfera kul'tury — Sphere of Culture*, vol. 5, no. 2 (16), pp. 135–143. https://doi.org/10.48164/2713-301X_2024_16_135 (In Russian)
- Kalashnikov, M. (2025) *Tekhnologicheskaya respublika* [“Technological Republic”]. *Livejournal*. [Online]. Available at: <https://m-kalashnikov.livejournal.com/4726658.html> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Katasonov, V. Yu. (2023) *O protsente: ssudnom, podsudnom, bezrassudnom. “Denezhnaya tsivilizatsiya” i sovremennyy krizis* [On interest: Loan, judicial, reckless. “Monetary civilization” and the modern crisis]. Moscow: Tion Publ., 744 p. (In Russian)
- Khrenov, N. A. (2024) *Iskusstvo v situatsii kul'turologicheskogo povorota: metodologicheskie poiski* [Art in the situation of the cultural turn: Methodological searches]. Moscow: Kanon+ Publ., 624 p. (In Russian)

- Kostina, A. V., Sapozhnikova, V. S. (2025) *Traditsiya v tsifrovuyu epokhu: Tsennosti v setevom obshchestve i "novyy russkiy stil"* [Tradition in the Digital Age: Values in a networked society and the "New Russian Style"]. Moscow: Lenand Publ., 304 p. (In Russian)
- Kulish, V. O. (2014) "Dom-kommuna" I. Nikolaeva — usloviya sokhraneniya pamyatnika ["Commune House" by I. Nikolaev — conditions for the preservation of the monument]. *Arkhitekturnyy Vestnik — Architectural Herald*, no. 1, pp. 58–63. (In Russian)
- Kuznetsova, A. (2018) *Novoe vospominanie [New memory]*. [Online]. Available at: <https://archi.ru/russia/83905/russkii-dom> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Lotman, Yu. M. (2001) Kul'tura i vzryv [Culture and Explosion]. In: *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Stat'i, issledovaniya, zametki [The semiosphere. Culture and explosion. Inside thinking worlds. Articles, research, notes]*. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB Publ., 148 p. (In Russian)
- Melent'eva, N. V. (2023a) Poslednyaya bitva paradigm: russkiy traditsionalizm protiv mirovogo liberalizma [The last battle of paradigms: Russian traditionalism vs. global liberalism]. *Katehon*. [Online]. Available at: <https://katehon.com/ru/article/poslednyaya-bitva-paradigm-russkiy-traditsionalizm-protiv-mirovogo-liberalizma> (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Melent'eva, N. V. (2023b) Filosofskie osnovaniya liberalizma. Glavnyy komponent paradigmy sovremennosti [Philosophical foundations of liberalism. The main component of the modernity paradigm]. *Zavtra.ru*. [Online]. Available at: <https://zavtra.ru/blogs/filosofskie-osnovaniya-liberalizma> (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Neuchen'ya t'ma. Matematik Savvateev predlozhl "peresobrat" rossijskuyu shkolu [Ignorance is the darkness. Mathematician Savvateev proposed "rebuilding" the Russian school system]. (2025) [Online]. Available at: <https://dzen.ru/a/aKzRPq2WuAfbdlk> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Novyy standart vojny. Analiz doklada RAND Corporation "Dispersed, Disguised and Degradable" [A new standard of war. Analysis of the RAND Corporation report "Dispersed, Disguised, and Degradable"]. (2025) *AfterShock*. [Online]. Available at: <https://aftershock.news/?q=node/1513591&full> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Pamyati Aleksandra Samojlovicha Akhiezer (1929–2007) [In memory of Alexander Samoilovich Akhiezer (1929–2007)]. (2007) *Demoskop Weekly*. [Online]. Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly/2007/0305/nauka01.php> (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Pedsovet. Sergej Belashov [Teachers' Council. Sergey Belashov]. (2024) [Online]. Available at: <https://m.ok.ru/group/53995195465925/topic/156163359012293> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Russkiy Kovcheg. Al'ternativnaya strategiya mirovogo razvitiya [Russian Ark. An alternative strategy for global development]. (2020) *Izborskij klub*. [Online]. Available at: <https://izborsk-club.ru/18825> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Russkiy milliard. Yuriy Krupnov o strategii demograficheskogo vzryva i ryvka [Russian billion. Yuri Krupnov on the strategy of a population explosion and leap]. (2018) *Krasnaya liniya*. [Online]. Available at: <https://www.rline.tv/podrobnosti/2018-04-10-russkiy-milliard-yuriy-krupnov-o-strategii-demograficheskogo-vzryva-i-ryvka/> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Sergej Pereslegin: istoriya kak predmet upravleniya [Sergey Pereslegin: History as a subject of management]. (2021) *BiznetsOnline*. [Online]. Available at: <https://www.business-gazeta.ru/article/522642> (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Svernaya laboratoriya. TAF-Oshevensk [Northern Laboratory. TAF-Oshevensk]. (2025) Moscow: Masterskaya-TAF Publ., 152 p. (In Russian)
- SVO i revolyutsiya voennogo dela [The SMO and the revolution of military affairs]. (2024) [Online]. Available at: <https://www.nakanune.ru/articles/121805/> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- "Tajnaya doktrina" trampizma: edinstvennyj variant dlya Ameriki perezhit' poteryu mirovogo liderstva [The "Secret Doctrine" of trumpism: America's only option to survive the loss of global leadership]. (2025) *BiznetsOnline*. [Online]. Available at: <https://www.business-gazeta.ru/article/680786> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- "Takie sobytiya, kak sejchas, proiskhodyat raz v stoletie": Sergej Glaz'ev o slome epokh i smene ukkladov ["Events like now happen once a century": Sergei Glazyev on the turning point of eras and the change of ways of life]. (2022) [Online]. Available at: <https://dzen.ru/a/YkChu2tOf1nzoSp7> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Tekst obrashcheniya Putina [Text of Putin's address]. (2022) *Interfaks*. [Online]. Available at: <https://www.interfax.ru/russia/865716> (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Tsentr gostepriimstva [Hospitality center]. (2021) *Megabudka*. [Online]. Available at: <https://megabudka.ru/posts/1918> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- V SSSR byli predposylki dlya postroeniya kommunizma — istorik [The USSR had the preconditions for building communism — historian]. (2019) *Krasnaya vesna*. [Online]. Available at: <https://rossaprimavera.ru/news/afaf7b32> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Velikaya perezagruzka: ot liberal'nogo kapitalizma k rabovladieniyu [The great reset: From liberal capitalism to slavery]. (2020) [Online]. Available at: <https://dzen.ru/a/X-BEFifOmCRavdOd> (accessed 05.09.2025). (In Russian)

Сведения об авторе

Дмитрий Евгеньевич Фесенко, SPIN-код: [7288-3852](#), ORCID: [0009-0001-4175-9078](#), e-mail: fesenko.dmitry@mail.ru.
Главный редактор журнала «Архитектурный Вестник», академик МААМ, почетный член РААСН, действительный член РОИС

Author

Дмитрий Евгеньевич Фесенко, SPIN: [7288-3852](#), ORCID: [0009-0001-4175-9078](#), e-mail: fesenko.dmitry@mail.ru.
Editor-in-Chief of Architectural Herald, Academician of International Academy of Architecture (Moscow Branch),
Honorary Member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Full Member of the Russian Society of Construction Engineers.